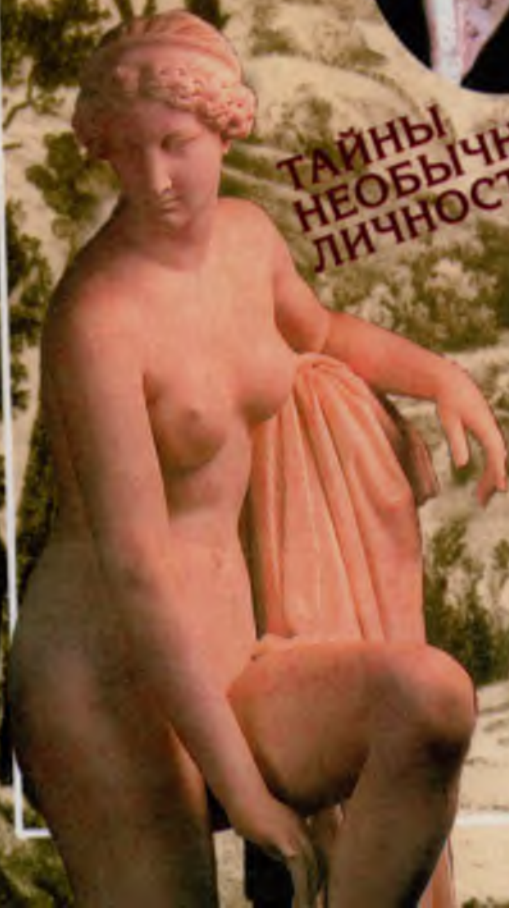

PC
A 81
K1329018

Владимир АРИНИН

ЖЕНЩИНЕ ЗАПРЕЩЕНО

ТАЙНЫ
НЕОБЫЧНЫХ
ЛИЧНОСТЕЙ

Владимир
АРИНИН

ЖЕНЩИНЕ ЗАПРЕЩЕНО

Тайны
необычных личностей

Москва

«Современник»

2002

11329018

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина.

Ас

+ кр + кмч

УДК 882-3Аринин
ББК 84(2Рос=Рус)6
А81

Книга посвящается 855-летию города Вологды

*Издательство «Современник» и автор благодарят
Главу города Вологды Алексея Сергеевича Якуничева,
Администрацию города Вологды,
ООО «Бизнес-пари» (Москва)
за содействие в издании этой книги*

Повести временных лет

ВОЛОГОДСКИЕ ТАЙНЫ

Я, чернец Фома, по велению пресветлого архиепископа Маркела, написал «Житие святого Герасима» и указал в нем, когда был основан город Вологда. О себе я никакой вести не оставил, ибо был малой песчинкой среди других песчинок-людей, исчезнувших во мраке. Мое дело было — написать о святом Герасиме. Он воздвиг первый храм вологодский на месте, где стояли языческие идолища.

ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ ВОЛОГОДСКАЯ И ФОМА

Не снилось ли вам, как каменное чудовище, внезапно превратилось в красавицу? И происходило это за стенами вологодского кремля, на музейном дворике. Не приходилось ли вам поздней белой ночью проходить мимо древних кремлевских стен? И вдруг ощутить нечто странное, невыразимое, щемящее сердце.

Вполне возможно, что каменные идолы, ныне стоящие во дворе Вологодского областного музея, есть подлинные угро-финские боги. И самая впечатляющая из фигур, у которой угадываются плодоносные груди и чудовищные чресла, является языческой мадонной, великой Богиней вологодской, бывшей одновременно и чудищем и красавицей (последнее угадывается с помощью воображения).

И есть еще свидетельства доисторических времен — названия речек и рек на территории города, в которых нет ничего русского, только транскрипция: Шограш, Содемка, Пудежка, Кайсар и, наконец, сама Вологда, происходящая то ли от русского слова «волок», то ли от финского — «светлая вода (речка)», то ли от «волотов» — мифических существ. Как сказано о Вологде в старинном сочинении: «О начале сего города, кем, в которое время и на какой случай оный построен, равно и о народах, издревле в сих местах обитавших, не имеем достопамятных известий».

Но все-таки сегодня мы кое-что имеем. Даже точнейшую дату основания города — 19 августа 1147 года. Якобы в этот день из-под Киева (самостийной и незалежной Украины тогда еще не существовало) прибыл в нашу местность на «великий лес» монах Герасим, ставший затем первым вологодским чудотворцем. И заложил он на Кайсаровом ручье Троицкий монастырь.

Об этой дате — 1147 год — знают все вологжане, о монахе Герасиме тоже слышали многие, а вот об авторе, сообщившем об этом, не знает большинство. Он вроде бы, как уже говорилось, выпал из истории города.

Так кто же он, неизвестный, выпавший? Некий Фома. Автор, написавший в XVII веке по заданию архиепископа Маркела «Житие святого Герасима». Именно Фома приводит в своем сочинении эту дату, которая стала точкой отсчета истории Вологды.

Откуда он это взял — неизвестно. Кто он был такой — тоже не знаем. Просто Фома, и все.

ВОЛОГОДСКИЙ СЛЕД БИБЛИОТЕКИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Я, первый из царей и великий князь Московского царства и иных областей держатель, благоверный и православный, гордый и буйственный, разумный и мудрый, пастух над державами и милостивый пощадитель, государь Иван Васильевич, имел великую библиотеку, оставив ее тайной для потомства. И кто осмелится разгадать сию тайну?..

* * *

Ах, великий государь Иван Васильевич, задали вы, благородный и православный, и прочая и прочая, загадку на многие века. Я тоже пытался разгадать ее, о чем в своей документальной повести «Я нашел библиотеку Ивана Грозного» подробно пишу. Это — в книге «Только в любви (Тайны русских гениев)», изданной «Современником». А ныне привожу свою версию в кратком виде, документально.

Легендарная библиотека Ивана Грозного — одна из величайших тайн русской истории. Бесчисленны попытки найти ее или хотя бы теоретически разгадать эту тайну. И вот сегодня высказывается новое объяснение этой тайны.

В 1996—1997 годах я вел поиск легендарной библиотеки в Вологде, поскольку среди множества версий относительно ее судьбы существовала версия о том, что она могла быть спрятана на Вологодчине. Поиски велись с помощью газеты «Русский Север», к ним привлекались историки, кра-

еведы, музейщики, любители старины. В результате был сделан вывод: огромная библиотека, содержащая сотни книг и другие ценности, в Вологде или каком-то другом месте вологодского края спрятана быть не могла, поскольку это требовало создания колоссальных подземных сооружений, утаить которые нельзя. Ни единого исторического факта, даже косвенного, о том, что в Вологду доставлялось что-то ценное, масштабное, просто не существует. На этом можно было поставить точку, и я искренне полагал, что мною это сделано, и думал, что никогда более к этой теме не вернусь.

Но прошло более трех лет, и снова что-то стало тревожить душу. На самом ли деле я так категорично прав? Так продолжалось из месяца в месяц, это мучило, но вместе с тем было интересно. Я инстинктивно чувствовал, что однажды найду какое-то свое объяснение. Пусть теоретически, исходя из логики. Так оно и произошло.

И однажды я сам себе задал вопрос: «А что если Иван Грозный занимался мистификацией?» Он вполне был склонен к таким играм, полуобманам, вымыслам, странностям. Вот так, как бы случайно, стала складываться версия, и подобного, кажется, никто еще не высказывал. Во всяком случае, я предлагаю свое объяснение тайны легендарной библиотеки.

* * *

Исходный момент: после Ивана Грозного великая библиотека исчезла. Нет ни одного, даже косвенного факта о ней, а многие поиски и раскопки так ни к чему и не привели. Возникает закономерный вывод: а может, ее вообще не было? Великая библиотека — просто миф, легенда. Такая точка зрения тоже существует. Но сохранились свидетельства очевидцев, видевших библиотеку. В ее существование верили многие видные историки. «Библиотека московских царей с греческими и латинскими рукописями существовала — этот факт не подлежит сомнению», — таково мнение академика М.Н. Тихомирова, высказанное им в 1960 году в журнале «Новый мир». И имеет место как бы ряд доказательств ее существования.

Две эти точки зрения, из которых одна отрицает существование библиотеки, а другая доказывает, что она была, но таинственным образом исчезла, как бы исключают друг друга. А вдруг их можно совместить? Я исхожу в своей версии из того, что это вполне возможно и совместимо. Парадокс? Такое бывает: открытие, неожиданная отгадка

может произойти именно из парадокса, из того, что кажется на первый взгляд невозможным.

И второй исходный момент. Все, что связано с библиотекой, все свидетельства о ней, а затем и поиски ее связаны исключительно с иностранцами. Само появление великой библиотеки на Руси чаще всего объясняется тем, что ее привезла с собой в Москву племянница последнего византийского императора Софья Палеолог, когда она в 1472 году вступала в брак с московским государем Иваном III. Это было ее приданое.

И самое главное: в дальнейшем легендарную библиотеку видели только иностранцы. Такое не может быть случайным. Не в этом ли ключ к разгадке тайны?

Кто же видел великую библиотеку и оставил о том свидетельство? Есть предположение, что первым был афонский монах Максим Грек. Это произошло еще в царствование Василия III, отца Ивана Грозного. В «Сказании о Максиме-философе» говорится, что «великий государь, приснопамятный Василий Иванович, сего инока Максима призвав, и вводит его в свою царскую книгохранительницу и показа ему бесчисленное множество греческих книг».

Но что это были за книги, не говорится совсем. И это вовсе не означает, что именно они и составили то, что потом было названо «библиотекой Ивана Грозного».

Тем более есть версия, что вставка о виденных Максимом Греком книгах сделана позднее.

Конкретные сведения о библиотеке, связанные с именем Ивана Грозного, содержатся в двух иностранных источниках и исходят от иностранцев. Об этом говорится в рукописи «Ливонская хроника», которую составил в XVI веке рижский бургомистр Франц Ниенштедт. Согласно этой «Хронике», Иван Грозный показал свою библиотеку четырем немцам, выходцам из Дерпта: пастору Иоганну Веттерману и трем его прихожанам. Называются их имена: Фома Шревен, Иоахим Шредер и Даниэль Бреккель. Согласно «Хронике», библиотека Ивана Грозного размещалась, «как драгоценный клад, около покоев царя в двух сводчатых подвалах». Эти книги привели немцев в восхищение. Вернувшись на родину в 1570 году, Иоганн Веттерман и Фома Шревен рассказали о виденном рижскому бургомистру Францу Ниенштедту, который записал все это в «Ливонской хронике».

Кто же еще видел легендарную библиотеку воочию? И вот тут сталкиваешься с какой-то загадочной ситуацией: опять Прибалтика, снова Дерпт и какой-то немецкий пас-

тор, имя которого осталось неизвестным. Но именно он составил описание книг, находившихся в книжной сокровищнице московского государя.

Составив опись книг, немецкий пастор свидетельствовал, что царь показал ему ценнейшие и древнейшие рукописи. «Таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие, но также много и латинских». Далее следовало перечисление книг. Среди них — «Ливиевы истории» (сочинения знаменитого древнеримского историка Тита Ливия, большая часть которых считалась навсегда утраченной), а также сочинения Цицерона, Светония, Тацита, Вергилия, Аристофана, Пиндара и других. Большинство перечисленных в описи сочинений этих авторов считалось неизвестными. Всего было перечислено около трех десятков рукописей.

Так с этой описи в XIX веке начались поиски библиотеки. Первоначально их вели преимущественно иностранцы (Тремер, Клоссиус). Затем за это взялись русские ученые. На протяжении десятилетий, особенно в нашем веке, велись многочисленные раскопки, прежде всего в кремле. Но они так и не дали никаких результатов.

* * *

Осмелюсь предложить свою версию разгадки этой тайны. На мой взгляд, библиотекой Ивана Грозного следует считать не огромное книжное собрание, не гигантскую сокровищницу московских государей, а те три десятка рукописей, перечисленные в описи неизвестного немецкого пастора. Эти книги, спасенные из библиотеки византийских императоров, могли быть привезены в Москву в качестве приданого Софьей Палеолог. Эта византийская коллекция книг, представляющих собой уникальные произведения, могла быть показана Максиму Греку и затем еще пятерым иностранцам.

С какой целью показывались бесценные книги пятерым прибалтийским немцам? Якобы с целью перевода. Но в самом факте показа есть что-то, вызывающее сомнение. Потому я и высказываю свое предположение: этот показ был мистификацией царя, проведенной с определенной целью.

Что им было показано? Они свидетельствуют: это было подземное помещение из двух или трех залов — здесь разночтения. И в нем — множество книг и сундуков. Но ведь, естественно, им показывали не все, а какую-то часть, и, скорее всего, именно уникальную византийскую коллекцию. В остальных сундуках могло быть все что угодно. Сотни книг в них могли быть совсем не уникальными, а распрост-

раненными в те времена сочинениями. Меж тем создавалось впечатление: все, хранящееся здесь, — уникально.

Для чего же царь пошел на такого рода мистификацию? Для того чтобы потрясенные увиденным иностранцы, уехав на Запад, распространили молву о бесценных и гигантских книжных сокровищах царя. Это бы способствовало престижу московского государя на Западе. И лица для показа здесь были выбраны не случайно: это не ученые и не официальные представители (например, послы), которые могли заподозрить подлог и разоблачить мистификацию. И он цели достиг: легенда о величайшей библиотеке была создана.

Какой же логики царь придерживался в дальнейшем?

Бессмысленно, если ты обладаешь гигантскими сокровищами, зарывать их, прятать, скрывать. По моему мнению, царь считал своей библиотекой (и справедливо) именно «византийскую коллекцию». И вполне мог увезти ее с собой в Вологду. Гигантское книгохранилище не увезешь, не скроешь. А вот два десятка книг увезти совсем нетрудно. Но для чего?

В Вологде велось мощное строительство, был построен новый царский дворец. И небольшая, но ценнейшая библиотека могла украсить это царское помещение. Более того, Вологда могла быть лишь транзитным пунктом для дальнейшей перевозки библиотеки в Кирилло-Белозерский монастырь.

У грозного царя была навязчивая мысль об отречении от престола и принятии пострига в Кирилловской обители. Бывая здесь, царь уверял в том братию, и так искренне, что ему поверили и даже готовили специальную келью для царственного чернеца. Разумеется, это тоже была мистификация, психологическая игра с самим собой. Ему казалось, что он способен к праведной монашеской жизни. А монаху не нужны никакие сокровища, кроме икон и книг. И, вполне возможно, в случае пострига он намеревался перевезти библиотеку в Кириллов монастырь. Кстати, эта обитель как раз была известна как крупный книжный центр, славилась своими собраниями книг и рукописей, своими авторами, переписчиками, переводчиками. И сам Иван Грозный тоже был книжником, своеобразным писателем, книги находились при нем постоянно. И в таком случае он не расстался бы со своей библиотекой. А временно библиотека могла находиться в Вологде, и скорее всего, хранилась в царском дворце, в его подвалах, в тайнике.

Но где размещался этот дворец? Вот это точно неизвестно. Г. Лукомский в книге «Вологда в ее старине» (СПб.,

1914) указывает: «Недалеко от «архиепископова двора»... стоял деревянный дворец Ивана Грозного». Исследователь вологодской архитектуры М. Фехнер в книге «Вологда» (М., 1956) пишет: «Примерно на том месте, где теперь стоит б. Покровская церковь (на ул. Маяковского), был выстроен царский деревянный дворец, существовавший еще в начале XVII в.». Отсюда — вывод: следует провести обследование этих мест, а может быть даже и раскопки. И нельзя исключить, что поиск может привести к сенсации.

Раскопки и обследования Соборной горки в Вологде проводились неоднократно. Именно здесь искали сокровища царя, в том числе и его библиотеку. Но искать, на мой взгляд, надо было в другом месте — там, где находился царский дворец. Однако раскопки здесь были невозможны. Это место было густо застроено, здесь был возведен и храм Покрова на Торгу. Но библиотека Ивана Грозного, то есть около трех десятков уникальных книг, на мой взгляд, может быть сокрыта именно здесь!

Впрочем, она, разумеется, могла быть спрятана и в другом городе, хотя вологодский след великой библиотеки все же, на мой взгляд, имеется.

ДЕРЗОСТНЫЕ ФРЕСКИ

Я, грешный живописец Федор Игнатьев, имел благостное поручение — расписать храм Иоанна Предтечи, что в Рощенье на святые библейские тексты. И я взял «Песнь песней», зачитался ей и в опьянении написал дерзостное — женскую наготу. Отчего сие мне было дозволено и почему я не заплатил за то головой — есть тайна».

* * *

Как ты прекрасна,
как привлекательна,
Возлюбленная, твоею
миловидностью!
Этот стан твой похож
на пальму,
И груди твои —
На виноградные кисти...

Это из «Песни песней», из величайшей любовной поэмы всех времен. Для древних включение эротического шедевра в Библию могло быть естественно, но только не для христианства...

Тем не менее мы видим подобное на вологодских фресках. Вот она — возлюбленная, как пишет вологодский

писатель и искусствовед Иван Евдокимов, «вся пронизанная радостным ожиданием. Светло-зеленые столбы трона, малиновая подушка, темно-голубые одежды...» А выше ее — возлюбленный, царь Соломон, «с курьезной большой книгой в руках». И странные львицы протягивают лапы. А за царем «открываются аркады дворца, наполненные янтарным воздухом, свежестью, также легкие и тонкие». Все это — в вологодской церкви Иоанна Предтечи. Большинство фресок — в честь великого святого Иоанна Предтечи, его жизни, его духовного подвига и мученической смерти. Но, извините, как сенсация есть в том числе на стенах храма женская нагота. С некоторым замешательством и удивлением встречаешься здесь с Сусанной «в спущенном до пояса красном одеянии, в свободной позе сидящей на краю водоема и вполоборота оглядывающейся на стоящих за ней старцев» (М. Фехнер). «И рядом — упитанное тело Евы, знойное, греховное, прекрасное, обратившееся к Адаму» (И. Евдокимов).

Да, такое стало возможно даже на фресках, на которые молились. Все изменилось. Античный мир в своих Афродитах изображал прекрасное тело. Византийский и древнерусский мир в своих возвышенных иконах пытался изобразить душу, дух. Пришел XVIII век и все в России перепутал. Православие пыталось толковать, что в «Песни песней» — не земная любовь, а небесная, это лишь аллегория: возлюбленный — сам Христос, а возлюбленная — Церковь. Но вот и в Вологду пришел талантливый художник (видимо, это был ярославец Федор Игнатьев) и выплеснул на стены в этих росписях свою веселую грешную душу. Он, как пишет академик И. Грабарь, обладал «той драгоценной и поистине завидной отвагой, которая позволяла ему не смущаться самыми головоломными положениями и задачами, и он выходил из них победителем. Все действующие лица его фресок так же бесконечно отважны, как он сам: не стоят, а движутся, не идут, а бегут, скачут, кувыркаются».

Федор Игнатьев был поистине новым человеком по своим ощущениям. А вот по своим политическим взглядам, можно сказать, — реакционером. И с невероятной дерзостью не скрывал, что считает Петра I за «царя-антихриста». На одной из его фресок царь, связав вологжан веревкой, тащит их за собой в «царство антихристово». За такую дерзость вполне можно поплатиться головой. Написаны фрески были к 1717 году, когда государь Петр I еще всюю здравствовал и, более того, — приезжал в Вологду.

НЕЧТО ИЗ БИОГРАФИИ ЕКАТЕРИНЫ ПЕРВОЙ

Ей был донос о дерзостных вологодских фресках. Отчего живописец, их написавший, не понес наказания — осталось тайной. Императрица знала толк в грехе, сама была грешна, что исходило из всей ее жизни.

ЧТО МОГЛА СКАЗАТЬ О СЕБЕ МАРТА СКАВРОНСКАЯ, СТАВШАЯ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ ПЕРВОЙ

«Я, Екатерина Первая, императрица Российская, милостью Божьей и прочая, побывала в губернском городе Вологде вместе с моим царственным супругом императором Петром Первым 21—22 марта 1724 года. Родилась я в 1684 году. Мое настоящее имя — Марта. Фамилия — Скавронская. Родителей своих я не ведаю. Мне о том поразному говорили. Будто я — дочь литовского крестьянина и лифляндки, а может, лифляндского дворянина и служанки, не исключено также, что я — шведка. Рано осталась сиротой, мыкалась. Когда подросла, в Мариенбурге пастор Глюк взял меня в няньки. В восемнадцать лет я вышла замуж за драгуна Иоганна Рабе, но прожила с ним только неделю. Русское войско под водительством графа Шереметева тогда заняло Мариенбург, и мой супруг сгинул. Видно, его убили, а я стала военной добычей какого-то русского унтера, имя коего уже не помню. У унтера меня отобрал полковник Балк, у полковника — граф Шереметев, а у графа — светлейший князь Меншиков. Князь поселил меня в своем доме в Москве. В 1703 году меня у Меншикова увидел его Императорское Величество государь Петр Первый и в тот же день сделал своей любовницей. Светлейший князь Меншиков очень горевал, но я ничем ему помочь не могла. Его Величество государь Петр Первый очень любил женский пол, но только я могла сдержать его гнев, когда он выходил из себя. Я его обнимала и прижимала к своей пышной груди, ибо обладала самым мощным бюстом в России.

В 1712 году Его Величество Петр Первый женился на мне, но я родила ему до брака двух дочерей — Анну и Елизавету. Они остались живы. Другие наши дети умерли.

В 1724 году в Москве меня короновали как императрицу, и Его Величество возложил на мою голову корону стоимостью в полтора миллиона рублей. Это были такие празднества, каких еще не ведала Россия. Для простого народа

был выставлен перед Успенским собором зажаренный бык, и два фонтана били вином.

В мою честь учрежден орден Святой Екатерины, построен шестидесятипушечный корабль, в моих родных местах, в Ревеле, возведен прекрасный дворец Кадриорг.

Однако на меня поступил донос: будто я изменила моему царственному супругу с братом фаворитки Его Величества Вилли Монсом. Я теперь уже того не помню, изменила ли я ему с Монсом или нет. Но мой царственный супруг Петр пришел в великий гнев и хотел меня зарезать. Однако смиловался и приказал лишь отрубить голову бедному Вилли Монсу (а он был такой щеголь и проказник!). Голова Монса была заспиртована для науки и выставлена в Кунсткамере.

В январе 1725 года Его Императорское Величество Петр Первый тяжело заболел. Он несколько дней, не переставая, кричал от боли, потом, выбившись из сил, стонал и хрипел.

Сразу нашлись несколько желающих захватить престол при еще живом императоре. Но я вызвала с помощью бывшего любовника Меншикова к дворцу два гвардейских полка, гвардейцы любили меня — и по праву провозгласили императрицей. Их барабанный бой заглушил предсмертные хрипы моего мужа.

Потом я сорок дней находилась у гроба покойного и много плакала. После начала царствовать.

А Вологде моей милостью дать герб таков: в червленом щите выходящая из серебряного облака в золотом одеянии рука держит золотую державу и серебряный меч с золотым эфесом».

ИЗ МОЕЙ АВТОБИОГРАФИИ

Я, Аринин Владимир Иванович, грешный автор, живущий в Вологде, по натуре своей тайнописатель. А что (извините) сие значит? Только то, что мне дано с рождения это свойство — увлекаться и быть причастным к тайнам и загадкам нашей истории. Я способен десятки лет искать свой ответ на какую-то тайну и в конце концов предложить свою версию. Это — литературные версии писателя.

О некоторых тайнах, в том числе вологодских, — далее в этой книге.

ЖЕНЩИНЕ ЗАПРЕЩЕНО, или ТАЙНЫ РУССКОГО СВЯТОГО

Что я пишу сегодня? Бестселлер. О русском святом и о русских святых. Прикасаюсь к сенсации, которой никто еще не касался. Разумеется, подобные утверждения могут вызвать естественное чувство недоумения, недоверия и протеста. И мне, честное слово, так не нравятся эти иностранные слова — бестселлер, сенсация. Я употребляю их только затем, чтобы быть по-современному понятным. Мне не хочется писать ни бестселлер, ни сенсацию. Нет у меня этого в душе. А есть просто глубочайшее удивление перед тем, что открывается передо мной. Начну со стихов XV века в честь Кирилла Белозерского, в переводе на современный русский язык:

Пребывающий в тебе свет
сохранив светлейшим,
постом воцарив ум
над губительными страстями,
на гору бесстрастия ты взошел,
ибо храбро препоручил
худшую природу лучшей и
плоть подчинил духу.

Сохранилось несколько средневековых стихир в честь Кирилла Белозерского, восхваляющих его многие достоинства.

Безусловно, он являл собой выдающуюся личность национального масштаба, о том свидетельствует и его «Житие».

* * *

«Житие» Кирилла Белозерского, основателя знаменитого монастыря, было написано спустя пятнадцать лет после его смерти, вероятно, в 1462 году Пахоимом Сербом. Это тоже интересная личность. Пахомий Логофет, или Серб — первый на Руси профессиональный писатель, писавший по заказу. Ученый монах, прибывший на Русь с Афона, серб по национальности, он писал изысканным и торжественным стилем и «установил у нас, — по выражению В. Ключевс-

кого, — собственно литературную форму и приемы агиографического изложения... Это был едва ли не единственный русский литератор, который получал гонорар за свои произведения».

Читая «Житие», невольно задаешь вопрос: все же — каким человеком был реальный Кирилл Белозерский? И какими людьми были другие русские подвижники, подобные ему? В «Житии» Пахомия Сербя вроде бы дается прямой ответ. Вот он: «Таковыми же, как и мы, были те люди и имели общие с другими людьми страсти, но не такой, как у прочих людей, была их воля. Вместо телесного покоя предпочли они великие труды и болезни, вместо сна — всенощное стояние, вместо веселья — доставляющий радость плач и вместо людских разговоров — всегдашнюю беседу с Богом».

Нам такой психологический тип непонятен, хотя каждому очевидно, что таких подвижников прежде всего вела вера и воля. Но какой бы исключительной ни была их вера и воля, все равно они были людьми, а им надо было выживать в невероятно трудных, говоря современным языком, экстремальных условиях. Представим конкретно тех же шестидесятилетних Кирилла и Ферапонта, ведь им сначала надо было преодолеть путь почти в пятьсот километров, затем, поселившись в пустынной лесной местности, валить лес, рыть пещеру, ставить часовенку, чем-то питаться, как-то утепляться. И не умереть с голоду, не замерзнуть среди северных снегов и льдов. А летом — и дикие звери, и гнус, а подчас — и «лихие люди», разбойники, и враждебное население. Как возможно было выжить двум старым людям?

Столкнувшись со всеми этими вопросами, я обратился к специалистам-краеоведам. К примеру, на Вологодчине есть прекрасные специалисты, которые всю жизнь занимаются Кирилло-Белозерским монастырем и вроде бы знают из его истории буквально все. Но оказалось, что они не знают чего-то чрезвычайно важного. Во всяком случае на вопросы, как могли пожилые люди в суровых северных условиях жить, выживать и действовать, конкретных ответов я не получил. Специалисты этого не знали, потому что подобным, выходило, никогда не задавались. И литература и история об этом тоже молчали, потому что так вопрос никогда не ставился. Религиозная традиция влекла за собой традиционный ответ: «Бог помогал». Атеистическая традиция все отвергала. Так я столкнулся с исторически обусловленным «белым пятном» реальной, бытовой жизни русских святых. Это была тайна, которую я рискнул разгадать. И начал писать свою повесть о Кирилле.

ВСТРЕЧА С ПРЕПОДОБНЫМ

Ночью была гроза. И долго и грозно Илья-пророк раскатывал на своей колеснице по небесам, и острые стрелы молний били по черным тучам, отступавшим, скатывавшимся за дальний лес. А потом в монастырском саду запели, защелкали, залились соловьи. И все верно: пятнадцатое число месяца травня — соловьиный день. Поют, заливаются птицы-певцы, соскучились, измаялись по родной русской земле на чужеземье, вернулись, милые, изливают душу.

Кирилл, выйдя из кельи, долго и радостно слушал невидимых в темноте пернатых певцов. Потом ушел в келью и заснул крепко. А утром проснулся в каком-то невнятном для себя ожидании. А, спрашивается, чего ему ожидать. Шестьдесят лет, старость, умирать пора. Пройден путь, и Господь был милостив к нему — все дал, все, чего он хотел. А он еще чего-то ждет, в свои-то лета. И душа переполняется этим ожиданием, и молит, и просит, и надеется, и верит...

А день сегодня хорош — небо голубое и бездонное, солнце щедрое и яркое. Все окрест цветет, радуется, живет, каждая Божья тварь суетится. Вон муравьишко бежит, былинку тащит, тоже рад.

Кирилл идет по монастырскому двору. Все вокруг так знакомо и привычно. Служба кончилась, пустынно. Но Кирилл знает, монастырская жизнь за этими стенами не замирает ни на единый миг. Живописуют иконы, переписывают книги, в мастерских — свои дела, из пекарни, столь ему хорошо знакомой, пахнуло свежим хлебом.

У пекарни встретил Кирилл любезного ему Ферапонта, сверстника своего, тоже чернеца.

Ферапонт в те же шестьдесят годков все еще крепок и телом, и духом. Только что с Белозерья вернулся, ездил туда по закупкам и продажам монастырским и много о тех диких, но красивых первозданной красотой местах Кириллу рассказывал. А Кирилл выпрашивал его про все подробно. А вот о самом сущем еще не спросил. Вроде бы не решился. А надо решиться.

— А скажи-ка, Ферапонт, — Кирилл посмотрел ему прямо в глаза, — скажи, есть ли там на Белоозере место, где возможно было бы иноку безмолвствовать?

И Ферапонт ответил ему прямым, понимающим взглядом, а вслух изрек:

— Да, брат Кирилл, тамо много места для уединения.

И все. Более не говорили ни о чем. А в душе что-то опять встрепенулось.

А, может, так на душе у него потому, что день все же нынче особый, памятный. Шестнадцатый день месяца травня он всегда тайно из всех прочих дней выделяет. Четырнадцать лет назад в этот день была явлена ему великая милость Божья: он был удостоен посещения преподобного и богоносного Сергия, игумена Радонежского, всея Руси чудотворца, подвижника, каких еще не знала Русская земля. И это было как чудо.

В тот день, помнится, дел-то было весьма много. Второй-то пекарь приболел, и Кирилл взялся за работу с удвоенной силой. Воды уже натащал, дров наколол, тесто замесил. И тут владыко прислал ему помощника, чернеца Савву. О том Кирилл, понятно, не просил, сам со всем хотел управиться. Но Савва, пришедши в пекарню, объявил архимандритову волю и спросил, чего надо делать, чем пособить.

— Хлебы надо в печь метать, брат Савва, — пояснил ему Кирилл.

— Не с руки мне такое, — поморщился Савва, — не обучен я тому, не умею. Не то что ты.

— Да я, брат, сам управлюсь, ты только пособи чуток.

Кирилл чувствовал в Савве тайное недоброжелательство — от зависти, что ли. И всегда старался это недоброжелательство не вызвать, ненароком не увеличить.

Они с Саввой приняли постриг в один и тот же год. И был Савва из разоренного обедневшего рода и, верно, пошел в чернецы не по призванию, по нужде. Ведь сказал же он тогда, не сдержавшись, Кириллу: «Пошто тебя-то в чернецы несет? Вы же — Вельяминовы, первые богачи на Москве. И всем княжеством тайно правите. Мне б такое». И осекся, поняв — лишку сказал.

Но, поди, и другим чернецам чего-то Савва про него нашептывал. И братия сперва приняла Кирилла настороженно, непросто. И вестимо, был он в Симонове монастыре первым чернецом из такого знатного рода. И почувствовал — есть, как и в миру, разница меж собой и другими. И это было обидно.

Все же с братией у него как-то наладилось. Оценила братия нового чернеца: кроток, усерден. А потом он стал удивлять. И не хотелось Кириллу ничем выделяться. Но как определили его к старцу Федору в ученики, все увидели: он одержим в духовном рвении, презирает и томит свою плоть. Все узнали: Кирилл сам просил — позволить ему есть хлеб

через день или через два, и зимой не носить теплой одежды, и спать немного, и токо сидя. И старец ему сие запретил и повелел и спать ночью, и теплую одежду зимой носить, и хлеб есть с братией, пусть не досыта, но каждый день.

А потом архимандрит повелел ему перейти от услужения старцу в пекарню, и много лет Кирилл исполнял хлебодарную свою службу с большим усердием. Но тут, лишившись опеки старца, мог отвести душу сполна: изнурял ненавистную плоть, и ел хлеб через два дня, и ключевой пил немного воды. И поступал так тайно от всей братии, но однажды, видя, как братия обедает, упал замертво от голода, и все открылось. И придя в себя, покаялся в обмане, ибо обманывал всех, говоря, мол, я потому со всеми не обедаю, поскольку теперь при хлебах всегда и с утра хлеба наедаюсь. И просил прощения у братии за обман. И о том, понятно, стало известно владыке. И Кириллу было приказано обедать в трапезной. И изнурять плоть в меру.

Но о нем уже пошла людская молва, и миряне приходили к нему с поклоном, прося совета и помощи. И он, стыдясь своей славы, уже не знал, что ему делать.

И начал юродствовать. Мол, умом я стал немощен, глупее и сирее всех. И вызывал смех: то овцой заблеет, то петухом запоет. И более других Савву смешить старался.

Савва тому смелся охотно, но вроде бы все же чему-то не верил. И в тот памятный день тогда, в пекарне, помнится, изрек:

— Ты вот днесь петухом пел, зело смешно. Но однако же, бают, будто сам преподобный Сергей про тебя знает. И еще бают — будто преподобный Сергей к нам в обитель приехать собирается, в гости к племяннику, архимандриту нашему.

И как в воду глядел: дверь отворилась, и незнакомый чернец в пекарню вошел. Простая поношенная ряса, посох в руке.

— Кого тебе, отче? — спросил Кирилл.

— Тебя, Кирилле, — ответил старец.

И тут Кирилл признал его: это же он, подлинно он — светоч Земли русской, Сергей, игумен Радонежский, и повалился в ноги.

— Встань, Кирилле, — сказал Сергей просто. — Я побеседовать с тобой пришел.

* * *

Так начались их беседы. И в самой первой — Сергей сказал ему:

1329018

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

— Не юродствуй больше. Все равно тебе от людей не утаить, кто ты есть.

— А кто я есть, отче? — на глазах Кирилла были слезы.

— Ты — избранник, — тихо произнес Сергей. — И то не честь, а иго. Да будет иго твое желанно и легко. А ведаешь, как я нашел тебя?

— Не ведаю, отче.

— По глазам, Кирилле. Глаза твои выдают тебя, Кирилле. Свет в них другой. Наш свет.

А в монастыре, как они беседовали, было смятение. Как же так: великий чудотворец в гости в монастырь пожаловал, а сидит не в горнице архимандрита, племянника своего, а, сразу в пекарню прошедши, сидит с простым чернецом Кириллом, с ним беседу ведя.

И такие беседы продолжались и далее. Сергей еще не раз приезжал в Симонов монастырь и в каждый приезд свой, приведя в трепет архимандрита и всю братию, шел в пекарню для бесед с Кириллом. А когда Кирилл в поварню был переведен, то преподобный направлялся уже туда. И были те беседы для Кирилла как откровение.

И осмелев, спрашивал Кирилл преподобного:

— Отче, ты исполнил первый подвиг отшельника, ты один жил в диком лесу в молчании и одиночестве. Но не страшен ли сей подвиг, не страшно ли тебе было, отче?

И Сергей отвечал:

— Страшен сей подвиг. Но Кирилле, Кирилле, разве не страшна, погляди окрест, доля людская? В дикий лес и безмолвие уходя, знал я, как люди бьют и режут друг друга, как князья вцепляются друг другу в глотки, как страдает простой люд, а поганая Орда рада русским распрям и пьет кровь и сок Руси. Потому даже в диком лесу среди зверья не так страшно, как меж людей. Но у отшельника есть и свой, особый страх, когда душа не выдерживает самого подвига. И дьявол пользуется сим, и запугивает, наполняет твою келью то чудовищами, то змеями мерзкими, липкими, ползущими отовсюду. А то соблазняет невесть откуда взявшимися голыми женками. А как победишь все, как мысленно улицезришь Богородицу, вот тут и радость невыразимая, небесная.

— Так пошто же возвращаться в мир, к людям, отче, от таковой радости? — спрашивал Кирилл.

И Сергей пояснял: в отшельничестве на ступень к Богу поднявшись, должно для того к людям возвратиться, дабы строить Божий промысел среди них. И с дьяволом бороться во всех его напастях. И та же самая Орда — есть дьявольская напасть.

— А не напрасна ли такая борьба, отче? — сомневался Кирилл. — Сам знаешь, велика была битва Куликовская, велика была радость победная. А вон как все обернулось: после Мамаю пришел другой хан — Тохтамыш, и зверствовал, тьму народу вырезал, и Москву пожег. Так какой прок?

— Прок был велик, — объяснял Сергей. — Впервой Русь Орду побила. И верую я — не напрасно великого князя на битву благословил, ему сказавши: «Победиши враги твоя». И не напрасно богатырей-иноків Пересвета и Ослябю на ратный подвиг посылал, схимы на них возложил, крестом Христовым украшенные, и напутствовал их: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное». А сердце мое кровью обливалось, знал я, чуял — не вернутся они с Куликова поля. Но на то воля Божья. Но нынче Русь, даже побитая, уже не та. Дух не тот. И, помяни мое слово, Кирилл, кровь на Куликовом поле еще восстанет, и с нею Русь восстанет. За то нам и должно молиться Господу.

После таких бесед все просто и ясно становилось Кириллу, душа успокаивалась, сомнения отступали.

Но вот уже шесть лет, как преставился преподобный Сергей, воспарил к Господу, и, лишившись учителя и оплакав его, словно потерял Кирилл опору духовную. Сам же чувствовал, что-то важное им не сделано, не продолжено дело преподобного в полную меру. Потому глубокое беспокойство и недовольство собой таится в его душе. Временами тоска грызет душу. А то — грех.

Только вот в последние дни наполняет его какое-то ожидание.

ВИДЕНИЕ

В жизни Кирилла, кроме матери, женщины не было. Ни единой. Но как-то раз тот же Савва подвел к нему девочку-малолетку, годков десяти-одиннадцати. И, взглянув на нее, Кирилл поразился — какая красота. Будто стоял перед ним ангел Божий. Прозрачная, тоненькая, трепетная, белые косы ниже пояса, губы вишневые, а глаза заплаканные. А Савва пояснил: вот, мол, племянница, Ведой зовут. Горе у нее. Отец ее помер. И надо бы родителя отпеть, а нонче покойников, как на грех, много, и в другую церковь покойного для отпевания отправляют. Попроси, брат Кирилл, чтобы мертвое тело куда бы то не везти, а тута отпеть, тебя уважают, брат Кирилл, твое слово веское, пособи сиротке.

И Кирилл пособил, отпели Вединого родителя в монастыре, а Кириллу после долго заплаканные глаза сироты,

ангела во плоти, снились. Меж тем Савва, после тохтомышского разорения, куда-то пропал: видать, убили его безбожные ордынцы, тогда они многих чернецов поубивали. А чего стало с Ведой, Кирилл не знал. Ему это и знать не надо...

* * *

Но был единожды ему сон, его испугавший: он увидел во сне Веду, и не девочкой-малолеткой, а взрослою женщиной, расцветшей зрелой красотой. И, проснувшись, он ужаснулся своей греховности. А может, то — от бесов? И открывши «Житие» преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, он перечитал там, как искусны бесы на многие пакости. Святой Феодосий, как говорилось в «Житии», «слышал в пещере шум от топота бесчисленных бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не пал духом, не ужаснулся сердцем, но, оградив себя крестным знамением, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тогда затихало все в пещере...» Вот как бывало с преподобным Феодосием. «А еще пакостили бесы в доме, где братия хлеба пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба и много других разных пакостей творили».

Но с ним, Кириллом, такого отродясь не было — хранил Господь. И известно Кириллу о главной бесовской пакости, когда бесы принимали облик голых женщин и являлись к святым отцам, дабы соблазнять их. И кое-кто соблазнялся и погибал. Но большинство святых отцов хранили целомудренную твердость и посрамляли бесов с их искушением.

От таких искушений Господь его, Кирилла, тоже хранил. Но к чему все же такой сон ему, с приснившейся Ведой? Женщина со своими земными и плотскими помыслами может только помешать главному делу жизни — духовному подвигу и спасению. И даже во сне являться женщине запрещено.

* * *

В его жизни была единая Дева — Пречистая. И каждый свой день начинал и завершал молитвой Богородице.

И на этот раз, день завершив, еще раз вспомняв преподобного Сергия, учителя своего, уже глубокой ночью, готовясь пропеть акафист Богородице, он задумался над тем, как влиятельна и благодатна Пречистая в земных делах, какие удивительные чудеса ею совершаются. Взять

последнее ее великое чудо — два года назад. Было это у всех на глазах.

Шла тогда на Русь новая, чудовищная беда. Объявился враг пострашнее Орды. Двинулись на Русь несметные полчища Темир-Аксака¹, непобедимого «железного хромца», как его называли, покорителя Китая, Бухарского, Персидского и других царств, победителя Тохтамыша. И пообещал ведомый, видно, самим дьяволом «железный хромец» предать Русь мечу и огню и искоренить на ней христианскую веру навсегда. И казалось, не было спасения. Митрополит Киприан объявил всенародное очищение и всеобщий пост. В забитых беженцами церквях денно и ночно возносились молебны о спасении. И было решено перевезти из Владимира в Москву древнюю святыню — чудотворную икону Владимирской Богоматери. Вся Москва от мала до велика устремилась встречать чудотворный образ Пречистой. Тысячи рук тянулись к ней с мольбой и надеждой.

И случилось чудо. И все знают об этом. В тот день у Ельца остановил Темир-Аксак свои войска и повернул их назад, в степь. Но нет тому разумного объяснения. Есть чудо — Богородица спасла.

Кирилл же знает — Богородица явилась во сне «железному хромцу» и запретила ему двигаться на Москву, устранив его.

И сейчас в своей келии Кирилл, начиная молиться Богородице, зовет ее: «Матерь Божия, Царица небесная, Москву спасающая, помилуй и спаси меня. Пошли мне чудо».

* * *

И случилось. И произошло. Было ему видение. Вот как о том говорится в «Житии» Пахомия. «Когда он молился и, по обыкновению, пел акафист Пречистой перед ее образом, случилось, что дойдя до места в иконе: «Чудесное рождество видя, отстранимся от мира и мысль обратим к небу», — он услышал вдруг голос, говорящий: «Кирилл, уходи отсюда и иди на Белоозеро, ибо я приготовила там тебе место, на котором ты можешь спастись». И тогда же, разом с этим голосом, засиял яркий свет. Открыв оконце кельи, Кирилл увидел луч света, указывающий на север, в сторону Белоозера. И тем же голосом, словно перстом, ему было показано то место...»

И величайшее потрясение, и необычайная радость охватили Кирилла. Он встретил это утро уже другим человеком. Решившимся и способным на подвиг.

¹ Так называли правителя Тимура.

ПУТЬ

Видение Богородицы — главное событие в жизни Кирилла. Вся его жизнь переломилась: до этого и — после. Кирилл, как пишет Пахомий, «всю ночь удивлялся видению и голосу, и была для него эта ночь не ночь, а словно пресветлый день».

По «Житию» Пахомия, Кирилл ничего не сказал о своем видении Ферапонт, открылся ему, лишь когда они достигли цели и пришли на Белоозеро. Но есть краткий вариант «Жития Кирилла Белоозерского», составленный учеником знаменитого подвижника Нила Сорского — Гурием Пушкиным. Согласно этому варианту, Кирилл сразу же рассказал Ферапонт о своем видении. «У него был там духовный брат, верный ему Ферапонт, и он рассказал ему о своем видении, и тот, услышав, прославил Бога. И, договорившись, они вдвоем отправились в путь».

У Кирилла и Ферапонта было много общего. Они будто предназначались друг для друга. Были ровесниками и умерли оба в девяносто лет (Кирилл прожил немного больше).

Ферапонт, как и Кирилл, тоже происходил из знатного рода — бояр Поскочиных. И принял в одном году с Кириллом постриг в то же Симоновом монастыре. И оба были одержимы верой.

Разумеется, Кирилл еще в Симоновом монастыре был более известен и авторитетен, чем Ферапонт. К тому же — книжник, мыслитель, а вот Ферапонт являл скорее тип практичного человека. Он даже и в грамоте не был силен.

Физически они тоже разнились, Ферапонт довольно высок, крепок, а Кирилл маленький, сморщенный, но вынослив, жилист.

Они были аскеты, а духовная аскеза создала и развила в них особые свойства особых людей. Они отличались прекрасным здоровьем и невероятной с современной точки зрения выносливостью, поразительной живучестью. Это позволяло им преодолевать огромные расстояния, переходить топи, переплывать реки, в случае необходимости — выдерживать длительный голод (они могли не есть без особого ущерба для здоровья по нескольку дней).

...Вот идут, идут они, Кирилл и Ферапонт, в рясах, с посохами, корзины с нехитрым скарбом за плечами, идут на Белоозеро.

Я понимаю, почему они не принимали нашего мира, и они правы — он ужасен, наш мир. Каждую минуту, каждое мгновение в нем свершается столько зла: убийств, жестоко-

стей, несправедливостей, обманов, преступлений, насилий, изнасилований, слез, извращений, смертей, и это происходит непрерывно. И благо, что мы не в силах все это представить, осознать. Мы эгоистично успокаиваем себя — это, мол, происходит не с нами. Но ведь каждого из нас, как бы счастливо и удачно не склеивалась у кого-то судьба, все равно ждет боль и смерть. И ничего нельзя изменить.

А они, Кирилл и Ферапонт, все идут и идут на Белоозеро. От города к городу, от деревни к деревне. От Москвы до Вологды путь далек, но обжит, проезжен, истоптан. И леса не столь обширны, и через реки — мосты. А вот за Вологдой начинается «великий лес». Беспокойный, древний, могучий, чащобный, населенный зверьми, гадами и, как полагают, нечистью: лешими, водяными, кикиморами. И еще на пути — озера, болота, реки — чаще всего без мостов и переправ. С узкими тропами, а часто и безо всяких троп. Но все равно надо идти. Чтоб самим спастись. И людей спасти.

* * *

Пройдя через Волок Словенский, путники вступили в поселение, и, как оказалось, в недобрый час попали: здесь были похороны. За селением был насыпан высокий курган, и похоронная процессия, неся два гроба — взрослый и детский — потянулась к кургану.

Кирилл и Ферапонт, подойдя к старушке, стоявшей у крайнего жилища, спросили, кого хоронят и чего здесь приключилось. Старушка, зорко оглянув странников и узнав, кто они, пояснила: хоронят жену и малолетнюю дочку Прона, хорошего мужика, да нечестивого. А приключилась беда — разбойничье нападение. Объявились в округе лихие люди — разбойники. Главарь у них Каином зовется. А смертоубийство случилось так: Прон с женой и дочкой возвращались с рыбалки с озера. Пошли ближним путем — через лес. И напоролись на трех татей в кустах. Двое на Прона напали, и пока он от них, схвативши корягу, отбивался, третий тать зарезал Пронову жену и дочку-малолетку, десяти годков. Вот какое злодейство. И все три татя в лес сбежали. Горе, горюшко у Прона несказанное. Старушка замолчала, и странники, все поняв, тоже помолчали, попереживали.

— Не пойти ли нам, Кирилле, к могиле? — сказал Ферапонт. — Не утешить ли Прона в горе, как сможем?

— Не христиане они вроде, брат, — произнес Кирилл. — Сам видишь, курган насыпан. Не христианский обряд сие. Но тут старушка вскинулась, рьяно заговорила:

— Не то, не то, старцы. Христиане мы. Токо новокрещенные. Вот, зрите!

Старушка за пазуху руку засунула, крестик вынула на бечевке, и странникам крестик показала.

— У них, видать, не все устоялось, — в раздумье сказал Кирилл. — Все еще вперемешку. Пошли к могиле, Ферапонт, все одно — люди.

Пошли к могиле, толпа перед незнакомцами расступилась почтительно и выжидающе. Люди были в праздничных белых сорочках, поневах, вышитых рубахах (видно, таков здесь обычай). Кирилл подошел к гробам, с жалостью вглядываясь в лица убиенных. Покойницы были красивы и нарядны, в узорчатых одеяниях, украшены бусами, ожерельями, браслетами. На лице мертвой девочки застыло скорбное удивление. В гробы было положено все необходимое: два гребня, зеркала, два пряслица и веретена и многое, что сподручно всегда женскому полу иметь при себе. А в гробу у девочки еще лежали игрушки: кукла тряпичная, свистулька. Надо же ей и в загробной жизни игрушками играть. И подумалось Кириллу — вроде на Веду похожа. О, Господи...

Кирилл перекрестил убиенных. Потом достал из корзины медную иконку — Богоматерь Умиление — и печально изрек:

— Царство небесное, мати и дочка. Вот зрите, люди, перед вами образ Богоматери нашей, Заступницы. Кладу сию иконку в гробик невинно убиенной отроковицы. И верую: настанет миг, оживет сия девочка и мати ее оживет. Гробы распахнутся, и образ святой Богоматери явится опять на свет Божий.

* * *

Через много лет, через века иконка Богоматери Умиление на самом деле опять вернулась на свет. Нефедьевский могильник в современном Кирилловском районе был раскопан археологами. И рядом со скелетиком ребенка была найдена эта медная Богоматерь. Только вот девочка все еще не воскресла, не ожила. А я так этого хочу.

* * *

Когда курган с матерью и дочкой засыпали, к Кириллу и Ферапонту подошел здоровенный красивый мужик (это оказался Прон) и, отерев рукавом слезы, сказал:

— Благодарствую вас, люди добрые. Утешили вы меня. Дочке-то с Богоматерью легче лежать будет. И жене моей, убиенной, тако спокойнее. А вы будьте гостями, ночевайте у меня.

— Нет, Прон, — твердо произнес Кирилл. — Благодарствуй и ты. А нам итить далее надобно.

— Не можно далее, — замахал руками Прон. — Тамо же, чуть в лес ступишь, тати проклятые. Каин-кровопийца. Живота лишиться можно. Они же хуже зверья. А в обход пойдете — земли чуди некрещеной. Тоже опасно.

— А чего же нам делать, Прон? — спросил с беспокойством Ферапонт.

— Воротиться, старче! Верно я вам баю — воротиться. Но Кирилл покачал головой:

— Нельзя ворочаться. Нас Богородица обережет. Мы пойдем далее.

В САТАНИНСКОМ МОНАСТЫРЕ

А в разбойничьем скиту в лесной чащобе идет судилище.

— Пошто убил женку с отроковицей? — спрашивает главарь по кличке Каин стоящего перед ним на коленях молодого разбойничка Семку. По бокам его (руки за спиной связаны) два бородача с засученными рукавами. Заплечные мастера, верные Каиновы подручные. Такие в един миг башку открутят. На поляне полукругом стоят другие тати, судилище всем в назидание.

— Помилуй, Каин, — жалобно тянет судимый с надеждой разжалобить главаря, хотя сам в это плохо верит, — виноватый.

— Я тебе покажу, Каин! — вскипает главарь. — Как вам, всей братии велено меня величать?

— Владыка, — хнычет убийца. — Помилуй, Ка... владыко!

Стоящие вокруг тати ухмыляются в бороды. Занятно сие. Хотя всем и не по себе...

Разбойничья ватага объявилась в чащобе небывалая. Набрав ватагу и уведши ее в белозерские леса, Каин объявил, будто он основывает здесь, в чащобе, монастырь. Сам он — игумен сего монастыря, а ватага — братия. И устав здесь будет монастырский. Но особый князю тьмы посвященный, то есть сатане. И все службы будут сатанинские. И деяния тоже. Кто не согласен, пусть сразу на все четыре стороны убегает, пока голова цела. И кто устав сатанинский нарушит, будет наказан беспощадно.

— А ты, тать, наш устав нарушил, — говорит Каин стоящему на коленях. — Ты — убийца. А мы все же не убийцы. Мы верные слуги князя тьмы. И устав гласит: убий, но толь ради пользы сатанинской.

— А я-то, я-то... того... пользы ради, — пытается невнятно оправдываться разбойничек. — Меня-то баба подговорила, а я дружков подговорил.

— Какая баба? — вопрошает Каин.

— Ульяна.

— А пошто то?

— Мил ей Прон. Без Прона, мол, мне и жизнь не в жизнь. А ему-то, Прону, милы были жонка да дочка. Вот ежели бы их не было, ежели бы их порешить... Гривну мне заплатила. Ради гривны, владыко...

— Дурья ты башка! Гривну взял, а убытку на сто рублев. И не сосчитать убытку. Для чего мы все здесь, братие? Какой-то раз вам скажу: дабы великое, тайное число — шестьсот шестьдесят шесть — возвеличить и приход великого царства антихристового ублизить... Близится время сатанинское, братие, грядет срок. И мы тому служим. И всем нам должно веру нашу сатанинскую в простом народе творить — крепить, ширить. Потому не грабь простого человека, не убий простого человека, он — наш брат по сатане. Убий боярина, и служку, и холоя боярского. Убий и грабь купца богатого. А перво-наперво убий священника, Христова раба. А тот, кто простого человека убил и вражду к нам посеял, тот содеял кровную вину перед господином тьмы и всеми нами. А ты, убивец, сполна ответишь за свою вину...

— Невиновный я, — гнусавит стоящий на коленях. — Баба Ульяна подбила.

— А Ульяна-то теперь тута, — раздается чей-то голос. — Зрел я — она к нам явилася. Тута она.

— Где Ульяна?

— В келии, у игуменьи сидит. Ворожит ей игуменья...

— Пошлите за ней. Скажите, я сам зову. И игуменью кликните.

* * *

В землянке, называемой келией, Ульяна, толстая молодая баба из ближнего поселения, просит другую женщину, которую все называют игуменьей и считают женой Каина:

— Помоги, приворожи Прона... Он теперь свободный. Приворожи, заколдуй. Жить без него невмочь. Вот гривна.

Та берет гривну, пробует на зуб, с усмешкой глядит на Ульяну, некоторое время молчит, после, взяв кусочек угля, чертит на щеках и лбу женщины какие-то знаки... Потом начинает бормотать что-то невнятное, но постепенно голос ее проясняется и крепнет. Она произносит заклинание. И Ульяна повторяет ее слова:

— Встану я и пойду в лес дремучий, к дубу кряковатому. Стану я под дуб кряковатый, священный и поклонюсь ему. Дай мне, дуб кряковатый, силу крепкую, неодолимую. И поклонюсь потом буйным ветрам: ой вы, буйные ветры, повейте на меня и обвейте мои шестьсот шестьдесят шесть составов и мои шестьсот шестьдесят шесть жил, и всю плоть, и всю кровь, и все сердце — и свейте вы, ветры, думу и помышление, тоску и сухоту. И обвейте вы, ветры, моего любовника Прона, его очи, и все шестьсот шестьдесят шесть жил и составов, и всю плоть. И заполоните вы, ветры, у Прона душу и тело, думу и помышление. Как всяк человек не может без хлеба, как рыба не может без воды, как младенец — без матери, тако и Прон не может теперь без меня. Как бык скачет на корову, как жеребец — на кобылу, так и он бы скакал на меня, девицу. И в уста бы меня целовал, и блуд творил — и насытиться никогда б не мог. И не мог бы без меня ни жить, ни быть, ни есть, ни пить...

Глаза у женщины горят, ее тело бьет дрожь, но в землянку вваливается один из татей и прерывает заклинание...

— Кончайте, владыко кличет.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Женщины приходят на поляну, и все взгляды теперь устремлены на них. Стоит напряженная тишина.

— Подойди-ка ко мне, Ульяна, — говорит Каин. — И свидетельствуй правдиво. Чегой-то ты не в себе, а?

Ульяна бледнеет, в ее глазах страх. И тут на поляну вбегает один из дозорных (дозорные сторожат разбойничий скит на каждой тропе).

— Владыко! — кричит дозорный. — Старцев пымали!

— Каких старцев? — в голосе Каина удивление.

— А хто их знает... По тропке они шедши.

— Ведите, — приказывает Каин.

Из-за сосен другой дозорный выводит Кирилла и Ферапонта. Все с изумлением смотрят на них. Каин приблизился к пленникам, всматривается, словно не веря собственным глазам. Потом радостно ухмыляется.

— Кирилл? Ферапонт? Неужто вы? Неужто?

Теперь уже пленники всматриваются в говорящего. Первым узнает его Кирилл.

— Савва! Ты? Живой?

Встрепенулся и Ферапонт:

— И верно Савва.

Каин снова усмехается:

— Был Саввою. Давно кончился. Теперь — игумен, владыко.

Кирилл протестуяще взмахнул рукой:

— Какой ты игумен? Разбойник ты стал, тать.

Каин перебивает его:

— Молчи! Вы — мои пленники теперь. Жить надоело? Молчи!

Кирилл сокрушенно разводит руками:

— Сподобил же Господь — встретились...

И опять Каин перебивает его:

— Какой там Господь? То сподобил мой господин, князь тьмы.

И тут он обращается к окружающим:

— Судилище покуда кончаю. Ульяну покуда с игуменьей оставить. Семку (жест в сторону судимого разбойника) — в яму, и етого(показывает на Ферапонта) туды же. А вот тебя (это уже Кириллу) прошу ко мне в келию, поговорить надо. По душам.

* * *

Когда они втроем: Каин, Кирилл и женщина, названная «игуменьей», вошли в землянку, Каин сразу спросил у Кирилла:

— А ее-то признал?

Пристально посмотрев на женщину, Кирилл ответил:

— Как же... Признал. Веда она.

— Ишь ты, — удивилась Веда. — А я-то не признала. Вроде бы и не шибко изменился чернец, постарел, но все такой же... А я-то не изменилась, что ли, старче?

— Изменилась. Еще краше стала.

Перед ним стояла уже не девочка с заплаканными глазами, как пятнадцать лет назад, а женщина в расцвете своих сил и красоты, с длинными белыми волосами (в такие закаты можно), с огненным, пронзительным взглядом...

Каин хохотнул.

— А ты влюбись, влюбись в такую красоту, Кирилле. Ты же женщин не знавал, бедный. И так и не узнаешь... А она — сладкая. Я с нею, как с женою, живу. И понесла она от меня. К зиме ей рожать.

— Она же племянница твоя. — Кирилл опустил глаза. — Кровосмесьство. Грех-то какой.

— А чем грешнее, тем слаще, Кирилле. И она же тебя один раз уже в грех втянула.

— В какой грех? — удивился Кирилл.

— А вот в какой. Ты же помог отца ейного отпеть. А отпевати его не можно было. Ево в другие церкви не брали отпевать — чернокнижник он был, колдун. Вот и дочка по стопам родителя пошла. Ведьмой стала, хоть и объявлена мною игуменьей.

— Да, я — ведьма, — спокойно произнесла Веда. — А ты, Каин, не мучил бы человека. Поговори да отпусти его с товарищем на все четыре стороны. От них вреда нет никакого.

— Не женского то ума дело, — в голосе Каина прозвучало раздражение. — Потому иди покуда, Веда, отсель. Нас одних оставь. У нас разговор будет мужской. У меня к сему Божьему человеку свой счет.

СПОР ПЕРЕД ПОВЕШЕНИЕМ

Веда ушла. И они долго и рьяно говорили вдвоем. Кирилл обличал Каина, бывшего Савву, стыдил, взывал, ужасался, просил, заклинал.

Все было понапрасну. Перед ним уже был конченный человек. И, выслушав Кирилла, Каин уже заговорил сам, и в словах его звучала даже печаль.

— Эх, Кирилле, Кирилле, не трать зря слов. Знаю я все. Те же, что и ты, книги читал, те же и молитвы творил. И отверг. Все отверг. А пошто? Душа моя поломалась и переменилась, Кирилле. О том просто и не сказать. Верно, была во мне и роду нашем, как говаривали, червоточина. Было и у меня сомнение: в монастырь по нужде пошел. Однако же с отрочества жаждал я веровать — и в Бога Вседержителя, и в Христа Богочеловека, и в Матерь Божию Богородицу. И начал было веровать уже, будто Христов Промысел мало-помалу на земле утверждается. Как раз побили Мамаю на поле Куликовом. В том я тоже увидел христианской веры победу. А потом? В одногодье пришел вместо Мамаю Тохтамыш — и какой тогда был смертный ужас на Москве, не рассказать. Тебя-то твои Вельяминовы на добрых конях с Москвы вывезли, спасли...

— Был такой грех, — опустил голову Кирилл.

— Вот то-то... А я остался, мне бежать было некуда. И как татары пошли на приступ, мы, чернецы, и многие женки, старики и дети заперлись в храме Рождества Богородицы и молились о спасении. И как ордынцы ворвались, выбив ворота, в храм, вопль многоголосый потряс его стены. И сам я видел своими глазами, как терзали татары тут же, в храме, как насильничали женщин и дево-

чек, как резали детей и стариков. И меня в тот миг ужасный, как огнем, прожгло. Воззвал я к сатане о спасении. И Веда со мной была рядом. И сатана спас нас — среди груды мертвых тел живыми остались... А как татары ушли, выползли из мертвого храма, забрались в подвал какого-то разоренного терема и просидели в темноте три дня и три ночи. А после шли вместе из разоренной Москвы, вознося хвалу сатане. А о том, как ватагу разбойничью набрали, как в сиих местах оказались, рассказывать долго — да и ни к чему.

— Велики грехи твои, Савва, — вздохнул Кирилл. — Но Бог милостив. И тебе, может, обратный ход к Богу еще не закрыт. Покайся!

— Не хочу! — вскричал Каин. — Не хочу верить в Христа твоего распятого. Не было Богочеловека, сына Божьего. А был юродивый, одержимый, в больных видениях живший и наяву бредивший. Его лечить надо было, а не превращать в Сына Божия. И не было никакой Богородицы и непорочного зачатия, ибо Мария была женщиной обыкновенной и не только бесноватого Христа родила, но и других детей. Сам знаешь, есть на то свидетельства.

— Того и знать не хочу, — перебил его Кирилл. — Не кошунствуй, тать. Поберегись Божьего гнева.

— Это ты поберегись. Это ты в моих руках. Чего хочу, то с тобою и сотворю. Только мне с тобою сперва наговориться надо, выговориться... С моими-то душегубами много не наговоришь. Но они мою правду нутром чуют.

— В чем же она, твоя правда?

— А в том, Кирилл, что чрез своего господина, князя тьмы, узнавши я, каков есть человек.

— Каков же?

— А вот Христос говорит — добренький он, человек, жалостливый, милостивый. Лжет он — твой Христос! А мой господине, сатана, мне проповедует: человек — зол, жаден, завистлив, жесток, похотлив. И из того надо исходить, дабы истинное, а не ложное людское новое царство построить.

— На него ты, грешник, и надеешься?

— Есть надежда. Есть у меня, Кирилл, великое мечтание. И о том скажу. Ты уже почти што мертвец, ты завтра умрешь, Кирилл. Отчего же тебе-то не сказать? Я, Кирилл, мечтаю: сын у меня родится, и будет он тот, кого давно ждут, предрекают и зовут Антихристом. О том я кажинный день сатану молю. Ведь предсказано: Антихрист родится от связи кровосмесительной. У нас с Ведой то как раз и есть. Я о том много и трудно размышлял. «Кто он такой? —

говорит Феофилакт Болгарский. — Не сатана ли? Нет, он некий человек, принявший всю его силу». Таков будет сын мой, пошли мне его сатана! И объявит он себя новым Христом, и люди поклонятся ему, яко истинному Христу.

— Замолкни! — Кирилл уже говорил громко, глядя ему прямо в глаза. — Проклинаю тебя! Ждет тебя кара небесная и муки вечные!

— Это тебя муки ждут, — произнес спокойно Каин. — Было мне видение от князя тьмы. Предрекаю тебе — пройдет время и будет на вас великое гонение. И храмы ваши будут закрыты, поруганы и разрушены. И служители ваши в тюрьмы пойдут, и муки примут, и будут их резать бесславно и бесчестно, как скотину. И будут сжигать ваши иконы, и в водах их топить, и изгаляться над ними, и плевать на них... А тебя, Кирилле, я завтра повешу. Рядышком с Ферапонтом, на одном древе. Я тебя никогда, признаюсь, не любил, всегда тебе завидовал... Тем и закончим наш спор. А ежели ты и далее спорить горазд — то, как мы тебя будем вешать, вызови свою Богородицу, испроси у нее для себя и Ферапонта спасение. Эх, Кирилле, не явится к вам Богородица, не спасет — ты уж мне поверь. У тебя одна надежда спастись: отрекись, восславь князя тьмы, прими веру сатанинскую во спасение своего живота... Или тебя с Ферапонтом вздернем. Истинно будет видно перед повешением, кто в нашем споре прав и сильнее — твоя Богородица или мой князь тьмы.

НЕОКОНЧЕННАЯ КНИГА

Ночью Веда спустила в яму веревку. И тать Семка, ждавший суда, выбрался наверх. И зарезал Каина.

Кирилл и Ферапонт тоже выбрались из ямы. Светало. Разбойная шайка собралась на поляне, посреди которой лежал убитый Каин.

— Нету больше Каина, — объявил ватаге Семка. — Атаманом у вас теперь буду я. Кто не согласный?

Ватага молчала.

— То-то. Молчите — значит, согласны, — уже властно произнес Семка. — А вы, старцы, идите своей дорогой. Я вас отпускаю.

— Пойдем, Ферапонт, — тихо молвил Кирилл. — Господь и Пресвятая Богородица спасли нас.

Ватага молча расступилась. Старцы двинулись по тропе в лес.

— Меня возьмите! — это вслед закричала Веда. — С собой возьмите! Спасите меня!

— Пошли, женщина, — сказал Кирилл. — Но до первого лишь селения. Там останешься. А идти с нами — женщине запрещено.

* * *

Прошло сорок пять лет. Кириллов монастырь стал знаменит и именит, строился и креп. И уже пятнадцать лет прошло, как не стало в живых Кирилла.

Пахомий Серб, прибывший в обитель, дабы собрать сведения о святом Кирилле для писания его «Жития», однажды стал свидетелем, как к воротам монастыря подъехала подвода, на ней — возчик и две старухи. Одна из старух — бесноватая, непрерывно выла, произнося какое-то заклинание:

— Обвейте вы, ветры... шестьсот шестьдесят шесть жил и составов и всю плоть...

Возчик и другая старуха подтащили бесноватую к Святым воротам. Она упала ниц, завывала еще сильнее, потом затихла, успокоилась. Ее опять водрузили на подводу. Она лежала уже безмолвно, неподвижно.

— Что сие значит? — спросил Пахомий.

— Заклятье на ней, — ответила другая старуха. — Великий грех на ней. И он ее мучит. А как привезем к монастырю — успокаивается на время.

— А ежели в сам монастырь ввести? Не исцелится ли сполна?

— Нельзя, — строго произнесла старуха. — Грехи и на ней, и на мне. У меня вот сын здесь в иноках. А мне и ей нельзя. Как сказал преподобный — женщине запрещено.

— Как имена ваши?

— У меня — Веда, — ответила старуха. — У ней — Ульяна...

* * *

На этом мое повествование прервалось. Я не мог написать бестселлер о русском святом. Его тайна не открылась мне. Это запрещено не только для женщины, у которой другое предназначение. Это запрещено и для писателя с греховной душой.

ВЕЛИЧАЙШИЙ РОССИЙСКИЙ ПЛУТ

Господа, признаюсь честно: я, Платон Волков, вологодский помещик и подпоручик, одарен двумя талантами — пиитическим и плутовским. Я — двойник. Я и поэт. Я и плут. Оба эти таланта происходят от воображения и тесно связаны.

Уверяю вас, господа, есть поэзия плутовства. И тут необязательно даже стихи писать. Вот Роман Медокс стихов, к примеру, не писал. А ведь это — Пушкин русского плутовства, личность невероятная и непостижимая. Я горжусь, господа, знакомством и дружбой с ним. И он доверял мне, открывая душу, как бы исповедуясь передо мной. И я знаю о нем много такого, что никто не знает.

Начало его необыкновенных походов относится еще к двенадцатому году. Тогда корнет Роман Медокс растратил две тысячи казенных денег (а кто из нас не растратил казенных денег?) и бежал из полка.

У него уже имелся свой план, который он с таким блеском осуществил. И вот что было...

Он бежал на Кавказ, получил по подложному поручению 10 000 рублей и выдал себя за специального посланника государя, прибывшего с чрезвычайною и тайною инспекцией. И представьте только, ему поверили.

Невероятно, но все высшие чины Кавказа, включая наместника, генералов, знать, — все поверили. Он поселился во дворце.

В честь его давались балы, он принимал парады. Многие хорошенькие женщины были к его услугам.

Но он переиграл, увлекся. Он сам стал верить в свою необычайную миссию. Он посылал депеши и рекомендации в Петербург министрам о состоянии дел на Кавказе. Высшие чины в Петербурге запутались, никто ничего не понимал, но никто не имел дерзости заподозрить подобно-

го масштаба плутовства. Все это не укладывалось в рамки обычного рассудка. А он, все более увлекаясь и поддавшись вдохновению, начал формировать дружины горцев для борьбы с Наполеоном. Надеясь тем отличиться и заслужить, конечно, прощение государя. Однако все же примерно через год обман открылся. Медокса арестовали, привезли в столицу и заключили в крепость. Правительство было в шоке. Происшедшее представлялось всем какой-то дьявольской фантазией. Такое, пожалуй, только в России возможно. Потому все было строго засекречено.

Казалось, Роман Медокс отныне исчезнет бесследно. Невозможно было представить, что ему еще предстоят грандиозные аферы, а я буду лишь его вологодским подражателем.

ЧЕСТНО О МОШЕННИКЕ

Почему, господа, я — плут, мошенник, жулик? Повторю: у меня такой талант от рождения, родственный таланту пиитическому. И еще потому, что я не выношу обыденности. Я ненавижу обыденность. Даже среди полного благополучия, сим насытившись, быстро устаю душою. И душа требует иного... А если еще и неблагополучие — тем паче.

Вот жена начинает скрипеть с утра: мол, и тем, и другим нехорош. А вот и извещение от кредитора пришло: мол, даю последний срок, иначе — в суд. Вот крыша во флигеле потекла. А где денег на починку отыскать?

И начинаешь все это потихоньку ненавидеть, и маяться, и не находить себе места. И вдруг, как спасение, возникает идея — озорная, дерзкая, плутовская, и вот уже улыбаешься ей. И думаешь: черт побери все, пусть будет хоть плутовство, хоть мошенничество, только не это — опостылевшие домочадцы, кредиторы, протекающая крыша. Не для того же я родился! И вспомнишь Романа Медокса, незабвенного учителя. И становится и жутко, и сладко.

Что до меня, господа, то, конечно, я, Платон Григорьев Волков, в искусстве плутовства всегда был ниже рангом Романа Медокса. И мое дело в мае 1829 года в Устюжне явилось только подражательством кавказскому делу Медокса. Но у меня все сперва сошло на редкость благополучно, хотя затем имело самые невероятные последствия.

Итак, 10 мая я прибыл в богоугодный град Устюжну на почтовых лошадях с Вологодского тракта. На мне были партикулярное платье и мальтийский крест, кстати, ныне запрещенный, ведь остров Мальта русской короне уже не принадлежит. Но я нацепил его для авантжности.

Сразу же нанес визит городничему. И представился ему, сам удивляясь собственной дерзости, как чиновник канцелярии корпуса жандармов, прибывший инкогнито по личному поручению графа Бенкендорфа. Естественно, никаких бумаг, сие удостоверяющее, у меня не было. Подобное означало большой риск: я мог быть немедленно разоблачен.

Но стоило мне всмотреться в лицо городничего и особенно в его глаза, и я мог удостовериться — разоблачения быть не может. Городничий побледнел и от волнения почти утратил дар речи. Мне даже пришлось его успокаивать. Я подал ему стакан воды и повел себя с ним запанибрата, что его слегка ободрило и привело в чувство.

Между тем устюженский городничий Иван Александрович Макшеев был человеком отнюдь не робкого десятка. Как потом мне стало известно, награжден за храбрость в битве при Бородине и являлся гвардии капитаном Кексгольмского полка в отставке. И надо же — такой парадокс: brave кавалер, Бонапарта не боявшийся, он совершенно тушевался перед начальством, и это сразу содействовало успеху моего предприятия. Я потребовал себе квартиру и продовольствия, в чем был немедленно удовлетворен в превосходной степени. Семга и местные наливки здесь прямо-таки замечательны, как, впрочем, и устюженские дамы, хотя последние чрезмерно полноваты. Даже диву даешься, как иная из них в ее молодые лета может так отолстеть. Но это даже приятно.

С большим удовольствием я прожил в Устюжне пять дней, наслаждаясь фурором чиновников, их жен и дочерей. Умершая от обыденности моя душа воскресла, ожила и преисполнилась новых прожектов. Некоторый потаенный страх перед разоблачением только обострял мои эмоции, в том числе и амурные. Все было бесподобно. С любопытством я посетил городническое правление, собор, острог, лазарет, училища духовное и городское, наблюдая разнообразные физиономии и хорошенькие женские личики. Побывал на нескольких обедах разных чиновников, везде брал взаймы и обещал свою протекцию, оставляя адрес канцелярии графа Бенкендорфа. И, вполне удовлетворенный, отбыл в Санкт-Петербург, полагая, что на том — и концы в воду.

Некоторое время действительно все было тишь да гладь, но затем произошла полнейшая неожиданность. Моя устюженская история получила огласку и стала своего рода анекдотом. Сей анекдот в столицах начал пересказываться. О том и Пушкин прослышал и, как я узнал впоследствии, Гоголю рассказал. А Гоголь принялся за комедию, за своего «Ревизора». Так я и попал под великое перо,

угодил в великую комедию. И уже одним этим обеспечил себе литературное бессмертие, хотя и вовсе того не хотел и уж никак не ожидал подобной невероятности.

Обо всем том — еще особая речь. А пока скажу лишь одно: господа, будьте справедливы. Посмотрите на нас, плутов и мошенников, другими глазами. Ведь без нас общественная жизнь во многом была бы скучна, пресна и невыносима. И не случайно великие писатели так любят писать о плутах, мошенниках, авантюристах, ибо мы — талантливые личности. И скажу с убежденностью: о нас в первую голову надо не комедии сочинять, а следует сперва правдиво изложить наши биографии, составить жизнеописания. Это, ей-Богу, продвинет в чем-то понимание души человеческой.

И я-то тут еще, почитай, не на первом плане. Первоначально, разумеется, следует воссоздать жизнеописание нашего главного плута — того же Романа Медокса.

ИЗ БИОГРАФИИ РОССИЙСКОГО КАЗАНОВЫ

Бродят по российской истории типы фантастические, невообразимые. Таковых и нарочно не придумаешь. Оставим пока рассказ Волкова. Вологжанин Волков, пожалуй, даже мелковат. А вот Медокс? Биография его поразительна. И ее можно писать в разных ипостасях: и мошенник, и провокатор, и ловелас, и талант. О нем существуют книги С. Штрайха: «Провокация среди декабристов» (1925 г.) и «Роман Медокс. Похождения русского авантюриста» (1929 г.), последняя в 90-е годы переиздана. А в 80-е годы появилась статья известного литературоведа Ю. М. Лотмана о реальных лицах, родственных по духу гоголевскому Хлестакову, и в ней тоже достаточно подробно рассказывается о Медоксе.

Тем не менее Медокс до сих пор остается лицом, понастоящему не открытым.

Безусловно, его можно в чем-то сравнивать с гоголевским Хлестаковым. С. Штрайх, напечатавший его дневник, письма, доносы, писал, что личные бумаги «Медокса исполнены того пафоса лжи, о котором говорил Гоголь в своем указании актерам, как играть Хлестакова: «Он сам забывает, что лжет, и уже сам почти верит, что говорит». Но, пожалуй, более резонно сравнение его с реальным лицом — знаменитым авантюристом и оболыстителем женщин XVIII века, итальянцем Казановой. С. Штрайх утверждал: «Подобно Казанове, Медокс в совершенстве знал главные европейские язы-

ки, был хорошо начитан, умел разбираться в серьезных научных вопросах. Как и тот прославленный обольститель, он был привлекателен для женщин, причем по отношению к ним у него преобладало начало эротическое. Но главной страстью для Медокса — что особенно роднит его с Казановой — была безудержная страсть игрока... И, подобно Казанове, он стал авантюристом не из нужды, а по врожденному темпераменту, всю жизнь не умея при всех своих блестящих данных заняться чем-нибудь положительным, чем-нибудь серьезным, ибо, как говорил о себе сам Казанова, разумный образ жизни был противен Медоксу». Примечательно, что Медокс считал себя мечтателем.

В его биографии много неясного. Медокс сознательно запутывал свои данные. Точно неизвестен даже год его рождения. Жандармские следователи считали, что он родился в 1793 году, Медоке сбавлял себе два года. Для придания себе значимости утверждал, что происходит из «древнефиникийского рода» и от рождения был предназначен для свершения выдающихся дел. А в следственном его деле, заведенном Третьим отделением, говорится: *«Роман Медокс — сын бывшего содержателя московского театра Медокса, который за распутство его у себя не держал. Был писарем при полиции, унтер-офицером в армейском полку, потом был в ополчении и у начальника похитил две тысячи рублей»*. Вот с этих украденных двух тысяч все и началось. И еще цитата из жандармского дела: *«Среди смутных в 1812 году для России обстоятельств явился в город Георгиевск один молодой человек под именем Соковнина. Якобы лейб-гвардии конного полка поручик и адъютант министра полиции, он предъявил надлежащие документы...»*

Георгиевск — в то время центр управления Кавказом, куда Медоке под именем Соковнина явился якобы по особому царскому поручению (оно оказалось подложным). О дальнейшем в его афере уже рассказано. Конечно, им двигала почти безумная жажда самоутверждения, когда стирается грань между реальным и фантастическим. Он действовал под разными фамилиями — Соковнин, Всеволожский, Голицын, а будучи арестованным и разоблаченным, пытался оправдаться тем, что его целью было создание дружин горцев для борьбы с Наполеоном. Утверждал, что хотел быть спасителем Отечества, и сравнивал себя с Мининым и Пожарским. И более того — даже с Жанной д'Арк. По его словам, он действовал, *«как деревенская девушка Жанна д'Арк, назвавшись посланницей от Бога»*.

Так Медокс намекал следствию, что его вела рука Божья, но это ему на допросах не помогло. Освидетельство-

ванный врачами и признанный ими абсолютно здоровым и в здравом рассудке, он стал считаться опаснейшим и дерзким мошенником и, как уже говорилось, угодил в каменный мешок Шлиссельбургской крепости, откуда возврата ему, казалось, уже не было.

ИЗМЕНЯЛИ ЛИ ДЕКАБРИСТКИ СВОИМ МУЖЬЯМ В СИБИРИ?

О невероятном повороте в судьбе Романа Медокса я, Платон Волков, узнал по прихоти случая, будучи в Санкт-Петербурге. Я квартировал тогда (правда, совсем недолго) у своего дальнего родственника, графа Боборыкина, в собственном его доме, в Литейной части Фурштадтской улицы, близ кирхи святой Анны.

А племянник графа, ротмистр Боборыкин, как раз служил в конвойном отделении Шлиссельбургской крепости. И вот однажды, заехав к графу и не застав его, он в разговоре со мной рассказал об одном, с его точки зрения, необыкновенном узнике в их крепости по фамилии Медокс. Мое сердце сжалось, когда я услышал столь знакомую мне фамилию.

А ротмистр, того не подозревая, поведал: этот узник Медокс был уже одним тем удивителен, что просидел в каменном мешке целых четырнадцать лет и не сошел с ума. Обычно в таком состоянии узники выдерживают три-четыре года, а потом наступает неизбежное помешательство. Стража всегда заключает пари: сколько времени кто выдержит.

А вот с Медоксом все ошиблись. После четырнадцатилетнего заточения и пребывания во мраке каменной одиночки он полностью сохранил рассудок, проявив необыкновенную живучесть. Более того, с ним произошло какое-то необъяснимое событие: будучи по приговору заточенным в крепость пожизненно, он после четырнадцатилетнего заключения был выпущен без всяких объяснений из крепости и отвезен в канцелярию графа Бенкендорфа. А через несколько дней Медокса случайно видели садящимся в вологодскую почтовую карету в приличном платье и без конвоя.

Пораженный всем этим, ротмистр Боборыкин интересовался у меня, не встречался ли я с этим Медоксом в Вологде и не могу ли объяснить загадку бывшего их узника. Я отвечал, что, увы, не могу. На том мы и расстались.

И верно, в эти дни я Медокса в Вологде не видел. И не подозревал даже, что он в нашем городе может быть снова. Но познакомились мы с ним много лет назад именно

в Вологде, куда его отец с представлением эквилибристов приезжал на гастроли. И привозил с собой сына. Роман Медокс был тогда отроком, а я — еще мальчиком, но плут видит плута издали даже в юные лета. Мы с ним сошлись и совершили тогда некоторые дерзкие проделки. Все это запомнилось.

Теперь же, узнавши о потрясающей воображение судьбе Медокса, я испытал сильное волнение. И почувствовал, что снова, как в Устюжне, могу совершить нечто особенное. Замысел родился мгновенно: объявить о создании вымышленного альманаха (альманахи нынче модны), собрать деньги на подписку и... исчезнуть.

На едином порыве вдохновения я осуществил свою задумку: о выпуске альманаха «Прелестное чтение» было объявлено, деньги у простофилей-подписчиков собраны, и я быстренько возвратился в Вологду в самых приятных чувствах и при деньгах.

Однако в Вологде меня ожидал курьез: жена сбежала. Оставила записку: мол, ухожу, больше не могу, и не ищи. Какое все-таки неприличие произошло. Признаться, жена моя, вторая по счету, как говорится, добрая кобыла: ни в тын, ни в ворота никуда не годилась. Одно достоинство: старшая сестра ее замужем за графом Боборыкиным и считается приятельницей самого Пушкина. А я замыслил сочинить собственного «Евгения Онегина», в подражание Пушкину, и намеревался через эту графиню Боборыкину, на правах родственника, свести с Пушкиным знакомство. Но не сфартило.

А что до того, что супружница сбежала наконец-то, то я, естественно, испытал неприятность, но отнюдь не впал в мизантропию. Я ведь не зюзя и в лапоть о том на всю губернию звонить не буду.

Разумеется, в тот вечер я «давил букашку», то есть и клюкнул, и дерябнул, и куликнул — и рому, и мадеры, и наливки какой-то местной вологодской.

А на второй день пришло письмо от Медокса, и весь хмель с меня сразу слетел. Письмо это кое-что прояснило, но далеко не все.

Медокс писал мне, что после многих ужасных событий в своей судьбе он непостижимым образом оказался в Сибири, в далеком Иркутске, а перед тем, проезжая через Вологду, с приятностью вспоминал обо мне и хотел бы возобновить нашу юную дружбу. И желал бы видеть во мне помощника, поскольку он в Иркутске будет недолго, намерен перебраться в Москву, ибо ему выпала

особая миссия и потребуется надежный помощник и верный компаньон в свершении дела громадной значимости.

Далее в письме говорилось о некоторых его амурных делах. Медокс писал, что пошаливает ныне в дамском обществе, состоящем из жен и невест сосланных сюда государственных преступников, так называемых декабристов, то есть участников бунта 14 декабря 1825 года. Эти дамы, как известно, последовавшие за мужьями и женами в Сибирь и действительно преодолевшие не только огромные расстояния, но и не меньшие трудности, пользуются ныне в России репутацией вернейших и удивительных женщин. Но, разумеется, он, Медокс, в женскую верность решительно не верит, ибо женщина остается женщиной с ее природной ветреностью и склонностью к изменам в любых условиях. И фортуна предоставила ему проверить верность этих дам на самом деле. Оторванные от своих мужчин, находящихся на каторге, они скучают и отнюдь не представляются ему неприступными крепостями. И он ныне ведет интригу сразу с двумя из них. С одной, сладострастной полькой, он уже целуется и просиживает ночи напролет. А с другой — ведет сложную игру в возвышенную страсть. «Я вообще питаю слабость к толстым и мягким бабам, — писал Медокс, — а обе эти декабристки как раз являются мягкими бабами. Когда мы свидимся с тобою, я расскажу тебе все в подробностях. Но главное — готовься к великому свершению, которое потрясет всю империю от Иркутска до Вологды».

Рассудительно говоря, зная о фанфаронстве Медокса, я мог в чем-то усомниться, но, веря в его гений, почувствовал, что предстоит действительно что-то небывалое.

СТРАСТЬ И РАЗДВОЕНИЕ

Оставим снова рассказ Волкова, обратившись к теме декабристок в Сибири. Прекрасные женщины-декабристки — вечный для нас пример верности, женского подвига. Однако не все... И Медокс понял это.

Медокс, как явствовало из его дневника, оказавшись в Сибири, в Иркутске, среди приехавших декабристок, поставил своей целью соблазнить одну из них — княжну Шаховскую. И одновременно вел интимную интригу с другой декабристкой — Юшневской.

Ее муж — участник заговора Юшневский — ранее, во время следствия, был соседом Медокса по несчастью, находился в соседней с ним камере в Шлиссельбургской крепос-

ти, и они перестукивались через стену, поддерживая так друг друга в этом страшном «кладбище живых» (выражение Медокса). Собственно, многие декабристы, оказавшись в тюрьме, в Шлиссельбурге, знали Медокса как заключенного. И, естественно, сочувствовали ему. Никто из них не удивился, что он тоже оказался в Сибири. Все понимали: тоже сослан.

Никто не заподозрил, что в России впервые осуществляется колоссальная провокация. Императорский двор, расправившись с заговором 14 декабря, все же был настолько потрясен им, что испытывал постоянный страх перед новым возможным заговором. Потому мошеннику Медоксу, совершившему беспримерную аферу, которому, казалось, прощения нет, все же прощение было обещано при одном условии: он отправится в Сибирь, чтобы, войдя в доверие к декабристам, следить за ними и выявить их тайные планы. Так Роман Медокс стал первым в российской истории политическим провокатором.

Но он хотел совместить полезное с приятным. Он вышел из шлиссельбургского ада, испытывая сильнейший голод по женщинам, по его словам, «с жарким обожанием женщин».

И вот запись в дневнике от 11 января 1831 года: *«Я вообще склонен к толстым женщинам, а влюблен в нетолстую, мимо ее толстой сестры. Если бы Варинька знала мой прежний вкус к мягким бабам, то едва ли бы поверила моему невинному обращению с Юшневскою. Признаюсь, эта злодейка, страстно целуясь, соблазнила бы, если бы тут не было горничной Лизы... Я жарко расцеловал ее, но более ничего не сделал, сославшись на Лизу».*

Далее в дневнике опять будет сказано о «смелых поцелуях» с декабристкой Юшневской. А в доносах в Петербург на имя графа Бенкендорфа Медокс пишет о той, с кем сладострастно целуется, как об опасной преступнице, которая заявляет, что *«не только недолго государю царствовать, но даже и жить всей царской фамилии».* Психологические бездны, в которых смешаны страсть, предательство, любовь, цинизм, двойничество, открываются на страницах этого дневника, который никем, собственно, по-настоящему и не исследовался. Между тем вот подлинный психологический документ о раздвоении человеческой личности.

Варинька, главная героиня дневника, — это княжна Шаховская, она — предмет настоящей страсти Медокса. На мой взгляд, совершенно не прав С. Штрайх, автор книги о Медоксе и публикатор его дневника, в том, что все это — ложь и лицемерие, что «записи дневника изобли-

чают неискренность утверждений нашего авантюриста о любви». По моему мнению, как раз дневник, написанный жарко, яростно, с такой сладострастной силой, свидетельствует: Медокс был на самом деле охвачен подлинной любовью. И вместе с тем, как бы перевоплощаясь в совершенно иного человека, одновременно шпионил за своей любимой, доносил на нее, чернил в доносах. Вот выдержка из первой записи от 30 октября 1830 года: *«Провлачить множество лет в безвыходном затворе, внутри ужасов тайной темницы, без малейших отпад, и вдруг найти радость, найти счастье в невинных взорах девы... Словом, надо любить так, как я люблю, и любить в первый раз. Ах, что я говорю! Любить! Нет, не любить, а боготворить».*

«Начало сей страсти», как вспоминает Медокс, произошло в первый день его прибытия в Иркутск, 1 октября 1829 года, когда он в доме иркутского городничего впервые увидел Шаховскую. И Медокса можно понять, когда он пишет: *«Чтобы иметь понятие о пылкости и свежести моих чувств, надобно рассудить, что я люблю в первый раз и что я целых 14 лет не видел женщин, быв на 17-м году от роду заточен в Шлиссельбургскую крепость».*

Обожаемая им княжна Варвара Шаховская приехала в Сибирь как невеста осужденного штабс-капитана Муханова, который считался опасным заговорщиком: он был другом казненного Рылеева и даже высказывался одно время за цареубийство. Потому содержался в Петровском заводе в особо строгих условиях, и разрешения на брак ему не давали. Варвара Шаховская, отлученная от жениха, томилась, страдала. И тут на нее обрушилась любовь Медокса. И это была действительно необыкновенная любовь. Еще выдержки из дневника: *«Какой благоприятный вечер! Более трех часов глядел на нее с совершеннейшей свободой».*

«Какой счастливейший, пресладчайший вечер! Ничье, ничье перо не выразит моего восхищенья. Целых четыре часа — от семи до одиннадцати — почти непрерывно смотрел на Вариньку, говорил с Варинькой. Я вне себя, слезы радости в глазах. Благодарю тебя, мой милый, мой прекрасный друг».

«Как бы сладко умереть, повторяя Батюшкова стихи:

*Нет, по смерти невидимкой
Буду вокруг тебя летать,
На сруди твоей под дымкой
Тайны прелести ласкать».*

«Опять ощущал то восхищение, то неизъяснимое что-то, от которого едва смеешь дышать и как будто боишься,

чтоб с дыханием не вылетело ощущаемое его чувствилища».
«Теперь для обладания одной женщиной готов на все».

Слушая восторженные признания в любви, Шаховская никак не могла заподозрить, что Медокс целуется с другой декабристкой — Юшневской, и тем более ей невозможно было представить, что ее неожиданный и пылкий поклонник следит за каждым ее шагом, пытается выяснить, как она ведет переписку и куда прячет письма. Он ухитряется это выследить: она вышла из комнаты, он обнаруживает письма в переплете одной из книг. И он доносит, доносит, доносит. И его доносы в Третье отделение и лично Бенкендорфу, конечно, пишутся совсем другим слогом, чем дневник.

«Главная комиссионерка, пользующаяся совершенным доверием в Петровском заводе, есть княгиня Варвара Шаховская». С этого доноса Третье отделение будет считать Шаховскую одной из самых опасных фигур среди декабристов. А Медокс добавляет: *«Петр Муханов, бывший адъютант генерала Раевского, был женихом и, как кажется, любовником княжны Шаховской, наделенной всеми дарами природы, кроме красоты. Ей давно уже 30 лет».*

Вот это — просто гнусность! С откровенным цинизмом Медокс не только доносит на своего «бога», но и напишет то, чего от него и не требуют: она — некрасива, стареет, ей за тридцать.

И все же не спешите, подобно С. Штрайху, с выводом о чудовищном лицемерии Медокса. Действительно, когда он пишет донос, то отчетливо видит реальность: она — некрасива, по существу — старая дева. Но вот когда он остается с ней наедине, когда он не работает на жандармов, то в нем все меняется. И снова в нем говорит страсть. И в ней он открывает прекрасные черты, сделанные «смелым почерком Гения», и чувствует в «ней душу, способную к сильным ощущениям».

А что же сама Варвара Шаховская, как она воспринимает бурные ухаживания Медокса? Она хранит верность Муханову, и, как утверждает С. Штрайх, все это ей неприятно. Позволю себе в том усомниться. Ведь с замужеством все равно не получается. Муханов далеко, в Петровском заводе, и ее к нему не подпускают. Она мучается и скучает. И вдруг рядом оказывается такой необыкновенный человек, как Медокс. У него — ореол мученика, он — приятный собеседник, «хороший каламбурист», обладает разнообразными талантами (например, способный рисовальщик, удачно пишет портреты с натуры).

По существу, у них происходит бурный платонический роман. Правда, С. Штрайх подчеркивает, что отношение Медокса к Шаховской было откровенно эротично. Однако что это был за эротизм? Снова обратимся к дневнику:

«На вопрос: «Где счастье?» — могу ответить: «Я однажды видел счастье в Варинькиной спальне. Природа дала мне чувства пылкие, роскошные... Я был истинно в раю». Но не подумайте, что в спальне что-то произошло. Нет, просто Медокс однажды был туда допущен, и все. С. Штрайх справедливо указывает, что «Медокс все время пишет о ее ножках, которые он мысленно целует, о подвязках, он хотел бы завязывать их ей повыше колена, о счастье сидеть на стуле, с которого только что встала Варвара Михайловна и который хранит еще теплоту ее тела, о хорошей форме тучных плеч ее, о том, как он постарался бы заменить Вареньке могучего П. А. Муханова».

Но ведь все это — лишь эротические мечтания, а не поступки. Вот очередное событие для него: *«Хотел посадить в карету, чтобы прикоснуться, но с этим не посчастливилось».* Была при двух лакеях, как горько...

И вот что любопытно: Медокс пишет, что под влиянием своей любви он во многом меняется. Он хотел бы обладать *«сей божественной женщиной»*, но при всем эротизме его любовь по-своему даже возвышенна и духовна. Только физическая сторона любви, как он пишет, есть удел *«получеловеков»*. И описывает печальную историю некоего Иванова, жителя Иркутска, который женился на шестнадцатилетней красавице, *«взлавкав чувственных удовольствий любви»*. Но сломал ногу, серьезно заболел. Физически любить уже не мог, возненавидел свою жену и быстро умер. Медокс осуждает «животный инстинкт к самке», отдавая предпочтение «изящным чувствам». Через свою любовь он неожиданно приходит к Богу.

«Я молился с неизъяснимым жаром и в заключение молитвы благодарил Вариньку за свое обращение к Богу. В молитвах христиан — Бог, Иисус и Богоматерь, а у меня — Бог и Варинька».

Но, как это ни парадоксально, даже обращение к Богу, даже любовь не приводят к раскаянию, если человек поражен двойственностью, если он являет собой раздвоенную личность. Сегодня он искренне любит и с жаром молится Богу, а завтра — предает и доносит.

Впрочем, у Медокса и не было иного исхода. Он полностью зависел от Бенкендорфа и Третьего отделения. И

главная его цель — выслужиться перед ними, спастись, а затем и выдвинуться, самоутвердиться.

И Медокс добился своего: он доносит о многих тайных откровенностях, которыми делились с ним декабристы. Он выследил, как была налажена их потаенная переписка со своими родственниками и сторонниками в Москве и Петербурге. Им могли быть довольны и Бенкендорф, и сам император. Прощение теперь уже до конца жизни ему могло быть обеспечено.

Но этого ему было мало. Его душа требовала нового размаха. И Медокс задумал грандиозную авантюру. Ничего подобного в России еще не бывало. По существу, Медокс решил обмануть и самого императора, и Бенкендорфа — всю империю.

Он сообщает в Петербург, что ему стало известно о новом заговоре, притом такого масштаба, что дело декабристов является по сравнению с ним детской игрой. Заговор именуется Союзом Великого Дела. Он зреет в Москве, но имеет уже тайные сети кое-где в провинции. Разоблачить заговорщиков, их верхушку, на нынешний день по Божьей воле может только он, Медокс. Но для этого ему нужно быть в Москве, иметь полную свободу действий и достаточные средства.

Можно себе представить, какое потрясение вызвала Петербурге этот донос Медокса. Конечно, полностью верить Медоксу, помня его прошлое, ни император, ни Бенкендорф не могли. Но слишком велик, почти иррационален был их страх перед заговорами. И было решено на всякий случай обезопаситься — поверить.

Настал день величайшего триумфа Медокса. Он был возвращен в Москву с тайной миссией спасителя империи. Его щедро финансировали.

5 ноября 1833 года Роман Медоке прибыл в Москву и спасение Отечества начал с того, что снял роскошный номер в гостинице «Лейпциг», вызвал к себе портного и заказал ему гардероб на 600 рублей.

ЗАГОВОР В ВОЛОГДЕ

Вскоре Медокс снова написал мне письмо в Вологду: «Дорогой Платон! Извещаю тебя, что я прибыл в Москву и расположился в гостинице «Лейпциг» в номере 20. Как я уже писал тебе, в России предстоят события небывалой важности, и ты тоже можешь занять в них свое место, став моим помощником. Пока написать все в подробностях не

могу, поскольку сие составляет государственную тайну. Но сообщу тебе, что в Вологде зреет заговор против престола, и в этой связи обрати внимание на дом помещиков Линевых. Ты можешь оказать большую услугу Отечеству, притом все это будет тебе щедро оплачено. Обо всем договоримся при встрече. Однако все это должно составлять пока непререкаемую тайну. Приезжай. *Твой Роман Медокс*».

Итак, выходило, будто в Вологде зреет беспрецедентный заговор, угрожающий всей России. Именно так я понял Медокса.

Получив такое письмо, я немедленно выехал из Вологды в Москву и явился в гостиницу «Лейпциг». И выяснилось, что меня здесь ожидают. Человек, открывший мне, осведомился: «Господин Волков, Платон Григорьевич, из Вологды? Пожалуйте».

Я вошел в гостиную номера и после многих лет увидел, наконец, Медокса. Судьба вновь свела нас, и можно было только удивляться, что мы сохранили друг о друге с ранних лет столь живое воспоминание. Подобное не может быть случайностью.

Признаться, я был поражен роскошью номера, представлявшего как бы покои дворца в стиле барокко, с саксонскими вазами и нюрнбергскими гобеленами на стенах. Но еще более меня поразил вид Медокса, ведь я с таким опасением ожидал увидеть лицо, на коем отразились страдания от превратностей фортуны.

Но ничего подобного. Передо мною был комильфо, человек света — и по одежде, и по манерам. Невозможно было заподозрить в нем недавнего узника темницы или ссыльного невольника. На нем были дорогой халат, расшитый галантными сценами, и щегольское белье, очень тонкое и необыкновенно белое. Удивительно подвижные глаза, голос тих, с небольшим заиканием, но проникновен; улыбка, располагающая к сердечности. И встретил он меня сердечно, как близкого знакомого. Мы выпили с ним шампанского, раскурили дорогие сигары, и он, не рисуясь и давая понять, что спокоен и доверяет мне, кратко рассказал о своей необычайной судьбе, приведшей его в конце концов в Москву с особой миссией.

— Нам выпала исключительная планида, Платон, — заключил он свой рассказ, — Россия нам будет навечно благодарна, ежели мы спасем ее от чудовищного заговора, именуемого Союзом Великого Дела. Центр его здесь, в Москве, но щупальца его дотянулись до провинции. И, как я уже писал тебе, в том числе — до вашей Вологды.

Я почувствовал, слушая его, нервную дрожь и запросил разъяснений. Медокс разъяснил: штаб заговора, видимо, находится в доме Михайлы Орлова, генерал-майора в отставке, который всегда играл в тайных обществах важную роль и лишь случайно избежал разоблачения. Видно, на том сказалась войсковая слава Орлова, принимавшего, как известно, капитуляцию Парижа, но под маскою героя скрывалось лицо заговорщика.

— Разоблачить Михайлу Орлова я берусь сам, — сказал Медокс, — а тебе, Платон, сподручней будет заняться злоумышленниками в твоей Вологде. Ведь у вас губернатором генерал Болговский?

— Точно так, Болговский, — отвечивал я.

— Достаточно ли ты знаком с ним?

— Недостаточно, — признался я.

— Постарайся сблизиться, войти к нему в доверие и проследить за ним. Ведь он — сподвижник Михайлы Орлова. Был командующим бригады, входившей в 16-ю пехотную дивизию. А командовал дивизией — замечай — тот самый Михайло Орлов, он же один из главных основателей преступного «Союза благоденствия». Вот откуда веревочка вьется. К тому же Болговский — один из цареубийц его императорского величества Павла Первого и сам хвастался, что шарф его, коим был задушен император, получил историческую известность. А сколько волка ни корми... Так что, Платон, тебе все карты в руки.

Затем он вынул из объемистой шкатулки толстую пачку ассигнаций и, не считая, подал их мне.

Мы снова выпили шампанского и, сменив тему, уже поговорили о приятном — о женщинах. После условились встретиться через месяц, и я ушел от Медокса весьма взволнованным. Признаться, какое-то смутное сомнение лезло в душу. Возможно ли такое: заговорщики в Вологде связаны с губернатором Болговским и с центром в Москве! Такое и в страшном сне не приснится. Но полученные мною от Медокса ассигнации наглядно свидетельствовали: все слишком серьезно. И самое главное: как можно было не поверить Медоксу, если сам государь и граф Бенкендорф ему верят. Потому я, хотя шпионство мне ох как не по душе, решился, насколько это возможно, прояснить обстоятельства и с губернатором Болговским, и со своими соседями Линевыми. И ради Отечества. И деньги уже у Медокса взяты.

ЗАД ИМПЕРАТРИЦЫ И ХУЛИГАНСТВА ГАННИБАЛА

Все же опасался я визита к губернатору. Предполагал, что он о моих проделках извещен. Потому испытывал неловкость. Но как за ним проследить без личных встреч?

И вот записался на прием. Прихожу в назначенный час. К нему уже очередь, и какой-то старик с усами в помятом мундире — в кресле у самой двери. Такой умрет, но вперед себя не пропустит. Но секретарь, узнав меня, изобразил на лице приятную улыбку и говорит:

«Платон Григорьевич, их превосходительство вас ждут-с. Проходите».

Ну и чудеса! Я — мимо окаменевшего старикана в кабинет в некотором приятном недоумении. Смотрю, губернатор встает из-за стола, навстречу мне идет, руку протягивает приветливо, кресло предлагает и сам не за стол, а напротив в кресло садится.

«Приятно вас видеть, Платон Григорьевич, — говорит. — Значит, вы служить решили, о месте ходатайствуете? Очень хорошо. Вы — человек талантливый. А мне нужны талантливые люди».

Вот тебе и на! Не предполагает, разумеется, губернатор, что я о месте просто так, для отвода глаз прошу, а на самом деле шпионить за ним пришел. Но ломаю комедию: да, мол, хочу принести пользу людям и родной губернии. Губернатор интересуется, устроит ли меня место переводчика в губернском правлении. Отвечаю, что польщен, языки знаю, но надо подумать...

Губернатор на это: мол, если надумаете, сразу приходите, место для вас специально поберегу. И меняет тему, интересуется, правда ли, что я пишу поэму о вологодской жизни в подражание «Евгению Онегину», слух о том прошел. Я отвечаю, что отчасти правда, но сочинение еще не кончено. «Любопытно и очень, — говорит губернатор и спрашивает: — А Пушкина вы знаете?»

Отвечаю уклончиво: «Кто его не знает». — «А я ведь — дальний родственник Пушкина, — говорит Болговский, и в голосе его слышна нотка гордости, — и отца его хорошо знал, и дядю-поэта тоже знаю. С самим Александром Сергеевичем мы, будучи когда-то в Кишиневе, близко сошлись. Он в моем доме обедал постоянно, без зову. И всякое, весьма любопытное, бывало. Попавши под его влияние, я тоже решил сочинительством заняться. Был у меня такой конфуз. Я начал строчить свои записки. Один

из сослуживцев мне с колкостью говорит: «О чем ты написать сможешь? Что ты видел?» Я вспыхнул и говорю: «Да я видал такое, о чем никто понятия не имеет. К примеру, видел голый зад государыни Екатерины Великой». Пушкин, услышав такое, много хохотал».

Как и Пушкин, услышав губернаторские откровения, я тоже чуть не расхохотался, но, удержавшись, спросил: «Извините, ваше превосходительство, а что же вы в самом деле видели... э-э, такое?» — «На самом деле, — отвечает. — И могу о том рассказать. Было сие в начале моей службы в Измайловском полку. И вот, никогда не забыть, 6 ноября 1796 года находился я при уборной ее императорского величества в ординарцах. И вдруг — какой-то переполох, крик, горничная выбегает из уборной в панике. Дверь открыта. Гляжу, ее величество государыня лежит вниз лицом на постели. И огромный, белый, пухлый ее зад выставлен вверх и гол совершенно. Я обмер. Все же священная особа, самодержица Всероссийская, и надо же... Оказалось, поражена государыня апоплексическим ударом. Меня сие так поразило, что я много лет спустя свои записки начал с подобного печальнейшего анекдота. И Пушкину потом мои записки читывал, и он их слушал с живостью. Да-с, все пушкинское, я так считаю, сударь, особенно примечательно. Вот и в Вологде, сударь, я с курьезом столкнулся, с пушкинской фамилией связанным». — «Как так, ваше превосходительство?» — снова интересуясь, спрашиваю. «А не обратили ли вы, сударь, внимания на посетителя в приемной, эдакий старикан с усами?» — «Как же, обратил». — «Это, сударь, сольвычегодский городничий Соколов, добивается перевода в Вологду, ссылаясь на долгую безупречную службу. А вот тут у меня на столе его доносы, я из архива их попросил мне принести, на ссыльного подполковника Павла Ганнибала, дядю Пушкина. Вы, конечно, знаете об его, Ганнибала, вологодской ссылке?» Я подтвердил, что слышал о том, но никакие подробности мне неизвестны. И любопытно было б узнать. «Разумеется, любопытно, — продолжал Болговский, — коли сия личность — родственник самого Пушкина. И, безусловно, личность сама по себе примечательная. Храбрый офицер, отличился в кампании двенадцатого года. Но выпивоха, скандалист — не приведи Бог. И был сослан в Вологодскую нашу губернию, в Сольвычегодск, как говорилось в обвинении, за «буйство и дерзкие поступки». Но в Сольвычегодске, понятно, не унялся, бузил. А городничий Соколов начал писать на него доносы. Презабавные образцы чиновничьего стиля. Вот, к приме-

ру, доносит: «Ганнибал именованному купечеству оказывал некоторые знаки своего отвратительного нерасположения». Каково, а? Знаки оказывал... А далее донос, что Ганнибал у него, у Соколова, просил заимообразно сто рублей. На что Соколов докладывает: «Боясь в чем-либо преступить волю Правительства, а особливо Высочайшего Всемилоостивейшего Государя Императора, в том ему отказал». А вот последний донос: Ганнибал, мол, пьет, скандалит, установил в окне своей квартиры миниатюрную пушку и палит из нее по улице, целясь в персон поважнее. Из-за этого доноса пушкинского дядю сослали на Соловки и лишь в 32-м году освободили. Так-то, сударь».

На таких анекдотах и завершился мой визит к губернатору, и я, преисполнившись к нему добрыми чувствами, ушел от него даже в некоторой растерянности. Какой же он заговорщик? Не похож ничем. И шпионить за ним стало мне совсем невозможно по душевному расположению.

С тем неутешительным для Медокса выводом я через месяц вновь поехал к нему.

«СОЗДАЙ ЗАГОВОР»

У Медокса застал удивительные перемены: он успел жениться, взял богатое приданое; роскошный дом, жена красавица. Но во взгляде его появилось беспокойство и в жестах — растерянность. Я ему сразу изложил все доводы: мол, нет никакого заговора в Вологде. Но мне показалось, что он меня почти не слушал. Ему это было неинтересно. Только узнавши мой вывод, закричал: «Нет, нет, Платон, ошибаешься ты. Заговор имеется. И все нити тянутся, знаешь к кому? К Пушкину! Несомненно, к нему. Он — глава демагогической партии. Через него происходит вся демагогия. А главный начальник — Михайло Орлов. И они все дружески знакомы. С Пушкиным у всех — тесные узы. И у Орлова, и у губернатора Болговского. А далее все тянется к Сибири, там средь заговорщиков у Пушкина полно друзей. И не случайно одна из колоний ссыльных названа — «Вологда». — «Нет, Роман, — сказал я ему твердо. — Пусть колония так и называется «Вологда». Это, может быть, правда. Но все остальное — твоя фантазия».

Он как-то дико на меня посмотрел, сник, а после, выпив вина, изменившимся усталым голосом промолвил: фантазии, мол, в жизнь тоже воплотить можно. Если нет заговора, можно его создать. Деньги на это имеются. И он уже начал сам такой заговор в Москве создавать. «И ты

помоги мне, Платон. За деньги люди на все пойдут. Убеди: мол, сие не опасно, что-то на театр похоже. А деньги приличные. Создай заговор в Вологде».

Мне стало страшно. Но я обещал ему, из жалости. Ибо понял: Медокс стал жертвой своего же обмана. Но я в том не участник.

Не было никаких вологодских заговорщиков и их связей с Пушкиным.

КОНЕЦ ПЛУТА

Что было дальше? Окончательно оставим рассказ Волкова и обратимся уже только к фактам.

Убедившись, что игра проиграна и разоблачение его обмана о мнимом заговоре неизбежно, Медокс 5 апреля 1834 года пустился в бег. Безусловно, он прекрасно понимал, что за обман Бенкендорфа и самого императора ему пощады не будет. Но удивительно, что бегство проходило не тайно, не украдкой, а в его духе — с помпой, выдумкой, театральщиной. С. Штрайх пишет: «Разъезжавший в это самое время по России Иван Александрович Хлестаков не мог действовать более блестяще». Поражает и масштаб разъездов Медокса по России: Воронеж, Тамбов, Пенза, Симбирск, Саратов, Курск, Орел, Полтава, Екатеринослав и другие города. Наконец, в Таганроге он решается на бегство из России по морю, находит соответствующих лиц, способных ему помочь... Но в последний миг отменяет свое решение. И как сам объяснит впоследствии — без России он не представляет своей жизни. Оказывается, выдающийся мошенник был патриотом.

И он возвратился в Москву, домой. Жена немедленно выдала его полиции. На что же он надеялся? Предполагаю, что Медокс снова придумал что-то невероятное, способное вновь увлечь и обмануть императора. Но теперь ему даже не дали говорить. Он оказался в кандалах, в руках чиновников-исполнителей, коих никакая великая идея увлечь не могла. Началось скрупулезное следствие...

Следователям был дан приказ: не поддаваться ни на какие фантазии арестованного, а сразу пресекать их, извлекая при допросах только точные факты. И следователи точно следовали приказу.

Посмотрим и мы в последний раз, полтора века спустя, на Романа Медокса прощальным, грустным взглядом, отделив в нем фантастическое от реального. Кем же был на самом деле он — фантазмагоричный, фантастический и в

то же время реальный человек Роман Медокс? Как оценить и понять его?

Думается, что являясь личностью одаренной и прежде всего художественно одаренной, он все же был не совсем здоров психически. Ведь трудно предположить, чтобы человек, находясь в здравом рассудке, мог решиться на столь фантастические поступки. Разумеется, он не являлся сумасшедшим, в его авантюрах просматриваются строгая логика, ум, и отнюдь не бо́льшая, а скорее — творческая, артистическая фантазия. Внешне он был весьма привлекателен. Вот его портрет в описании жандармского офицера (это относится еще к пребыванию Медокса в Сибири):

«Глаза необыкновенно подвижны, сложен крепко и правильно; голос тих, при начале речи заикается прилично. Одет всегда в сюртуке, часто горохового цвета, всегда очень опрятен. Что особенно обращало внимание, то это щегольское белье — очень тонкое, необыкновенно белое, видно, это была любимая его статья костюма. Медокс держал себя прилично... Первое впечатление у меня было — это кровный англичанин».

Вспомним также, что Медокс — сын актера, театрала. Притом, крупного, незаурядного актера и театрала, о котором, видимо, следует сказать подробнее — для сравнения его с сыном. Современный исследователь Л. Киселева пишет о Медоксе-старшем: «Русский театр в Москве находился до 1806 г. в частных руках. Его владельцем был Михаил Егорович (Майкл, Меккол) Маддокс (или Медокс), человек неясного происхождения и интересной судьбы. Современники считали его кто знатным англичанином, кто греком, кто евреем, полагали, что он приехал в Россию в 1760-х гг. в качестве учителя математики для великого князя Павла Петровича. Это обстоятельство не находит документального подтверждения. Достоверно известно, что он был превосходным механиком, и это помогло ему впоследствии поддерживать на высоком уровне сценическую машинерию в своем театре. Видимо, правы те, кто определил первоначальную профессию Медокса на не очень уважительном языке XVIII в. словом «фигляр», что теперь мы должны трактовать как «цирковой артист», «фокусник» (комментарий к книге С. Жихарева «Записки современника» (Л., 1989).

Медокс-старший вошел как незаурядное лицо в историю русского театра. А вот его сын, унаследовав артистический дар отца, проявил себя как невероятный «фокусник» не на сцене, а в жизни, втянув в свои «фокусы» даже императора. Медокс-старший проклял сына, но в чем-то они были, несомненно, похожи — оба «фигляры».

Далее хотел бы вернуться к той теме, о которой уже много говорилось — к эротизму Медокса. Я сознательно последовал в своем рассказе о нем за Штрайхом, сравнившим его со знаменитым Казановой. И все вроде бы верно: Медокс являл собой яркий тип эротика. Всепоглощающим эротизмом пропитан его дневник с первой до последней страницы. Но, анализируя его отношения с княжной Шаховской, я уже во многом не согласился со Штрайхом. Конечно, в своем постоянном, неутоленном эротизме он напоминает Казанову, но только вот в чем огромная разница: Казанова неизменно соблазняет женщин, добивается их, обладает ими, а у Медокса — иное. Далее «смелых поцелуев» с Юшневской у него ничего не идет, а с главным предметом своей страсти — княжной Шаховской — у него совсем не было ничего телесного. Перед нами своеобразный, оригинальнейший, платонический Казанова. Притом, он не импотент, он жаждет женского тела. Однако, не живет с женщинами (по крайней мере на протяжении того времени, когда писался дневник), заменяя физическую близость своего рода «духовной любовной игрой».

Сохранились некоторые сведения о последнем любовном романе Романа Медокса. Это было незадолго до его ареста, в 1834 году, когда рухнул его миф о новом заговоре и он находился в бегах, скрываясь от полиции и переезжая с места на место. Так в своих скитаниях добрал он до поместья «первого декабриста» А. Ф. Раевского (дались же ему, злосчастному, эти декабристы и декабристки). Это того самого Раевского, который вместе с Пушкиным входил в масонскую ложу «Овидий», того самого, которого Пушкин пытался спасти от ареста. Но Раевский был все же арестован еще задолго до восстания самым первым и отсиживал свой срок по крепостям и тюрьмам. И Медокс, оказавшись каким-то случаем в усадьбе «первого декабриста», разумеется, влюбился в его младшую сестру Марию. И начались бурные объяснения, необузданные платонические страсти.

Признаться, мне жаль его. В чем-то я даже сочувствую ему. И, кажется, даже понимаю его.

Правда, Медокс мог быть по-своему жесток и коварен. В судьбе княжны Шаховской он сыграл печальную роль. После его доносов на нее обрушились со стороны полиции многие неприятности. К жениху ее так и не допустили. Она горько переживала все это, заболела скоротечной чахоткой и быстро умерла. Бедное существо.

Но, пожалуй, это — единственный серьезный грех Медокса. Других злодейств он, собственно говоря, не совершил.

Медокс снова оказался в Шлиссельбургской крепости. Далее — все трагично. Он просидел в одиночке (почти невероятно) 22 года. И еще более невероятно — опять выжил. Он обманул империю и просидел за это в одиночке в общей сложности 34 года. В 1853 году его амнистировали, он прожил на свободе в сельской усадьбе у родственников три года. И скончался в 1856 году от апоплексического удара.

Кем же он был — Роман Медокс. Я не согласен с С.Штрайхом, что это только и прежде всего провокатор, враль, обманщик. На мой взгляд, Медокс являет пример раздвоения личности, в которой низкие качества соседствуют с высокими, он на самом деле и мечтатель, и актер, для которого сцена — сама жизнь.

Не могу согласиться с глубокоуважаемым Ю.М. Лотманом, который рисует Медокса, как незначительного и мелкого человека, который просто использует особенности «николаевской государственности» и потому «водит за нос всех, с кем его сталкивает судьба, — от генералов и губернаторов на Кавказе до Бенкендорфа и Николая I».

На мой взгляд, это происходило потому, что Медокс был по-своему талантлив, он — не придуманный, подобно Остапу Бендеру, величайший российский плут. Таковым мне хотелось «открыть» его в нашей истории и литературе.

А о «вологодском» Хлестакове — Платоне Волкове, который во многом тоже «открыт» мною, подробно рассказано в моей документальной повести «Хлестаков в Устюжне», в книге «Только в любви...» (М.: Современник, 2002).

Но тема не исчерпана, она продолжается. Недавно я получил от петербуржца, кандидата медицинских наук И.В. Добрякова новые любопытные материалы. Игорь Валериевич имеет вологодские корни, происходит из известного дворянского рода Боборыкиных, а Платон Волков был женат на сестре графини Боборыкиной. И в семье Добряковых как семейная реликвия хранится альбом С.А. Боборыкиной за 1825 год, куда внесен автограф Волкова — посвященное ей стихотворение «Невеста», и тут уже имеется ее портрет. С.А. Боборыкина, по словам П. Бартенева, находилась «в приятельских отношениях» с Пушкиным. Но затем перешла на сторону Дантеса, передавала ему «лучшие пожелания» во время его ареста после дуэли. Из писем императрицы к Боборыкиной, враждебных Пушкину, очевидно, что лагерь врагов Пушкина существовал на самом деле. Но Волков к нему не относился.

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ ПУШКИНА

...И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Александр Пушкин

СЧАСТЛИВЫЙ ГУРЗУФ

Утром яркое солнце проникло в открытое окно и разбудило меня. За окном громко, дружно и весело кричали воробьи. Где я? Что со мной? И мгновенно радость охватила и переполнила меня всего. Ведь я — на юге, в Гурзуфе. И рядом — море.

Схватив полотенце, не одеваясь, в одних плавках я выскочил из дома. Прыгая по каменным террасам, мимо домиков под красными черепичными крышами, мимо заборчиков и сарайчиков, живописно и невесть как прилепившихся на каменных глыбах прибрежных утесов, побежал вниз — к морю.

И вот оно передо мной — спокойное, огромное, зеленовато-светлое, прозрачное. Оно сливается с небом. Трудно сразу различить, где кончается море и начинается небо. И теплоход, плывущий вдали, кажется повисшим в воздухе.

Еще рано. Пляж пустынен. Чайки по-хозяйски бродят по берегу. Распугав их, я бросаюсь в море и плыву, плыву, ныряю, устаю, переворачиваюсь на спину, отдыхаю, лежу, словно парю над глубиной. Море обжигает прохладой, обнимает, успокаивает, проникает в самую душу. И кажется, сейчас сливаешься с морем, становишься его крохотной частицей вместе с ее медузами, рыбами, крабами — со всем бесчисленным живущим, таящимся в темных глубинах. И бесконечная морская жизнь сейчас вскипит в душе — и душа переполнится водной стихией и солнцем. И за что мне, грешному, такое счастье?

Потом, после купания, одевшись, отправляюсь на рынок. Здесь пахнет фруктами, овощами, свежей рыбой, цветами. Толстый кот блаженно спит на багажных весах. Я покупаю янтарно-зеленого и черного, покрытого сизой дымкой винограда, красных яблок, черных и синих слив, желтых и коричневых груш.

Откуда-то сверху раздается чье-то пение. Это на балконе третьего этажа какой-то толстяк, выставив на солнце свой округлый живот, обтянутый красной полосатой пижамой, затянул веселую песенку. Пел он фальшивя, но все равно приятно. Я даже начал тихонько подпевать ему.

Затем спустился на набережную, прошелся по ней, и вот уже я — в парке за оградой, около того старого кипариса, около того санаторного здания, что построено на месте бывшего дома Раевских. Здесь жил Пушкин.

Магическое впечатление оказывает на меня это место. Говорят, что нашелся даже профессор, который установил, будто кипарис излучает то же биополе, что и личные вещи Пушкина в его петербургской квартире на Мойке. Это означает, что кипарис до сих пор «помнит» Пушкина. Не берусь о том судить. Но знаю, для меня нет Гурзуфа без этого моста и старого кипариса, мое ощущение счастья без них не было бы полным. Как это у Пушкина? «Счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского... Жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, — счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море».

Вот и мне выпало. Я пишу книгу о Пушкине. У меня отдельная комната, предоставленная гурзуфскими родственниками. Чувствую себя прекрасно. И вскоре должна приехать Елена. Что же еще нужно душе моей?..

ЗАГАДКА «NN»

Вечером раскладываю на столе свои бумаги. Написано уже немало. Но тема расползается и дробится на множество разных тем. И я начинаю писать то об одном, то о другом. Для меня самого внутренняя связь между всем этим существует. Но будет ли это понятно для других? Ведь моя тема вполне определена — тайная любовь Пушкина, ее загадка. Но мне понятно, сама по себе эта тема неразрешима. И к тому же, может быть, даже мифологична. Была ли она на самом деле — пушкинская тайная

любовь? Не литературный ли миф все это? Не выдумка ли, рожденная тщеславием пушкинистов? Кто его знает. Вроде бы нет. Во всяком случае, кажется, некоторые авторитеты честно верили в нее — пушкинскую тайную любовь.

Юрий Тынянов писал: «В жизни Пушкина была любовь, необычайная по силе, длительности, влиянию на всю жизнь, и им самим никогда не названная, утаенная. Но в таком случае кто она? Вот тут авторитеты расходились. У каждого из них она «своя». У Тынянова это — Екатерина Карамзина, у Щеголева — Мария Раевская, у Гершензона — Авдотья Голицына, у Губера — Наталья Кочубей, у Леонида Гроссмана — Софи Потоцкая, список весьма длинен. Наиболее доказательной считалась версия Щеголева о Марии Раевской. Хотя она сама, как должен помнить читатель, когда-то сказала, что единственная любовь Пушкина — его Муза.

Мария Раевская — в замужестве Волконская. Собственно, кто из нас не был в нее влюблен, на кого из нас не пал и отблеск пушкинской влюбленности?

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам...

Да, это о ней, черноглазой Марии. И мне кажется временами, что она здесь, в Гурзуфе, где-то рядом. И возникает безумное пушкинское желание — пасть к ее маленьким ногам, ее, промоченным морской волной, туфелькам, воспетым вкупе с Пушкиным и Некрасовым.

Однако же тайная любовь к Марии в последние годы подразрушена вездичивыми пушкинистами. И вполне резонно. Ведь Мария тогда в Гурзуфе — еще девчонка, «гадкий утенок», ей всего пятнадцать лет. А страсть Пушкина, если судить по стихам, — вполне зрелая, мужская, мучительная.

Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

Нет, не та любовь, что терзала поэта. Влюбленность в девочку можно испытывать — и довольно сильную. Но не набоковская же она Лолита. Нет, у этого «порыва страстей» — другой адресат. Я уверен. Кто же? Ответ, кажется, прост. Ведь она входит в «донжуанский список» Пушкина. И пушкинисты на нее давно указали. Стоит на четвертом месте (по хронологии, и относится потому к петербургскому периоду) и зашифрована под инициалами «NN».

Для непосвященных поясню: «донжуанский список» написан Пушкиным полушутя-полусерьезно в альбом Елизаветы Ушаковой в 1829 году. В нем — тридцать четыре женских имени. Это женщины, которых к 1829 году любил Пушкин. Не все из них являлись его любовницами (кстати, любовниц у него было гораздо больше, после женитьбы Пушкин, как должен помнить читатель, признавался Натали, что у него она сто тринадцатая). Но в список попали именно те, к кому Пушкин испытывал действительно сильное чувство, те, кого он сам выделял.

Собственно, об этом написана известная книга П. Губера «Донжуанский список Пушкина». Крамольная, проклятая в советское время книга (и автор был расстрелян), но ныне Губер реабилитирован, книгу издали и переиздали. Но с выводами в этой книге я не согласен. Хотя с эротической характеристикой Пушкина, данной Губером, в чем-то можно и согласиться. К примеру, считаю, что Губер абсолютно прав, когда он, опровергая точку зрения некоторых современников, винивших поэта в разврате, писал: «Не подлежит спору, что в эротическом отношении Пушкин был одарен значительно выше среднего человеческого уровня. Он был гениален в любви, может быть, не меньше, чем в поэзии. Его чувственность, его страсть к внешней женской красоте всем бросались в глаза. Но одни видели только низшую, полужвериную сторону его природы. Другим удалось заметить, как лицо полубога выступало за маскою фавна. Нужно ли добавлять, что эти последние наблюдатели были гораздо ближе к подлинной правде».

Но Губер Губером, он, хотя и пострадал за Пушкина, был известный литературовед, а что мне, грешному, сказать нового об интимных тайнах гения? Да и надобно ли? И тем не менее мне кажется, что эта тема имеет какой-то особый, личный, очень интимный, и не совсем еще понятный смысл для меня. Думается, к исследуемой теме о тайной любви Пушкина это все же имеет отношение.

Елена приехала. Она — балерина. Ей предстоит танцевать Марию в «Бахчисарайском фонтане». И для меня сейчас нет лучшего, чем она, собеседника о Пушкине и его скрытых тайнах. И я счастлив. С ее приездом я испытываю редчайшее, невероятное состояние полного счастья. Иногда оно словно парализует меня, ничего не хочется делать. Просто валяюсь, раскинув руки, на теплых камешках. Рядом плещутся волны. И я счастлив. Елена рядом, но мы ни о чем с ней даже не говорим.

А потом возвращается вдруг жажда деятельности, работы, открытий. И кажется, я вижу и понимаю гораздо больше, чем это было до приезда Елены.

На второй вечер после ее приезда я читаю ей написанный еще раньше этюд «Любовные тайны поэта». В этюде не только мои размышления о тайной любви Пушкина, в нем — и о смерти поэта, и полицейском надзоре за ним до самого последнего часа. В этом мне видится тоже одна из нераскрытых пушкинских тайн.

ЛЮБОВНЫЕ ТАЙНЫ ПОЭТА

Несомненно, в жизни Пушкина было немало любовных тайн, которые он скрывал. Возможно, самой скандальной из них, если права Идалия Полетика, а вслед за ней Анна Ахматова, была его связь с Александриной Гончаровой, по внешности почти дурнушкой, кровной сестрой прекрасной Натали Пушкиной.

Но пушкинисты создали немало мифов о его любовных тайнах.

Та же Мария Раевская — и реальность, и миф одновременно. В чем есть своя поэзия. Почти забавный факт: почтенный В.В. Вересаев полагал, что молодой Пушкин испытал к этой черноглазой девочке-подростку страсть, когда тайно подсмотрел ее купание.

У Вересаева все это очень живописно подано: «В прибрежной маслиновой роще, прижавшись к серому стволу, молодой человек с курчавою, в крупных завитках головою стоял и жарко глядел вправо... В бухте купалась девушка... Звенело в ушах, сердце билось крепкими толчками. Полная губа оттопырилась. Выпуклые глаза налились кровью и с свирепой похотью дикаря впились в нагое, худощавое тело с недоразвитой грудью.

Если бы она увидела, если бы увидел его один из ее братьев — какой был бы позор! Какой позор был бы! Он жил в их семье, с ними, и милый цветник этих прелестных сестер ароматом небывалой поэзии наполнял его жизнь в Гурзуфе. Если бы увидели!

Но мысли об этом не было, ни о чем не было мысли. Тайная красота девического тела, неожиданно открывшаяся глазам, горячим трепетом заполняла пьяную от страсти душу... Он задергался, как припадочный, и слабо застонал в бешенстве бесстыдного желания...»

Впрочем, впоследствии написал об этом подсмотренном купании прекраснейшее стихотворение «Нереида». Вот так.

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из волос струею выжимала.

Значит, эта полубогиня, вздымающая белую грудь над волнами, по Вересаеву — юная Мария?

Конечно же он — Пушкин, совершал преступление, во всяком случае так, если бы открылось, это было воспринято в семье Раевских. А здесь, он, опальный ссыльный, был окружен любовью, заботой, поклонением. Само по себе быть гостем прославленного генерала Раевского являлось честью. Каждый, вступивший под этот кров, должен был испытывать своего рода преклонение перед генералом-героем. И это было у Пушкина. И вместе с тем, скорее всего вакхическая натура Пушкина брала свое. Он был, вероятно, влюблен во всех трех сестер Раевских, но две были взрослыми, а младшая, черноглазая Мария, — еще полудитя-полуженщина. Конечно, впоследствии, когда она станет знаменитой декабристкой, княгиней Волконской, пошедшей вслед за мужем в Сибирь, он будет относиться с трепетным уважением, а о своей страсти (если она была) утаит.

Ему о многом придется утаивать очень скоро в захолустном Кишиневе, где, кажется, и утаить ничего невозможно. Некоторые его любовные истории получают огласку и станут широко известны. Другие останутся неизвестны или почти неизвестны. Сохранились два его нескромных письма в Кишинев: неизвестной («я вас люблю с таким порывом нежности...») и Ралли Мариоле и, вероятно, ее сестре Екатерине. Само имя последней как раз является примером того, что мифы о «тайных любовях» поэта все еще создаются. А может, это и не миф? Во всяком случае вполне серьезный исследователь из Молдавии В.Ф. Кушниренко пишет: «В ряду кишиневских «красавиц» А.С. Пушкина Екатерина Стамо — дочь знатного и влиятельного боярина... занимает особое место» (Сб.: Пушкин и другие. Новгород, 1997). И далее — «любовь Пушкина к Екатерине Стамо была долгой. И по всему ее имя, очевидно, значится в «донжуанском списке» поэта. Эта любовь была взаимной. Екатерина понимала ее и ценила, берегла. «Пушкин был большой повеса... а я к тому еще, на беду, считалась в молодости красавицей». Исследователь приводит фрагменты воспоминаний Екатерины Стамо и называет ее «бессарабской Татьяной». Может, это своего рода — открытие? Не исключено. Тайное не всегда, но

подчас становится все же явным. Ох уж эти любовные тайны, их, вероятно, было много.

Кстати, любовные отношения Пушкина с Анной Керн, чуждой условностей, первоначально тоже предполагали быть тайной. Во всяком случае в одном из своих писем Пушкин советовал Керн: «Весьма возможно, что наши письма будут перехватываться, читаться, комментироваться и потом подвергаться торжественному сожжению. Постарайтесь изменить ваш почерк, и я посмотрю, что из этого выйдет. Но пишите мне, и много, и вдоль и поперек, и по диагонали (геометрический термин)... И прежде всего дайте мне надежду вновь вас увидеть. Если это невозможно, я в самом деле постараюсь влюбиться в какого-нибудь другого». По правую гения — здесь следовало сказать: «в какую-то другую».

Кстати, «божественная» («вавилонская блудница») Анна Петровна, не склонная обычно к скрытности, пыталась сохранить их связь в тайне и в своих мемуарах о том, что произошло, когда она с Пушкиным в феврале 1828 года впервые осталась наедине, утверждала, что произошла лишь невинная «попытка завязать разговор и быть любезным».

Она не подозревала, что Пушкин с крайним и веселым цинизмом в письме к С. Соболевскому оповестил, что он сотворил в тот день с нею, «гением чистой красоты». За чем он это оповестил, неизвестно. То ли хотел похвастаться, то ли еще почему-то... Во всяком случае поставил прекрасную Анну Петровну в неловкое положение перед потомками, обессмертил ее и таким — половым образом.

Но подчас Александр Сергеевич скрывал свои любовные похождения. К таким тайным любовям его можно в какой-то мере отнести и Каролину Собаньскую. С искренней непосредственностью Пушкин писал ей: «Мне необходима ваша близость», но желаемого результата, в отличие от Анны Керн, все-таки не получил. В истории с Каролиной Собаньской важна и другая тема — полицейского надзора за Пушкиным.

Пушкин был под надзором тайной полиции всю свою сознательную жизнь. Об этом много написано и нет смысла повторяться. Но на некоторых особо примечательных фактах мне хотелось бы заострить внимание. Еще в молодости Пушкин находился (если следовать современному жаргону) «под колпаком» известного агента Фогеля. Но он, естественно, был не один. Третье отделение использовало для слежки за поэтом разных лиц: и его временных сослуживцев, и продажных литераторов, и непутевого свя-

щенника, и, наконец, традиционное для полицейской практики оружие — прекрасную женщину. Речь в данном случае идет о Каролине Собаньской. Отношения с ней — одна из тайн в пушкинской теме. Ведь речь идет о «демонической женщине».

Ю. Лотман в своей работе «Женский мир» писал, что в пушкинское время «в литературе и жизни возникает образ «демонической» женщины, нарушительницы правил, презирающей условности и ложь светского мира». Одной из таких женщин была Каролина Собаньская (Собаньска). О ней можно написать интереснейшую книгу. Каролина Собаньская (ок. 1794—1885) — «одна из красивейших женщин своего времени, изящная и разносторонне образованная, тщеславная и ветреная...» (Л. Черейский). Она была любовницей генерала И. Витта, «организатора тайного сыска за декабристами на юге России, а позднее сама стала агентом Третьего отделения».

Что же свело ее с Виттом? По мнению Ю. Лотмана, «генерал-лейтенант Витт — одна из самых грязных личностей в истории русского политического сыска. Шпион не столько по службе, сколько по призванию». И блестящая красавица Каролина становится не только любовницей этого грязного человека, но и агентом, послушным орудием в его руках. Но почему? На мой взгляд, в том было и отчасти бесовское прельщение.

Лотман находил черты демонизма Каролины, исходя из ее родословной. Происхождение красавицы было таково: польский аристократ граф Адам Ржевусский романтически женился на пленной гречанке. В истории этого брака было все, что знакомо нам по поэмам Байрона и его последователей: жена — купленная рабыня, авантюры, преступления, и в итоге — две дочери необыкновенной красоты, даже в эту богатую прелестными женщинами эпоху. От родителей девушки не получили ничего, кроме красоты, коварства и особой врожденной страсти к предательству и авантюрам. Александр Пушкин и Адам Мицкевич видели в сестрах героинь Байрона — на самом деле это были скорее демонические героини Бальзака. Одна из сестер (Эвелина) в дальнейшем действительно стала женой Бальзака и тесно связала себя с его творческой биографией. Вторая — Каролина (по мужу Собаньская) зловеще вторглась в жизнь Пушкина. Она, как агент, следила за Пушкиным и за Мицкевичем, который тоже был от нее без ума. Ей нравилась двойная игра, перемешанная с любовной страстью. Впрочем, Пушкин так и не добился ее, но обессмертил своим знаменитым

стихотворением: «Что в имени тебе моем?...». А также своими любовными письмами, написанными ей 2 февраля 1830 года (в это время Пушкин упорно добивался руки прекрасной Натали Гончаровой).

Невозможно усомниться в страстной любви Пушкина к Натали, но вместе с тем в письме к Каролине Собаньской тоже звучит безумная страсть: «Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни. Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется все бросить и пасть к вашим ногам».

Письмо не было отправлено. Но оно — эпистолярный любовный шедевр Пушкина. Оно — на уровне «Я помню чудное мгновенье...», хотя и без рифмы. Но Пушкин отчетливо сознает бесовский подтекст своей страсти. Он так и написал в другом неотправленном ей письме этого же дня: «Вы — демон, то есть *тот, кто сомневается и отрицает*, как говорится в Писании». А далее, говоря о себе в третьем лице — «он», Пушкин признается, что им в этот миг поведует... сатана. И представляет себе чувства Каролины: «Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним. Он полон самомнения, как его повелитель — сатана».

У Пушкина можно отыскать и другие бесовские соблазны и бесовские строки, но эти — самые откровенные.

Можно даже предположить, что тайной любовью поэта, над загадкой которой столько лет бьются пушкинисты, является именно Каролина Собаньская. В письме, кстати, упоминается Крым, а специалисты связывают тайную любовь поэта чаще всего с Крымом, но, разумеется, это только версия.

А Каролина Собаньская, подобно демонам и тайным агентам, даже подлинного портрета потомкам не оставила. Только один портрет, как бы нарисованный тайком, — с неизвестного оригинала дошел до нас. И в этом тоже есть что-то тайное. Это вы, прекрасный демон — Каролина?

Конечно, Пушкин не предполагал, что она являлась агентом Третьего отделения и вела слежку за ним. Но нечто темное, двойное он чувствовал в ней, и это влекло его к ней. «Демоническая женщина вызывала в нем демонические чувства». И можно привести, как уже говорилось, другие примеры его влечения к бесовскому.

Встречи с сатаной гению не избежать. Так было у Байрона, так было у Гете, так и у Пушкина. Но все же Пушкин, знавший моменты прельщения и падения, в конечном счете отверг сатану. Умирая, как мы знаем, он исполнил обряд христианина, простив всех и уничтожив, видимо, тайный реестр своих претензий к личным недоброжелателям. Но дело не только в его личных поступках. Самое главное для него в том, что несет с собой его творчество. И можно согласиться с выводами тонкого и своеобразного исследователя-пушкиниста последнего времени Ирины Сурат, которая пишет, что «именно Пушкин стягивает на себя всю напряженность проблемы «искусство и религия»... Религиозное восприятие красоты составляет основу его художественного мировидения».

Я закончил чтение этюда. Елена, немного помолчав, высказывает свое мнение:

— Мне было интересно. Но ведь ты ничем не доказываешь, что будто Собаньская была тайной любовью Пушкина. Почему?

— Потому что, уже работая над этюдом, я сам усомнился в этом. И только высказал предположение. Видимо, у Пушкина была какая-то склонность к женщинам польской крови. Это сказалось даже, когда он писал в «Годунове» о Марине Мнишек. Но постепенно я стал думать, что ключ к разгадке связан с «Бахчисарайским фонтаном». Впрочем, поговорим об этом подробнее потом...

ПРОГУЛКИ С ПУШКИНЫМ

— С «Бахчисарайским фонтаном», видимо, связана тайная любовь Пушкина, — говорю я Елене. Мы бредем с ней среди виноградников по дороге. Над нами — сверкающие вершины гор, внизу, как на яркой разноцветной палитре художника, — строения: дома, домики Гурзуфа, живописно сбегające к морю.

— А она существовала у него на самом деле? — спрашивает Елена.

— Ты меня спрашиваешь, Леночка, о том, над чем ломали головы выдающиеся пушкинисты. Но как раз я об этом пишу.

— И считаешь, что раскрыл сию тайну?

— Нет, конечно. Но просто из всех версий выбрал, на мой взгляд, самую правдоподобную. И даже отчасти кое в чем ее развил и дополнил. Причем старался исходить из

того, в чем все эти версии пересекались, что у них было общего. И получилось вот что. Если это не миф и у Пушкина действительно была какая-то «утаенная любовь», которая так сильно повлияла на его жизнь и поэзию, то общие моменты этой его страсти таковы: она началась еще в его молодости, в петербургский период, затем связана с Крымом и написанием «Бахчисарайского фонтана», а затем... Затем, видишь ли, пушкинисты резко расходятся, называя самые разные имена. Тут и Мария и Елена Раевские, и Карамзина, и Кочубей, и Воронцова, так что претенденток вполне хватает. Но лишь одна версия кажется мне вполне доказательной. Ее высказал Леонид Гроссман. Но, кстати, его версия — такова ирония судьбы — как раз известна мало. А он вычислил наиболее подходящую претендентку из всех.

— Так кто же она?

— Софья Потоцкая, в замужестве Киселева.

— Ничего о ней не знаю.

— О ней мало кто знает. А личность прелюбопытная.

И красавица, и умница.

— Так расскажи, не томи.

— Охотно. Только свой рассказ начну с ее матери — тоже Софьи. Мимо нее пройти невозможно: это была невероятная и прекраснейшая женщина, Софья... великая распутница, гречанка по национальности. С тринадцати лет она была известна как самая красивая проститутка Константинополя. Там Софью и ее старшую сестру купил польский посол для подарка своему королю. Однако сей ценный подарок он до Варшавы не довез. Еще в порту, когда сестры Клавона только сошли с корабля, их увидел майор Витт и выложил за них баснословную сумму. Старшей сестрой Витт овладел сразу после сделки, но вот младшая — та самая дивная девочка-красавица Софья — оказала яростное сопротивление сладострастному майору, и он ничего не мог с ней поделать. Бывшая проститутка, купленная майором в порту, ставила одно условие — он должен на ней жениться. Такое казалось совершенно невероятным, однако Витт не смог сломить сопротивления юной красавицы-шлюхи и на самом деле женился на ней. Молодые совершили путешествие в Париж, где Софья получила громкую известность. После Парижа супруги прибыли в Россию, и всюду Софья Витт вызывала среди мужчин переполох. И не только среди мужчин.

Известная французская художница Виже-Лебрэн, рисовавшая юную мадам Витт, писала, что никого прекраснее представить нельзя. И пошло, поехало... Вскоре кра-

савицу отбил у мужа знаменитый фельдмаршал Потемкин. Он добыл Витту графский титул и чин русского генерала, а взамен на время забрал у него жену. За любовь он подарил Софье два великолепных имения в покоренном Крыму — Массандру и Симеиз. Затем она перешла к гетману Потоцкому, который уплатил за право жениться на ней Витту два миллиона золотом. Так Софья стала гетманшей Потоцкой. Она изменяла гетману с пасынком, и не только с ним. Есть легенда, будто она находилась в плотской связи с самим дьяволом. Но как бы там ни было, от Потоцкого (а может, и не от него) у нее родились две дочери — Софья и Ольга. Обе они были красивы, хотя и не в такой степени, как мать, и представляли собой две противоположности. Ольга, видимо, отчасти унаследовала распушенность и страстность матери. Софья была целомудренна и слыла среди молодых повес неприступной.

Пушкин впервые встретил ее семнадцатилетней в Петербурге. И испытал «безумную любовь». И получил отказ. Пушкину (это известно) тоже нередко отказывали. И он искренне страдал.

Но умная, образованная, романтическая красавица, несомненно, интересовалась поэтом и рассказала ему поэтическую легенду, бытовавшую в их роду. О том, как одна из юных красавиц Потоцких была в далеком прошлом похищена крымцами, и в нее влюбился крымский хан, и после ее смерти воздвиг в память о ней в Бахчисарае «фонтан слез».

На Пушкина этот рассказ произвел впечатление, но тогда, в Петербурге, замысла о поэме у него не возникло. Прошло некоторое время — видимо, около двух лет. Софья летом подолгу жила в своем любимом имении — в Массандре. А Пушкин оказался неподалеку — в Гурзуфе, у Раевских. Они могли видаться: Пушкин любил пешие и верховые прогулки, ему, вероятно, хотелось увидеть ту, по которой он страдал в Петербурге. И прежнее любовное чувство могло охватить его с новой силой. Южные стихи поэта были наполнены страстным пламенем...

Но любовь его, как прежде, осталась безответной и тайной. И тем не менее это послужило, как считает Гроссман, источником для «вдохновений сладострастных». «Бахчисарайский фонтан», — я цитирую Гроссмана по своей записной книжке, — это баллада о Потоцкой, посвященная Потоцкой. Образу этой знаменитой красавицы поэт и воздвиг свой «фонтан любви, фонтан живой». Он создал

свою чудесную поэму о «любви таинственной, унылой», «любви отверженной и вечной», лучшую из лирических поэм всей русской поэзии — «Бахчисарайский фонтан». Это тоже памятник безутешной любви, запись об огромном событии духовной жизни автора, высокая хвала прекрасной и гордой девушке, от которой он впервые услышал о чарующей поэзии Крыма и красоте безнадежной любви».

— «И красоте безнадежной любви», — почему-то повторяю я последнюю строку.

— А как сложилась далее судьба Софьи?

— Неудачно. В тысяча восемьсот двадцать первом году Софья вышла замуж за молодого блестящего генерала Киселева, красавца и любимца императора. Но этот брак оказался несчастливym. Киселев был неверен Софье. И изменял ей с ее же сестрой Ольгой.

На генерала Киселева
Не положу своих надежд...

Так писал о нем Пушкин. Поэт не любил его. А Киселев продолжал оставаться придворным фаворитом и делал быструю карьеру. Между тем это не содействовало укреплению супружества. Вскоре между супругами наступил разрыв. Софья уехала за границу. Она много занималась искусством, путешествовала, с сочувствием относилась к декабристам и польским повстанцам.

— Софья, несомненно, поэтическая, сложная натура, — продолжаю я свой рассказ Елене. — В ней, по словам Вяземского, «пожар поэзии». Но она несчастлива. Она продолжает, несмотря на разрыв с мужем, любить его до конца, хотя он (и это бесспорно) недостоин ее любви. Она умерла в Париже в полном одиночестве в тысяча восемьсот семьдесят пятом году.

— Выходит, тайная любовь Пушкина Гроссманом открыта, и ты согласен? — с удивлением и легким непоказным разочарованием произнесла Елена.

— Не совсем так. Но обо всем этом я расскажу тебе завтра в Бахчисарае.

ОБРАЗ НЕЖНЫЙ

Бахчисарай. Ханский дворец, нынешний музей. Мы медленно ходим по нему. Портал. Знаменитые железные двери с изящным витиеватым орнаментом. Домовая мечеть. Зал совета и суда, золотой ханский кабинет. Гарем. Цветные стекла витражей, арабская вязь надписей, за окна-

ми — минареты Большой ханской мечети. Конечно, в большинстве здесь — реставрация, подделка. Но все же, все же...

Мы стоим у «фонтана слез». Нет, не каплют слезы у фонтана. Но легко представить, как сбегает по холодному мрамору, украшенному вязью надписи, и золотым желобкам слеза, кажущаяся человеческой, и оживает холодный мрамор, он плачет... И надпись говорит: «Фонтан создал в 1764 году иранский художник Омер».

И мне вдруг кажется, что в черноте небытия вздрогнула и откликнулась на миг душа Омера, грустного и светлого поэта, оживившего мрамор. О нем почти ничего не известно.

— А хан Гирей был на самом деле? — спрашивает меня Елена. — Или он придуман Пушкиным.

— Нет, не придуман, — отвечаю я. — Был на самом деле, являл собой тип крымского правителя, такого же коварного, как все. Он тоже вел бесконечные жестокие и кровавые войны. Но все же Керим-Гирей сильно отличался от других ханов. Представь себе, он был образован, интересовался астрономией, любил искусство. Держал даже труппу комедиантов. И не случайно именно он воспылал любовью к одной из пленниц своего многочисленного гарема. Кто она? Неизвестно. По одной версии — грузинка. По второй — полька по имени Мария. О ней, как ты понимаешь, и говорила Софья Потоцкая Пушкину. Известно и о печальной судьбе пленницы. Девушка не выдержала плена и вскоре умерла. Хан был безутешен и повелел соорудить в память о ней мавзолей и «фонтан слез». Сначала фонтан находился у гробницы девушки, в ее мавзолее. Затем был перенесен во внутренний дворик дворца. А мавзолей сохранился, только он замурован. Пойдем к нему.

Мы выходим из дворца и подходим к мавзолею. Это каменный восьмигранник высотой с двухэтажный дом. Двойной ряд его окон и арочек замурован, мавзолей словно слеп.

Мы садимся у мавзолея, и я поясняю:

— Конечно, назвать его мавзолеем Потоцкой можно только условно. Исторические источники называют его мавзолеем Дилары-Бикег, то есть в переводе — прекрасной девушки. — И я начинаю читать по памяти из Пушкина:

Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось... но не тем

В то время сердце полно было.
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью,
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!..

— Эта дева была все-таки Софьей Потоцкой? — опять спрашивает Елена.

— Нет, не Софьей. Гроссман прав отчасти. Все то, что связано с «Бахчисарайским фонтаном» и любовью Пушкина к Софье, все, на мой взгляд, верно. Верно и то, что Пушкин, оберегая репутацию Софьи, зашифровал ее имя в своих бумагах.

Но вот теперь — внимание. Я, мой друг, буду опровергать все, что говорил тебе раньше. Мне нарочно хотелось увлечь тебя всей этой историей. И я тебе пересказал версию, которой увлекся и в которую сам поверил. Но, может, твой приезд повлиял, не знаю. Во всяком случае сейчас я пришел к совсем иному выводу. Вероятно, все пушкинисты со своими версиями в какой-то мере правы: один больше, другой меньше. Только им не надо оспаривать друг друга.

Сегодня я считаю, и прости мой поэтический обман, но я уверен, что у Пушкина было на протяжении жизни несколько тайных любовей, когда он зашифровывал имя женщины, скрывая адресата своих любовных стихов.

Главной его любовью, вершиной его чувств все равно стала Натали Гончарова. Конечно, у поэта были увлечения, были и тайные, которые, как мне думается, нельзя связывать с одним лишь именем.

А что же Софья Потоцкая?

Она более других, наверное, подходит на роль тайной любви. Но все же, по моему мнению, тайная любовь Пушкина — это нечто другое. Это его страсть к Женщине в целом. Она могла распространяться в какой-то миг и на Софью, и на Марию Раевскую, Каролину Собаньскую и многих других. И всегда она проявлялась по-разному. И кто его тайная любовь, Пушкин, по-видимому, и сам не знал. Ведь об этом совершенно точно сказано в «Бахчисарайском фонтане»:

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня,
Неотразимый, неизбежный?

МАСОНСКИЙ ЗНАК ПУШКИНА

Повесть из разных сюжетов

ЖЕНЩИНЫ В ЛОЖЕ

С жадностью я всматривался в ее лицо, вслушивался в ее голос. Она ли это или не она? Узнать ее я так и не мог. Но скорее всего это она.

Значит, теперь она — масонка. Я впервые в жизни говорил с масонкой. Притом с такой очаровательно женщиной-ребенком, она поразила меня своей экзотической внешностью. Оливковая, смуглая кожа, огромные, с безуминкой, по-змеиному гипнотирующие глаза, ярко-алый чувственный рот — все это напоминало ожившую статуэтку египтянки легендарной древности, времен пирамид.

Гремучая смесь кровей многих национальностей (о том я узнал впоследствии) породила это яркое, странное существо. Среди ее предков были турки, молдаване, евреи, цыгане. И даже русские, вологодские, поэтому она носила вполне русское имя — Наташа.

В Вологду она приехала в гости к родственникам, с которыми я тоже давно знаком. И они заранее, не без смущения, меня поставили в известность, что Наташа — масонка. Но это, по их словам, в Молдавии не считается предосудительным.

Мне стало любопытно, я попросил познакомить меня с Наташей, тем более что у меня на то была своя причина. Так мы и познакомились.

К тому же оказалось, что мы как бы были коллегами: она закончила исторический факультет университета. А масонкой, по ее словам, стала два года назад.

Признаться, к моменту нашего знакомства у меня о масонстве было весьма смутное представление. Не приходилось с этим сталкиваться, а в ярых идейных столкновениях и спорах о «жидомасонах» я никогда не хотел участвовать. Тем не менее любопытство толкнуло меня на зна-

комство с масонкой, я спрашивал ее о ней самой, их ложе, а она откровенно (оказалась по-женски болтлива) и охотно отвечала.

— Наша ложа называется «Овидий». Почему? Видите ли, у нас в Кишиневе сохранился дом, там в подвале в 1821 году проходили собрания ложи «Овидий». Названа она была в честь великого древнеримлянина, поэта Овидия. Он, как вы знаете, был в ссылке в этих местах. А спустя века сюда попал в ссылку Пушкин. И вступил здесь в ложу. Она просуществовала недолго. Теперь ложа восстановлена. В нее входят мужчины и женщины. Собираемся мы в том же подвале. И совершенно открыто. В Молдавии ныне масонское движение поддерживают даже члены правительства. И в нашу ложу входят многие известные в Кишиневе лица. У нас в чести любовь и поэзия. Читаем наизусть Овидия и Пушкина. Когда меня принимали в ложу, хором с большим чувством декламировали «Гавриилиаду». Это — обязательное условие нашей ложи: выучить наизусть что-то из пушкинской «Гавриилиады».

Ее слова вызвали во мне множество эмоций. Сразу же ожило: «Гавриилиада», Кишинев. И воспоминания пронеслись во мне. Я слушал ее и вспоминал свою кишиневскую поездку... Это было десять лет назад.

* * *

На солнце в Кишиневе не было пятен. Какие там пятна — оно было так ослепительно. Кишиневское солнце высветило все темные уголки моей души и выжгло в ней темные пятна.

А я приехал сюда полубольным. Не случайно загадка пушкинской «Гавриилиады» мучила меня. Я собирался написать специальную работу о «Гавриилиаде». Об этом еще никто никогда не писал. Потому что об этом невозможно писать. Ведь «Гавриилиада» — величайший грех Пушкина и самое греховное сочинение русской литературы. И потому вокруг нее, этой поэмы — заговор молчания. Вернее, исследовано все, до последней запятой: когда написано, каковы первоисточники, и прочее, прочее, литературоведческое. И ничего — по существу.

Так было и при Пушкине. Пушкин, осознав содеянное, отрекся от своего кощунственного порношедевра, Пушкин солгал — не я. И правительство сделало вид, что поверило ему. Потому что такое было покруче всяких там «Вольностей» и даже эпиграмм на священную особу императора или всемогущественного Аракчеева. Но кто? Кто

смог в России создать гениальное кощунство, великое дьявольское творение? Только один человек в России, во всей российской истории, только один человек — Пушкин. И что же с ним теперь оставалось делать? Предать анафеме? Проклясть во веки веков? Загнать в Сибирь? Засудить?

За «распространение» (скажу советским жаргоном) судили, возникло даже дело некоего штабс-капитана Митькова, который «развращал» своих крестьян «Гавриилиадой».

А вот с автором как поступить? Потому и возник негласный сговор между Пушкиным и правительством, игра в поддавки: Пушкин — «это не я», правительство — «верим, не ты». И, возможно, было потом «чистосердечное признание» Пушкина императору, и император собственноручно наложил табу. А после этого табу, уже моральное, перешло к другим поколениям. Потому что нельзя. Писать по существу о «Гавриилиаде» — значит, не только разделять грех Пушкина, но и продолжать его. Но вот я вроде бы решился взять на себя этот тяжкий, беспримерный грех. В голове все время, как буравчик, вертелась фраза, брошенная Губером: Пушкин был близок к сатанизму. Точнее, у П. Губера в его пресловутой книге «Дон-жуанский список Пушкина» говорится так: «Порою Пушкин испытывал приступы настроения, которое трудно назвать иначе, как сатанизм». Если посчитать верным, то сразу открывается неоткрытый, опасный на все времена Пушкин.

Да, он здесь, в своей южной ссылке, солнечный, веселый, жизнелюбивый, был близок к сатанизму. И если признать это, все последующее становится понятно и логично. Все объяснимо. Почему он здесь, в Кишиневе, вступил в масоны. Это не случайно. Почему он на полях своих рукописей все время рисовал чертей, казни и пытки. Почему он подружился с Липранди. Конечно, Липранди — интереснейшая личность, оригинальнейшая, но масон, гений шпионажа, прототип двойников Достоевского. И по прихоти судьбы впоследствии именно он со своими агентами выследит петрашевцев, в том числе Достоевского, и направит великого Федора Михайловича на публичную казнь и каторгу. Правда, под конец жизни Липранди удостоился благодарности самого Льва Николаевича Толстого. Толстой использовал его исторические сочинения при работе над своей эпопеей «Война и мир». Но это уже — другая эпоха. Пушкин, видимо, чувствовал двойничество Липранди и все равно дружил с ним. Видимо, ходил тогда над бездной и отсюда — «Гавриилиада», а потом, уже в Одессе,

уроки афеизма (атеизма), о чем Александр Сергеевич писал не без гордости. Но почему же об этом все молчат? Почему не пишут, не исследуют? И выходит, о том надо говорить мне — о сатанизме Пушкина, включая его масонство.

Вот с таким непомерным грузом в душе приехал я в Молдавию. И здесь пережил перелом.

Повод к тому вроде был весьма курьезен. У меня имелся кишиневский адрес людей мне незнакомых, но к которым при случае я мог зайти. У нас были общие знакомые в Вологде, и я имел возможность в этом доме даже остановиться на ночлег. Но в ночлеге я не нуждался, у меня был номер в гостинице.

И вот, бродя по Кишиневу, как-то случайно наткнулся на дом по известному мне адресу и, хотя раньше не собирался заходить, все же зашел.

Дом был в переулке, одноэтажный, окруженный садом. Я открыл калитку и вошел в сад. И остановился, не зная, что и делать. В саду, в тени раскидистого дерева, на коврике спала девушка, сморенная, видимо, послеобеденным зноем. Она была юной, почти подросток. Солнечные пятна бродили по ней. Легкий, открытый, сбившийся купальник почти не скрывал ее юное тело, удивительно смуглое, бархатисто смуглое, нежно смуглое, матово смуглое, светящееся особым темным светом.

Я замер. Она показалась мне прекрасной. Она пошевелилась. Я попятился, боясь разбудить ее, и тихонько вышел за калитку. Все это длилось какой-то миг, но теперь все вокруг стало как-то не так...

Словно опьяненный, я шел по солнечному, буйно зеленому городу и сам себе удивлялся. Что же такое произошло? Смешно было бы думать, что это — так сказать, любовь с первого взгляда у меня, человека пожившего, с болезненными наклонностями и усталостью в душе. Я и лица по-настоящему рассмотреть не мог. И, пожалуй, не узнал бы при встрече. Помню лишь — какой-то медальон на шее. И еще удивительную смуглость кожи. И что мне эта девчонка, которую я больше никогда не встречу?

Но почудилось в ней то, что мгновенно переломило мое настроение, омыло, как летним дождем, душу. И возникла страсть, мгновенно пронзившая меня. Ее красота была как толчок. Это был мой «солнечный удар». Я пережил момент, когда прекрасное в жизни оказалось сильнее ее безобразия.

А как же «Гавриилиада», сатанизм, масоны? Как это было у Пушкина? И я усомнился. Да, все это вроде бы и

было. Но, наверное, глубоко не затронуло его душу. Кризис наступил позднее — перед дуэлью с Дантесом. А тогда это были какие-то темные моменты, которые он преодолевал легко и естественно. И мне, чтобы почувствовать это, надо было увидеть прекрасную спящую девушку в кишиневском саду.

* * *

С тех пор прошло десять лет. И, увы, что-то больное и темное стало накапливаться опять в моей душе. И может, не случайна эта встреча с масонкой и не случайно она откровенничает со мной. И мы как-то сразу сблизились с ней.

— У меня к вам предложение, — говорит она, — напишите работу о вологодском масонстве. И это будет иметь не только местное значение. А я вам помогу. У меня есть кое-какие материалы, я их вам охотно предоставлю. Я в свое время делала выписки из масонской литературы — все, что относится к Вологде. Я сама собиралась такую работу написать, но нет времени. А материалы любопытные. Согласны?

— Пожалуй, — согласился я (в душе весьма охотно).

— Вот и прекрасно. Я была уверена, что вы не откажетесь. Теперь я скажу вам о самом главном. Видите ли, сохранилось предание о вологодском масонском знаке Пушкина. Что это такое — перстень, какого-то рода талисман, знак, медальон — осталось неизвестно. Но согласно преданию, этот таинственный сувенир был доставлен в Молдавию из Вологды. Это, возможно, фамильный медальон. Но было время, когда он переходил из рук в руки. Попал в руки Непениных, а вы знаете, это очень известная в Вологде фамилия. Идет она от первого русского посла времени Ивана Грозного — вологжанина Непени. Так вот этот знак был привезен из Вологды одному из представителей рода Непениных — полковому командиру Непенину, служившему в Молдавии, в Аккермане. И когда Пушкин посетил Аккерман и побывал в гостях у Непенина, тот на время уступил Пушкину знак. И после этот знак возвратился в Вологду. Так вот, когда вы будете писать о вологодских масонах и изучать материалы о них, не только мои, но и архивные, то обращайтесь особое внимание на все сведения о разного рода талисманах, перстнях, знаках и тому подобном. А вдруг выпадает счастливый случай, и вы обнаружите что-то о масонском знаке Пушкина.

— Это невероятно, — вздохнул я. — Но...

— И пусть «но». Все равно это так интересно. К примеру, в нашем роду бытовала легенда об античном медаль-

оне. В моих материалах есть запись этой семейной легенды. Напишите все по-своему, как вам это представляется. Вы человек опытный, сами разберетесь.

— Попытаюсь. Но, Наташа, не могли бы вы мне, чтобы немного просветить, рассказать о себе в качестве масонки. И что это все означает — женщина в масонстве?

Наташа усмехнулась и с некоторой снисходительностью взглянула на меня. Но ответила уже серьезно:

— Пожалуйста. Я вам расскажу без малейшей условности. Все этим интересуются. И прежде всего в сексуальном плане. Обычно об этом я не рассказываю, но вам расскажу. Ведь вам свое повествование надо писать, и, вероятно, и об этом знать необходимо. И у меня сделаны кое-какие выписки из старых книг. В какой-то степени ответ на ваш вопрос. Послушайте.

«В ордене женского масонства будет два класса, причем каждый из них должен сформировать отдельное общество, имеющее каждое свои секреты. Первое общество будет из женщин добродетельных, второе — из красивых, легкомысленных и сладострастных... Это поможет нам узнавать через них многие секреты, найти там покровителей и дает возможность завлекать и удовлетворять братьев, падших на женщин».

— Это цитата из одной старинной масонской инструкции, — продолжала Наташа, — и это деление на две категории: «палладичек», то есть добродетельных, и «избранниц», то есть вакханок, на самом деле существует. Ведь я сама была «избранницей» и имела звание «подруга».

— А что же это такое, Наташа?

— Я вам снова прочту. Вот послушайте.

«Что касается «избранниц», то ложи их служат местом полового разврата и всевозможных излишеств. Это гарем секты... Каждая мужская ложа имеет право сформировать себе ложу «избранниц», которую и посещают. В собраниях братьев и сестер этот ритуал под названием «Таинственные увеселения» практикует свальный грех по обряду «празднеств Венеры».

А далее как раз описание того, как присваивают звание «подруга». Нечто подобное я сама испытала, когда мне такое звание присваивали.

— И что же это было?

— Значит, было примерно так. Окруженная сестрами и братьями, во всем черном, я была введена в комнату, затянутую черной материей. Окна были плотно зашторены. Темнота. Горит свеча. На столе — череп и кости. То

есть все традиционно. На плотном листе бумаги на столе крупно написано: «Преступление победит невинность». Я в душе усмехнулась по поводу моей невинности. Потом громко провозгласили: «Ева! Разденься! И будь невинна!»

Я разделась догола. И в самом деле почувствовала себя как будто Евой. Открылась дверь в другую комнату, ярко освещенную. И снова раздался громкий голос: «Ева! Войди в рай!» Я вошла в другую комнату, обтянутую зеленой материей, ярко освещенную. Здесь посреди комнаты возвышалась в кадке пальма. Такие раньше можно было часто видеть в ресторанах. На самом широком листе было положено яблоко. Сверху на листья, как гирлянда, спускался бумажный змей. Театр да и только, представляющий «рай».

Около пальмы стоял «Адам» в набедренной повязке. Разумеется, он мало чем походил на библейского Адама — с залысинами и уже круглым животом. Мне было смешно, но я сдержалась. Это был мой хороший знакомый, мое доверенное лицо по мужской ложе.

Как и положено, я взяла яблоко и накусила его...

Не буду, разумеется, обо всем рассказывать. Но через некоторое время дверь распахнулась, и громкий голос возопил: «Грехопадение свершилось!» Сестры и братья вбежали в комнату, окружили нас, еще лежащих, и все начали плевать на меня (именно на меня, на него, моего Адама, никто вроде бы не обращал внимания), осыпать бранью, проклятьями, ударами. На меня кричали: «Распутница! Соблазнительница! Сосуд греха! Мразь! Развратница!» Было весьма неприятно. Я чувствовала, что некоторые сестры входят в раж, впадают в истерику, их удары становились все сильнее, меня принялись даже пинать.

Но тут громко заговорил брат-оратор. Все уgomонились. Брат-оратор произнес речь, смысл которой сводился к тому, что грех может быть прощен, если он служит общей пользе и подчинен добродетели. Затем меня подняли на руки, поставили в большой таз и омыли теплой водой. Мне принесли черную одежду и провозгласили меня «подругой». Вот так все происходило со мной. Впрочем, наша ложа всегда была какой-то нетипичной, с некоторыми отклонениями в ритуале. Может быть. Но с тех пор моя интимная жизнь была как бы подчинена интересам ложи.

— А вы не боитесь мести за то, что рассказываете мне масонские секреты? — спрашиваю я у Наташи.

— Нет, не боюсь. Ведь, во-первых, я рассказываю свои личные секреты, и все это — мое личное дело. Во-вторых, считаю, что всякие рассказы о мести масонов — просто миф.

Как и утверждения о их могуществе. С моей точки зрения, все это — своеобразная игра, в некотором роде театр.

— Помилуйте, какой же театр! К примеру, одна из масонских лож в Италии совершила целую серию ужасных убийств. И этим преступлениями заправляли очень известные люди.

— Я — человек маленький. И от всего такого, конечно, далека. И, разумеется, — против любого убийства. Что касается могущества масонов, то, пожалуй, ничего не могу сказать.

— Как же так. Даже я кое-что слышал и узнал. К примеру, газета «Комсомольская правда» напечатала в двух номерах интервью с неким эстонцем — Гуннаром Аарма. Не читали? А я читал. И, подобно вам, выписки сделал. Так вот он — очень любопытный тип, старый аристократ, философ, экстрасенс, целитель, пианист, полиглот. Был очень богат в досоветское время, в Таллинне ему принадлежала целая улица. В своей жизни многое совершил. В молодости брал интервью у Гитлера (был допущен к нему), знал его интимные тайны, встречался с любовницей фюрера Евой Браун, дружил с женой испанского диктатора Франко, спас там во время гражданской войны знаменитого писателя Хемингуэя. Всех чудес его жизни не перечислить. Но откуда такие возможности? Сам Аарма на это отвечает так (цитирую по своей выписке): «Дело в том, что я с 1932 года — масон... После телефонного звонка из мирового масонского центра возникли почти неограниченные возможности». Что вы на это скажете?

— Я таких людей не знала. Кажется, я имела дело с совсем другими масонами. Но, признаться, вступление в ложу помогло мне: я получила приличное место в одной из фирм. Мне очень повезло. Потому я могу предположить, что возможности у масонов есть. Правда, я не делаю каких-то обобщений. Но вы будете писать свое повествование и сами во многом разберетесь.

— Постараюсь разобраться, уж сколько сумею.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

Так началась моя работа. Сначала я прочитал Наташины материалы, потом принялся штудировать литературу о масонстве.

И первая моя реакция на то, что я узнал, было удивление. И было чему удивляться.

Конечно, я прежде всего занимался, так сказать, местной темой — вологодским масонством. Но в этой местной теме, как в миниатюре, отразилось многое из истории всего масонства. И выходило за местные рамки.

Удивляло совершенно разное восприятие масонства в различные эпохи. Это и стало для меня исторической загадкой. Были периоды совершенно спокойного, почти безразличного к нему отношения. Подчас масонов воспринимали даже иронически, как своего рода чудаков, играющих в странные, несерьезные игры. Так Грибоедов, «баловавшийся» в молодости масонством, с иронией писал:

...У нас есть общество, и тайные собрания,
По четвергам. Секретнейший союз...

Или у Пушкина в «Евгении Онегине»: вместо «франк-масон» сказано не без иронии — «фармазон».

Но потом настали периоды яростной борьбы с масонами, их преследовали, запрещали, объявляли врагами общества, в них видели причину всех зол. И сегодня, начиная где-то с конца 80-х годов, наши патриоты-русофилы объявляют масонов главными врагами России. Не хочу на этом останавливаться, у меня — другая задача, так сказать, историко-литературная. Конечно, мои знания о масонстве не удовлетворят специалиста. Это — субъективный взгляд человека, стоящего над схваткой. И я привожу сведения, рассчитанные на самое общее восприятие.

Какой же мне стала представляться история масонства, когда я занялся ею. Есть точка зрения, что масонство — это вечное. И это на самом деле так, если иметь в виду вечное стремление человека к таинственному, странному, высшему и одновременно недозволенному, запредельному. А где же это начало?

В одной из популярных статей я вычитал, что прамазонство восходит еще к античным временам, к верованиям, так называемых, орфитов, тайно поклонявшихся великой Змее, богине тайн и оргий. Но, полагаю, это — легенда. Скорее всего масонские традиции складывались в средневековые в рыцарских и мистических орденах и цехах-братствах каменщиков, строителей храмов (франкмасон в переводе — вольный каменщик). А оформляется масонство как религиозно-этическое учение со своим особым ритуалом в Англии, в XVIII веке, и вскоре широко распространяется по Европе. Характеризуя его, вот что писал о масонстве крупнейший русский историк, классик нашей

историографии В.О. Ключевский: «Масонство. Принципы — просвещение и равенство. Цель — личное нравственное усовершенствование посредством добродетели ближнему. Но консперативная организация — ложа, с символическими знаками каменщиков храма Соломонова, с молотками, каменщицкими фартуками, геометрическими эмблемами и т.п.».

Знаменитый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет масонство как религиозно-общественное движение, цель которого — «нравственно облагораживать людей и объединять их на началах братской любви, равенства, взаимопомощи и верности». Задача масонов, по их утверждениям: «Сохранение и придание потомству некоторого важного таинства от самых древних веков, и даже от первого человека».

Словарь Брокгауза и Ефрона (а это солидное, уважаемое издание) считал масонство категорией исторической, характерной для прошлого, и писал о нем в 1902 году как бы в прошлом времени:

«Масоны существовали еще долгое время, особенно в провинции, где они, несомненно, приносили пользу, облагораживая нравы и содействуя просвещению». «Большая советская энциклопедия» последнего выпуска дает масонству такое определение: «Религиозно-этическое движение, возникшее в начале XVIII века в Англии и постепенно распространившееся в других странах. Масонство возникло в средневековых цехах товариществ каменщиков, строивших храмы. Здесь оберегали свои профессиональные тайны, разрабатывали свои церемониалы. Такие объединения назывались ложами. Совокупность лож в стране создавала великую ложу. Среди «вольных каменщиков» существовала разветвленная иерархия: ученик, подмастерье, мастер, великий мастер (во главе ложи), гроссмейстер (во главе великой ложи). Постепенно возник Всемирный конвент масонов, объединявший «вольных каменщиков» всего мира». БСЭ «разоблачала» масонов, но не видела в них особой опасности.

Тем удивительнее, что к концу 80-х годов в России возникает точка зрения о масонстве как о главной антирусской опасности. И дальнейшие трагические события в нашей стране, в том числе и распад СССР, объясняется прежде всего «жидомасонским» заговором. На эту тему возник целый поток соответствующей литературы. В ней масонами объявлены все демократические деятели России (разумеется, и Горбачев, и Ельцин, с точным указанием ложи и

времени вступления в нее), а также большинство интеллигентов (художники, писатели, артисты). В книге Олега Платонова масонство определяется так: «Тайное преступное общество, преследующее цели достижения мирового господства на началах иудейского учения об избранном народе... История масонства в России — это история заговора против России. Архивные данные свидетельствуют, что практически нет ни одного важного для России события, в котором масонские ордены не сыграли особую, всегда отрицательную для нее роль. Масонство было главной формой незримой духовной оккупации России».

Сознательно не хочу комментировать подобные утверждения Платонова. На мой взгляд, никакие комментарии здесь не требуются. Тем не менее некоторые фактические данные Платонова, которые считаю достоверными, использую в своем повествовании. Любопытные материалы о вологодском масонстве предоставила мне искусствовед Т. Никитина. А сведения общего характера беру из известных изданий начала века — отсюда и оценки. К примеру, в труде «Масонство в прошлом и настоящем» (под редакцией С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова, 1914 г.) говорится: «Количество масонских лож, подчиненных московской префектуре, быстро увеличивается... По подсчету Новикова, — правда, весьма неточному, — под управлением Москвы находилось в период времени от 1782 по 1786 г. всего 19 лож: в одной Москве — 13, по одной в Могилеве, Орле, Вологде, Кременчуге, Казани и Харькове».

В книге А. Н. Пыпина «Русское масонство XVIII — первой четверти XIX века» есть сведения о вологодской масонской ложе «Северная звезда», возникшей в 1783 году. Вернее, указывается, что в Румянцевском музее хранился «пергаментный патент на основание в Вологде ложи «Северная звезда» за собственноручными подписями старшего обер-маршала Петра Татищева, президента директории Николая Новикова и великого секретаря Ивана Шварца».

Видными масонами в XVIII веке и начале первой четверти XIX века были: секунд-майор, владелец нескольких вологодских усадеб П. Татищев и вологодский помещик и крупный чиновник О. Поздеев, епископ Вологодский и Устюжский (с 1814 года) Онисифор, вологодский вице-губернатор (1814—1819 гг.) поэт Н. Остолопов и другие. Известные лица в Вологде. Но начинать предстояло с Татищевых и их протее — Волоцкого. Так возникла моя первая историческая новелла в этом повествовании.

ПРОФАН ПРОХОДИТ ИСПЫТАНИЯ

В декабре 1785 года молодой вологодский дворянин Алексей Волоцкий решил вступить в тайную ложу «Северная звезда» и просил о принятии его в братство вологодских масонов. К такому решению Волоцкого привели многие обстоятельства.

Служба в канцелярии губернатора не удовлетворяла его: сослуживцы вокруг жили лишь карьерой. Жизнь в Вологде казалась скучной и однообразной. Церковная служба, по мнению Волоцкого, велась монотонно и утомительно, а местное духовенство проявляло косность и невежество. И душа хотела чего-то особенного.

Но многое в его жизни стало меняться, когда он познакомился с секунд-майором Петром Алексеевичем Татищевым, лицом чрезвычайно импозантным и высоко уважаемым в Вологде. Его можно было с полным правом назвать вельможей, поскольку отец его Алексей Данилович Татищев являл собой знаменитого вельможу елизаветинской поры. А еще раньше, именно по его проекту, чем он и прославился, в Петербурге была сыграна шутовская свадьба в «ледяном доме», полностью построенном из льда, и здесь были представлены все инородцы, входящие в Российскую империю: татары, ингуши, калмыки и другие в их национальных одеяниях.

А потом Татищев-старший в течение 15 лет возглавлял всю полицию России, являясь генерал-полицимейстером. Имел власть почти неограниченную. И владел многими землями в империи, в том числе множество деревень по Большой и Малой Ельме и в других местах Вологодской губернии.

Сын унаследовал вологодские владения отца, но не богатства привлекли к Татищеву Волоцкого. Волоцкий испытал прежде всего его мощное духовное влияние. И это привело его в ложу «Северная звезда». И вот настал знаменательный день посвящения.

* * *

В девять часов вечера посвящаемого привезли в дом Татищева. Здесь, на втором этаже, были специально оборудованы помещения ложи «Северная звезда». Волоцкого ввели в небольшую комнату без единого окна. Стены здесь были абсолютно черного цвета. На столе горела свеча и лежали человеческий череп и две скрещенные кости. «Ожидай, профан», — сказали ему и оставили одного. Он

знал, по понятиям масонов, все непосвященные считаются профанами.

На стенах было написано: «От тебя могут требовать больших жертв, даже жизни. Готов ли ты на это?» А внизу другое изречение: «Если будешь настойчив, то выйдешь из пронасти и мрака и увидишь свет».

Волоцкий знал: в соседней комнате уже собралась вся ложа. Там и высокочтимый председатель, и брат ужасов, и брат-церемониймейстер, и другие. И ему предстоят тяжкие испытания. Он чувствовал, как громко стучит его сердце.

Почти беззвучно вошел брат-церемониймейстер, весь в черном. «Встань, профан!» Он завязал глаза Волоцкому тугой повязкой и повел за собой в другую комнату. Здесь была полная тишина. Но по чуть осязатому дыханию других людей Волоцкий понял, что он перед ложей.

— Профан, — раздался голос, — ты хочешь узнать наши тайны и обрести свет?

— Хочу, — твердо ответил он.

— Ты можешь для сего пожертвовать всем, что имеешь? — опять спросил голос.

— Могу, — опять ответил он.

— Сними с руки перстень и отдай его нам.

Волоцкий вздрогнул. Этот перстень был родовой реликвией и передавался по наследству из поколения в поколение. Это было самое ценное, что он получил от покойного отца. И вот отбирают самое большое его богатство.

Помедлив, он все же снял перстень, и его прямо вырвали из рук.

— Ты колебался, профан, — прозвучал голос. — Сними фрак. Обнажи левую руку и грудь. Так. Теперь сними левый сапог и обнажи левую ногу. Так.

Он почувствовал левым обнаженным коленом укол шпаги. Затем шпага перешла на грудь и кольнула в самое сердце.

— Ты не достоин посвящения, — мрачно провозгласил голос. — Ты умрешь. Тебя мы сбросим в погреб.

Он почувствовал, как шпага опустилась. Но в этот же миг его ударили в спину, и он полетел куда-то вниз.

* * *

Но через несколько мгновений понял, что все это искусно созданная иллюзия. Нет, ни в какой погреб он не падал. Все с помощью особых приспособлений было построено так, чтобы вызвать у него иллюзию падения.

Страх в нем исчез. Волоцкий прекрасно понимал, что все это — просто испытания ему. И они еще не закончились.

Ему предстояло пройти еще тяжкие унижения. Волоцкому приказали раздеться догола, на горло повязали грубую веревку, будто собирались повесить. Затем с криком: «Не достоин! Подумай и сам откажись от посвящения!» — его выставили за дверь на холодную лестницу. Потом снова ввели в комнату и снова выставили. И это повторялось в той же последовательности еще раз. Дрожа от холода, чувствуя, что больше выдержать он уже не может, Волоцкий с горечью подумал: «А что же мой наставник, что же Петр Алексеевич Татишев? Он вроде бы нежестокий человек. Как же он мог допустить, чтобы меня подвергали таким жестокостям?»

Но тут в его сознании всплыл рассказ Татишева о том, как он стал масоном. И вспомнилось не случайно.

* * *

Как рассказывал ему Татишев, это произошло после подавления пугачевского бунта. Пришлось столкнуться тогда с такими ужасами, что душа не выдержала. В то время он входил в состав дворянского легиона, посланного для освобождения от бунтовщиков Казани. Казанский кремль тогда устоял, но город был взят, его посады и слободы оказались в руках пугачевцев. И они сожгли город, учинив дикую резню. Даже стариков и старух, даже малых дворянских детей вешали, кололи, рубили. И вызывали такую ярость в дворянском легионе, что легионеры уже не щадили среди пугачевцев никого, невзирая ни на пол, ни на возраст. И тоже вешали и рубили всех подряд. После всего виденного и перенесенного Петр Алексеевич, по его словам, жаждал душевного равновесия и внутренней опоры. Потому и стал масоном.

* * *

И Волоцкий, страдая от унижения, все же невольно подумал: сие нельзя сравнить, ибо выпавшее на его долю несравнимо. И сразу почувствовал, что испытания выдержит.

Впрочем все уже кончалось. Его впустили в помещение, сняли повязку с глаз, разрешили одеться. Встав на одно колено, Волоцкий произнес клятву: «Я клянусь и обещаю служить до конца дней моих Великому Архитектору Вселенной, любить моих братьев и помогать им всем. Я согласен, чтобы мне перерезали горло, если я когда-нибудь раскрою секреты ордена».

Потом он трижды склонял голову к обнаженному мечу. И брат-церемониймейстер провозгласил: «Во славу Вели-

кого Архитектора Вселенной встань, брат, и считай себя учеником ордена».

Волоцкий поднялся в волнении. Все окружили его, поздравляя. Ему вручили масонские символы — передник, мастерок, циркуль, символизирующие дело и мудрость и перчатки (знак чистоты рук). Затем ему раскрыли пароль ордена и объяснили некоторые тайные масонские знаки, по которым «вольные каменщики» узнают друг друга.

Распахнулись двери в соседний ярко освещенный зал. Посреди него возвышался уставленный блюдами и винными бутылками длинный стол. Начался праздничный ужин.

* * *

Написав новеллу о принятии в масонскую ложу Волоцкого, я показал написанное Наташе. И обратил ее внимание, что у Волоцкого был изъят какой-то ценный перстень. Но никаких других упоминаний об этом перстне я затем в документах не нашел. И мы с Наташей решили, что это был какой-то фамильный перстень, не имеющий отношения к масонскому знаку Пушкина.

А работа моя продолжалась, и вскоре я неожиданно вышел на знаменитое имя — Калиостро.

СЕАНС ВЕЛИКОГО КАЛИОСТРО

Волоцкий с душевным рвением включился в деятельность ложи. И жаждал не только приобщиться к великим тайнам масонства, но и внести что-то свое, новое.

Через год ему довелось присутствовать в Петербурге на сеансе так называемого египетского франкмасонства, который давал приехавший в Россию божественный Калиостро, магистр высших тайн, как он себя сам называл, прославленный по всей Европе. Вологодская ложа намеревалась пригласить графа Калиостро в Вологду, и именно Волоцкому надлежало передать ему это приглашение, тем более что было известно: великий Бальзамо собирается совершить поездку на русский Север.

Сеанс Калиостро произвел на Волоцкого огромное и тяжелое впечатление. Сначала магистр демонстрировал в графине с водой живых ангелов, служивших ему и принявших для него столь малые формы. И действительно, в графине были видны крохотные фигурки с крыльями, и они двигались в воде...

Затем на помост, затянутый голубым атласом, вышла красивая юная девушка в белом атласе, полуобнаженная.

Она опустилась на колени, Калиостро выхватил шпагу и направил ее на голову девушки, словно захотел заколоть ее. Затем громко взвыл, вызывая духов: «Полуд! Баальберит! Астарот! Абадор! Агора! Патрика! Явитесь!» Ангелы в графине исчезли. Вода в нем закипела. Девушка упала на помост. «Говори от имени духов!» — провозгласил Калиостро. Девушка завывала какими-то грубыми, дикими головами, тембр которых все время менялся. «Духи вещают: Россию ждут великие испытания и потрясения». Затем был вызван дух великой царицы — вакханки Клеопатры, которая раскрывала тайны женской души.

Когда сеанс закончился, Волоцкий в душевном смятении так и не решился подойти к Калиостро и пригласить его в Вологду. Так эта поездка и не состоялась.

А два года спустя Волоцкий узнал, что Калиостро был арестован в Риме как авантюрист, фокусник, мошенник, чернокнижник и колдун. Его приговорили к казни, замененной потом пожизненным заключением в крепости.

Масонство было питательной почвой для шарлатанства и авантюры. Правда, Калиостро был в этом смысле особой личностью, являясь великим авантюристом и великим мошенником. Но в вологодской ложе подобным не занимались. Потому Калиостро так и не приехал в Вологду.

* * *

После смерти Татищева Волоцкий на некоторое время возглавил в Вологде ложу «Северной звезды». Впрочем, будучи человеком скромным, он просил в своем послании от 19 октября 1817 года о более достойном, чем он, руководителе в Вологде.

Вологодские масоны были связаны с крупными масонскими авторитетами в Москве, в том числе с Николаем Новиковым. И о Николае Новикове — моя следующая новелла, мой следующий сюжет.

ТРАГЕДИЯ НОВИКОВА

На площади объявили казнь. Возбужденный народ, любопытствуя, сбежался. А оказалось, напрасно. Ничего интересного не было, ибо казнили книги.

Развели костер. Привезли три воза книжек. И палач охалками швырял их в пламя.

А самих масонов не казнили. Только зачитали указ государыни о запрете их вредоносных тайных обществ.

И арестов не производилось. Впрочем, был один арест. Как исключение.

...Отряд гусар прискакал в имение Авдотьино. Ворвались в усадьбу, схватили, ничего не объясняя, растерявшегося хозяина. Поволокли. Но маленькие сын и дочка арестованного вцепились в отца, не отпуская; защищали его. Детей отбросили. С тех пор они страдали нервными припадками...

А арестованного Николая Ивановича Новикова доставили тайно в Москву, затем, опять же тайно, окольными путями — в Петербург, после чего под покровом ночи, на лодке под усиленным конвоем, переправили в Шлиссельбургскую крепость. Можно было подумать, что конвоировали опаснейшего преступника, нового Пугачева, а не книжника и слабонервного умника. Но за что? В обвинении было сказано: «Замечен в гнусном расколе, корыстных обманах, в деятельности масонской»...

Последнего он не скрывал. Однако был лишь казначеем.

Но главных масонов не трогали, а Новикова, превратив в тайного государственного узника, отправили для допросов к «первому кнutoбойцу» России — знаменитому запечных дел мастеру Шешковскому.

* * *

Тайный советник Степан Иванович Шешковский встретил узника в своем кабинете приветливо и даже радушно. Ободрил несчастного арестанта, сказал, что высоко ценит его ум, знания и сочинения. Попытается во всем разобраться, несправедливости не допустит. «Да не стойте, сударь, как столб, садитесь», — Шешковский указал рукой на кресло. Ободренный Новиков сел в кресло. Шешковский нажал на ручку кресла. И сразу же две железные ручки сомкнулись, обхватив сидевшего словно обручем. Кресло провалилось в люк, который открылся в полу. Голова узника оказалась на уровне пола.

Новиков дико закричал, а Шешковский в ответ весело и сладострастно расхохотался. Он знал, что сейчас опытные руки палачей, сняв с арестованного панталоны, начнут сечь его.

Вот какое адское изобретение — садистское кресло — имелось у Шешковского. Какая улада садиста!

Впрочем, есть версия, будто однажды Шешковский сам попал в свою ловушку. Он завел якобы в свой кабинет некоего молодого человека, что-то совершившего, начал

усиленного его приглашать присесть в кресло. Но тот знал о тайном адском изобретении, и, как пишет Ф. Карабанов в «Русской старине» (1879. № 10): «...мгновенно схватил Шешковского, усадил его самого в кресло, топнул ногой и кресло с хозяином провалилось. Под полом началась работа! Шешковский кричал, но молодой человек зажимал ему рот, и крики, всегда бывавшие при таких случаях, не останавливали наказания. Когда порядочно высекли Шешковского, молодой человек бросился из комнаты и убежал домой».

Справедливость восторжествовала.

Приведу из той же «Русской старины» другую цитату — о Радищеве. «Годом раньше, чем принялись за масонов и упекли в крепость Н.И. Новикова, арестован был Александр Николаевич Радищев (тоже масон), и за свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» приговорен к смерти, замененной «путешествием в Илимский острог — на десятилетнее безысходное пребывание». При этом, поскольку в императорском указе значилось Илимский (а не Ишимский), то и во всех последующих приказах повторяли Илимский.

* * *

Но вернемся к Новикову. Почему Екатерина проявила столь исключительную жестокость к знаменитому просветителю, создателю первого книжного рынка в России, до сих пор остается тайной.

Может, это была изощренная женская месть за язвительные шпильки в адрес комедий, сочиненных драматургом-императрицей? А, может, Екатерина Великая действительно боялась, что книги, издаваемые Новиковым, дадут ему особую власть, способную соперничать с властью императрицы? Ответа нет. За что одного из умнейших людей России превратили в государственного преступника, остается неизвестным.

Его освободил из заточения при вступлении на престол лишь Павел I. Из темниц Новиков вышел «дряхл, стар, согбен». Вся его жизнь была поломана.

Во время заключения Новиков подвергался многим допросам. И давал показания.

Он и его сторонники обвинялись в магии и кабале. На что Новиков ответил: «В магии и кабале и не могли из нас никто упражняться, как то по бумагам видно: находясь в нижних только еще градусах, и мне о сих науках, кроме названия их, неизвестно».

На вопрос о масонских связях с провинцией Новиков назвал ложу в Вологде и ее участников.

Казалось бы, над вологодскими масонами нависла опасность...

ПЕРСОНАЖИ «ВОЙНЫ И МИРА»

В то время крупнейшим авторитетом среди масонов в Москве и Вологде был О.А. Поздеев.

Его помощником являлся Р.С. Степанов. Но вологжанин Поздеев был особой фигурой: «...Масоны высшего круга смотрели на него даже, как на святого. У него происходило посвящение в магистра лож, к нему за советом обращались начальники лож как теоретических, так и практических» (цитата из «Русского биографического словаря»). В «Вестнике императорского общества ревнителей истории» (1915 г.) о нем говорится так: «Во время гонений на масонов убежденные резенкрейцеры О.А. Поздеев и Р.С. Степанов помогали сохранить сочинения мистиков, чтимых братьями шведских лож, и обрядники рыцарских посвящений капитула».

Поздеев был помещиком Вологодской губернии и в 1774 году вышел в отставку с чином полковника, с 1782 по 1784 год состоял правителем канцелярии при московском градоначальнике, известном масоне графе Захаре Чернышеве, а затем жил «на воле» и почти весь досуг посвящал теософии и чернокнижию. Собрание рукописей и книг ордена по братству Златорозового Креста и других систем у него было замечательное, и масоны ездили к нему гостить и поучаться. Так, граф М.Ю. Виельгорский подолгу гостил у него не стеклянном заводе, в имении Нелюбовском Вологодской губернии.

Под портретом Поздеева есть четверостишие: «Премудрость высшая лучом его пронзила, а сила красоту в душе его вселила, с тем и в жилах льется кровь, чтоб чувствовать, писать и проливать любовь».

Между тем некоторые современники свидетельствовали о нем как о жестоком крепостнике. Он построил в своем имении в Вологодской губернии стеклянный завод, где установил изнурительные нормы для своих крепостных работников. И решительно выступал «противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы». По воле судеб вологодский масон попал на страницы великого романа Льва Толстого «Война и мир». Толстой описывает его так: «Приземистый, ширококостый, желтый,

морщинистый старик с седыми нависшими бровями над блестящими, неопределенного сероватого цвета глазами...» Его, как описано в романе, встречает в дороге Пьер Безухов. «Проезжающий был Осип Алексеевич Баздеев». Толстой, оставив полностью имя и отчество, лишь слегка изменил фамилию: Поздеева на Баздеева. Между ним и Пьером Безуховым начинается такая беседа:

«— Я очень рад познакомиться с вами, — сказал Пьер и, взглянув еще раз на руки нового знакомого, ближе рассмотрел перстень. Он увидел на нем адамову голову, знак масонства.

— Позвольте мне спросить, — сказал он, — вы масон?

— Да, я принадлежу к братству свободных каменщиков, — сказал проезжий, все глубже и глубже вглядываясь в глаза Пьеру. — И от себя, и от их имени протягиваю вам братскую руку.

— Я боюсь, — сказал Пьер...»

Вологодский масон способствует вступлению Безухова в ложу. И вот настал день его посвящения в масонство. Вы помните, как это описано в «Войне и мире»? Пьер сидит с повязкой на глазах и переживает сложные эмоции: «Но более всего ему было радостно, что наступила минута, когда он, наконец, вступит на тот путь обновления и деятельно-добродетельной жизни, о котором он мечтал со времени своей встречи с Осипом Алексеевичем. В дверь послышались сильные удары. Пьер снял повязку и оглянулся вокруг себя. В комнате было черно-темно: только в одном месте горела лампада в чем-то белом. Пьер подошел ближе и увидал, что лампада стояла на черном столе, на котором лежала одна раскрытая книга. Книга была Евангелие, то белое, в чем горела лампада, был человеческий череп со своими дырами и зубами. Прочтя первые слова Евангелия «В начале бе слово, и слово бе к Богу», Пьер обошел стол и увидал большой, наполненный чем-то и открытый ящик. Это был гроб с костями».

Разумеется, все эти страшные символы не были случайны. Человеческий череп, гроб с костями, входили в ритуалы, принятые у масонов. Лев Толстой пишет в «Войне и мире» о том, что при вступлении в ложу Пьера Безухова ему были открыты «семь добродетелей, соответствующие семи ступеням храма Соломона, которые должен был воспитывать в себе каждый масон. Добродетели эти были: 1) скромность, соблюдение тайны ордена, 2) повиновение высшим чинам ордена, 3) добронравие, 4) любовь к человечеству, 5) мужество, 6) щедрость, 7) любовь к смерти.

— В-седьмых, старайтесь, — сказал ритор, — частыми помышлениями о смерти довести себя до того, чтобы она не казалась вам более страшным врагом, но другом... который освобождает от бедственной сей жизни в трудах добродетели томившуюся душу».

Пьера Безухова, как это подробно и со знанием дела описано в «Войне и мире», спрашивали о его пороках.

«Пьер помолчал, отыскивая.

«Вино? Объедение? Праздность? Леность? Горячность? Злоба? Женщины?» — перебирал он свои пороки...

— Женщины, — сказал тихим, чуть слышным голосом Пьер».

Лев Толстой хорошо знал о том, о чем писал в своем великом романе. И в главах о масонстве видное место принадлежит известному масону, о котором уже шла речь, — вологжанину Поздееву. Именно он высказывает Пьеру и цели ордена: в хранении и познании таинств, в очищении и исправлении себя для восприятия оногo и в исправлении рода человеческого.

Обратим внимание на первый пункт — познание таинства. Что же это такое? Масоны считали, что они должны открыть мистические тайны мира, разгадать главные загадки бытия. Были среди них и те, кто искал «жизненный эликсир», продлевающий молодость и жизнь, «философский камень», создающий из простого металла золото. Впрочем, Лев Толстой описывал в «Войне и мире» масонов иного плана — прежде всего искателей внутреннего смысла, склонных к философскому поиску. Таковым был и Пьер Безухов.

Но оставим на некоторое время вымышленный образ Безухова, обратимся к реальному лицу — Н.Ф. Остолопову. Это уже другой, самостоятельный сюжет.

ЗАГАДКИ НИКОЛАЯ ОСТОЛОПОВА

Литературовед В. Кошелев пишет о нем так: «Трудно совместить эту «смешную» фамилию с его личностью. Это был один из образованнейших людей начала прошлого века, свободно владевший десятком языков, талантливый поэт, переводчик с французского, немецкого, итальянского... С портрета смотрит худощавое лицо умными недоверчивыми глазами, губы сжаты в безмолвной улыбке... Чиновник, при орденах, с белым стоячим воротничком. Человек, застегнутый на все пуговицы... Жизнь Остолопова небогата событиями. Родился он в 1782 году в Сольвычегодске в

Вологодской губернии. Окончил Горный кадетский корпус. Служил в разных ведомствах: и в коллегии иностранных дел, и в министерстве юстиции, бывал и губернским прокурором, и вице-губернатором и директором столичным театров...»

Свою вологодскую жизнь он описывал следующим образом:

А я в моей укромной хате
Приятно, хорошо живу,
Как в царской будто бы палате,
И счастья больше не зову.
Женой и сыном я люблюсь,
То с ним, то с нею поцелуюсь,
И порезвлюсь, и пошालю.

Но этот «шалун» был в Вологде (и не только в ней) крупной фигурой: губернский прокурор, а с 1814 года — вологодский вице-губернатор. Свою чиновничью карьеру совмещал с литературной и, так сказать, литературоведческой деятельностью. Писал стихи, оказал влияние на молодого П.А. Вяземского, оказавшегося в числе беженцев в 1812 году в Вологде, и усиленно работал над главным творением своей жизни — словарем древней и новой поэзии. Изданный в 1821 году этот труд имел такое название: «Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, действительным и почетным членом разных ученых обществ». В своем роде это была первая литературоведческая энциклопедия, правда, несколько отставшая от новой пушкинской поэзии.

В Вологодской областной библиотеке есть экземпляр этого издания с автографом автора, и автор подписывается так: «Статский советник и кавалер Николай Федорович Остолопов, уроженец и дворянин Вологодской губернии».

Но в жизни поэта, ученого и удачливого чиновника была своя тайная сторона. Он являлся масоном. Еще Новиков назвал на допросах имя его отца Федора Остолопова в числе известных вологодских масонов. И сын унаследовал склонность к масонству от отца.

И в его роде бы внешне столь размеренной жизни были странные, в какой-то мере необъяснимые явления. И, возможно, это как-то связано с мистической стороной его натуры, проявившейся в масонстве.

Первый таинственный знак — чудесное спасение Остолопова при нападении на него близ Череповца ватаги разбойников. Баснописец А. Измайлов, оказавшийся в это время в Вологде, описывал это так: «Н.Ф. Остоло-

пов в самый день кровопролитного Бородинского сражения 26 августа, едучи сюда из Вологды, ранен был в дороге близ Череповца весьма опасно разбойниками, которые ограбили его почти на семь тысяч рублей. Удивительно, как он остался жив, ибо по одному направлению попали ему в висок две картечи, но теперь опасность миновала...»

В тот день Остолопов оказался в руках разбойников и был совершенно беззащитен. Злоумышленники выстрелили ему в голову и уже добивали его. Но в этот странный миг что-то словно испугало их, и они бежали в страхе, оставив свою жертву.

Второй загадочный случай в жизни Остолопова: он еще в 1812 году, во время военных успехов Наполеона в его походе, с точностью предсказал дальнейшую судьбу всемогущего Бонапарта — его поражение, бегство, отречение от престола, подписанное в Фонтенбло.

П. Вяземский с изумлением свидетельствовал: «Мог ли Наполеон вообразить, что он имел в Остолопове своего злого вешего и что отречение, подписанное им в Фонтенбло в 1814 году, было еще в 1812 году дело уже порешенное губернаторским прокурором в Вологде».

Чем это объяснить? Что думает о том масонка Наташа?

Наташа объяснила все это так:

— Чудеса в жизни Остолопова, с точки зрения масона, вполне объяснимы. Он был настоящим масоном. И это было способно вызвать в нем нечто сверхъестественное. Чудесное.

МАСОНЫ И ПИСАТЕЛИ

— Вот говорят, что именно масоны стояли за спиной Дантеса и таким образом убили Пушкина. И еще: они негласно контролировали нашего земляка, поэта Батюшкова, через подчиненный им кружок «Арзамас».

— Пусть говорят, — отвечает мне Наташа. — Мало ли что скажут бредуны типа Платонова. Масонству это не мешает.

— А на вологодской почве масонство так и не прижилось.

— Пожалуй, так, — задумчиво произносит Наташа. — Еще не все потеряно. Разве вам не захотелось стать масоном?

— Мне? Разумеется, нет.

— Как же так? Разве вы не убедились, что среди масонов было так много интересных и творческих людей?

— Конечно, убедился. Для таких людей масонство, действительно, становилось своего рода творчеством. Но у меня есть мое творчество и заменить его чем-нибудь другим нельзя. Я уже не говорю о многих других причинах.

— А почему? Ведь в некотором роде масонство более значимое творчество, чем литература.

— Я бы сказал — более опасное. Ведь литература для меня — сублимация, замена реальности, которую я не люблю. А масонство может не только заменить, но и исказить реальность.

— Не согласна. Разве я, стоя перед вами — подмена, разве я — не реальность, разве я — искажение ее? Я — плоть, но я и душа. Разве я для вас не являюсь таковой?

Наш разговор принимал какой-то личный и острый характер. Я почувствовал, что меня тянет к ней. Но это допустить было нельзя, и я сказал, отведя свой взгляд от ее змеиных, притягивающих глаз:

— Для меня вы — интересный образ, Наташа.

А в ее глазах сверкнули искры гнева. Я поспешил распрощаться и отправился домой — дописывать свою рукопись.

* * *

29 мая 1820 года была упразднена вологодская ложа «Северной звезды» «по причине непроизводства в оной работ». После смерти Поздеева прекратил свою деятельность масонский центр в его усадьбе Нелюбовское. Вероятно, эта усадьба находилась где-то близ современного Харовска.

А вот весьма показательный и любопытный документ, связанный с нашим земляком, известным поэтом К. Батюшковым. Заимствую из журнала «Север» (1994. № 12).

«15 января 1823.

Я, нижеподписавшийся, объявляю, что не принадлежал и не принадлежу ни к одним ложам масонским, ниже иным тайным обществам внутри Империи или вне Ея существовать могущим, и что я и впредь принадлежать оным не буду.

Почетный Библиотекарь, надворный советник Батюшков».

А как к масонству относились другие современники Батюшкова? По мнению Платонова:

«Случайный, эпизодический характер носила причастность к масонским ложам Пушкина, Карамзина и Грибоедова».

По свидетельству друга поэта Соболевского, Пушкин относился к масонству уважительно, но постепенно стал различать «подозрительное и враждебное» в нем направление к порядкам в России. И конечно, является очевид-

ным бредом версия, будто масоны приняли участие в заговоре против великого поэта, и якобы автором анонимного пасквиля, объявлявшего Пушкина рогоносцем, являлся масон князь П. Долгоруков. Действительно этот пасквиль сыграл роковую роль в судьбе Пушкина, что привело поэта к дуэли с Дантесом и гибели. Но, как показали графологические исследования последнего времени, Долгоруков здесь ни при чем. Не его рука, не его почерк. Ныне это доказано полностью.

И такой же бред, будто масоны контролировали литературное общество «Арзамас», куда входили и Батюшков, и Жуковский, и юный Пушкин, и многие другие известные литераторы. Этого быть не могло.

Но нельзя и недооценивать масонское влияние на литературу. Даже великий Толстой провел Пьера Безухова в его исканиях через масонов. И не без масонского влияния Пьер задумал убийство Наполеона, как носителя мирового зла. Но Безухов изжил свои иллюзии. По сюжету романа Пьер постепенно отходит от масонства. И не то чтобы отвергает это, но что-то внутреннее его в масонстве не устраивает. Вологодский масон Поздеев, обрисованный в романе Толстым без малейшей симпатии, исчезает из его судьбы. Другие великие личные события обрушиваются на его судьбу: любовь к Наташе, война, плен, встреча с простым человеком, но внутренне нашедшем Бога, — Платоном Каратаевым. И вот итог: в плену он узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим.

Есть в русской литературе и довольно обширное произведение, посвященное масонству. Это роман А. Писемского «Масоны», вышедший в 1880 году. «Вольные каменщики», действующие в условиях уездного русского города, обрисованы автором с очевидной симпатией. О масонах в романе сказано так: «Они не образуют из себя ни политических, ни религиозных партий. Цель их единая: внушить людям гуманность, чтобы они за католиком, за лютеранином, за православным не забывали человека». В романе, как пишет современная «Литературная энциклопедия», «растлевающему влиянию денег противостоят лишь масоны — люди высоких духовных сил».

Тем не менее позиция А. Писемского не столь уж однозначна. В финале главный герой романа говорит о себе: «В масонстве я был дурак», — и находит свое счастье в любви и семейной жизни.

МЕДАЛЬОН С БЕСПУТНОЙ БОГИНЕЙ

— А что вы скажете о нашем семейном предании, — спрашивает меня Наташа, — о медальоне с беспутной богиней? О масонстве в литературе можно говорить очень много: тут имена и Григорьева, и Гумилева, и Вересаева, и Набокова и других. Оставим их. Так как вам показалось наше семейное предание?

— Наташа, признаюсь, я всем этим увлекся. И мне захотелось про это написать. И вот, представьте, все уже написал. Правда, по-своему. Могу показать рукопись.

— Да. Покажите. Очень интересно. Но у вас плохой почерк. Не могли бы вы мне это прочесть?

— Пожалуйста. Могу и прочесть. Только вот о масонстве почти ничего нет. Таковых сведений почти не сохранилось. Это — рассказ с отступлением в пятнадцатый век и даже античность. Имя Пушкина тоже упоминается, но один раз, и совершенно бездоказательно.

— Читайте.

И я начал читать ей только что написанное свое повествование под названием «Медальон с беспутной богиней» — о старом мастере и античной золотой богине.

* * *

Заросший шерстью,
Тряся похотливо
козлиной бородой,
Смейся, великий Пан!
Подавись
нестерпимым
смехом!
И вы, козлоногие,
поднимайте веселье,
сатиры!
Смейся весь мир!
Перед девчонкой стал
я безумен,
Стал я как
девственник, как
жалкий зеленый
мальчишка.
И без конца твержу ей —
будь чудом...

Будь чудом... Будь чудом... А что дальше? Дальше он забыл эту славную песню, которую певал бывало в молодости. А теперь начало вспомнил, а дальше — забыл... И голос уже хриплый. Охрип он, что ли? И луна сияет...

Старый мастер возвращался домой. Конечно, не следовало пить это розовое вино, которое готовит из лепестков роз его соседка Оливия — и тогда можно было уйти от соседей еще засветло. Но что сделано, то сделано. И вот теперь ему приходится возвращаться, как юному гуляке, в полночь, по темной дороге. Хорошо еще, что луна сегодня так светла. Но дорогу он знает даже с закрытыми глазами, да и дом рядом, вот только надо пройти рошу... Будь чудом... Будь чудом... И чего ему вспомнилась эта песня?

Всплеск воды... Но отчего? Снова всплеск воды... Да, да, рядом за кипарисами — озеро. Священное озеро. Но ведь в нем никто не может купаться, кроме богини. За такое святотатство богиня сразу пошлет жестокую кару. Никто из смертных не сможет и не будет купаться в этом озере... В нем купается только сама богиня, в полночь, в лунную ночь. Сейчас полночь, лунная ночь. Это она, это богиня... Да, это она — сейчас купается богиня.

Дрожь пронзила старого мастера. А если богиня увидит его сквозь листву? Что если она решит: он оказался здесь не случайно, около священного озера? Никто — даже случайно — не может увидеть божественную наготу. Актеон был превращен в оленя и растерзан псами. Горе смертному, если он оказался у священного озера, когда она, богиня, купается в нем...

Снова всплеск. Она его не видит... Надо спрятаться. Он прячется за ствол кипариса. Опять всплеск. Все равно жизнь уже прожита. И подобное уже не повторится. Он раздвигает ветви.

Богиня выходит из воды. Поворачивается. Почему-то вздымает руки... Он стоит на противоположном берегу озера, это — недалеко. Луна сияет, ее божественная девственная нагота совершенна, ослепительна... Она опускает руки и уходит в тень деревьев.

* * *

В ту ночь, придя домой, старый мастер не мог спать. Он ждал кары. Но кары не последовало. И тогда он понял: ему выпало редкостное счастье увидеть богиню нагой.

И теперь он знал, что ему делать. И он начал работу. Из золота, скопленного за всю жизнь, он отлил статуэтку нагой богини, которую он видел в ту ночь.

* * *

Он не был прославленным мастером. Правда, его изделия всегда ценились очень высоко, но когда он отлил

свою богиню, то понял — он совершил чудо: статуэтка, им отлитая, была выше всего созданного им за всю жизнь, выше его способностей и сил, что-то божественное пало на его работу... А потом пришла кара. Не напрасно он опасался случившегося. Богиня принесла ему гибель. Случайный прохожий, вольноотпущенник Курций, возвращавшийся на заре от своей подружки Лолии, привлеченный светом в окне, полюбопытствовал и заглянул в окно... Он увидел мастера, державшего в руках золотую богиню. Курций задрожал: золото. А золото ему было необходимо.

Курций нажал на дверь, дверь поддалась. За пазухой вольноотпущенника был нож... И старый мастер успел только вскрикнуть под ударом.

* * *

А в тот же вечер золотую богиню впервые увидела дочь управляющего имением шестнадцатилетняя Юлия. Золотую богиню принес ей Курций (тело убитого мастера было сброшено им в ущелье. Курций знал: мастер одинок, его хватятся не сразу, и время для того, чтобы скрыться, еще есть).

А Юлия в тот день было вся в напряжении, вот-вот что-то должно было случиться. Вот-вот... Не могло же ничего не случиться.

Вчера, когда Курций в роще пытался повалить ее на траву, она выскользнула из его потных рук и закричала в гнев, чтобы он убирался к своей толстушке Лолии. И он ушел... А она уже не находила себе места. И не потому, что жалела — он ушел, нет, уж коли познавать любовь и мужчину, то пусть это будет не потный вольноотпущенник Курций, не ему отдаст она свою девственность, во всяком случае не ему.

А когда он ушел к толстухе Лолии, она не могла успокоиться, она бесилась в своей постели и, вся дрожа, решила: буду как богиня, искупаюсь в ее озере. Почти безумная, она бежала к озеру. Вода успокоила ее. Искупавшись, она вернулась домой и уснула как мертвая. С утра она ждала: что же будет... Какой гнев найдет на нее богиня? Но время шло уже к вечеру, а ничего пока не происходило.

А вечером снова появился Курций.

— Я говорил тебе, Юлия, я не просто вольноотпущенник. Мне не верили. А я из знатного рода. Смотри, какой подарок я получил от родственников — и Курций положил перед нею золотую богиню.

Юлия ахнула. Ничего более прекрасного она никогда не видела.

— Это — тебе Юлия, — сказал Курций. Юлия смотрела на золотую богиню непонимающими глазами. Юлия не знала, что эта богиня — она сама, купающаяся в озере.

Курций повалил Юлию, и она не сопротивлялась, отдавая себя ему с брезгливостью, удивлением и радостью.

Золотая богиня с равнодушием взирала на их любовь.

И вскоре забыла о них — об обманутой Юлии и преступнике Курции.

* * *

И что стало с ними потом — ей то было совершенно безразлично, все это кончилось плохо для них. Золотая богиня поняла: она имеет какую-то тайную власть над людьми. Со временем она убеждалась в своей власти много раз и привыкла к тому. Она переходила из рук в руки: из-за нее совершались преступления, измены, покупалась и продавалась любовь, вокруг была кровь, грязь, а богиня оставалась, как прежде, чистой и прекрасной. И вот настало ужасное время, и она оказалась в городе, осажденном варварами, и они ворвались в город, охваченный пламенем, и город погиб, и вместе с ним погиб весь этот удивительный мир, которым он жил. А золотая богиня оказалась глубоко в земле и лежит там до сих пор, и теперь уже, видимо, никогда не будет найдена.

Но сохранились ее копии, миниатюрные камеи, вырезанные из камня. Ее называли беспутной богиней, потому что, как считалось, она помогала в любовных оргиях.

* * *

О многом мог бы рассказать этот медальон. Он помнит страшный день в мировой истории — 29 мая 1453 года. В тот день погибла Византия, пал великий город Константинополь. Ты знаешь, как это было? Полчища турок взяли штурмом великую христианскую столицу. Погиб, как воин, последний византийский император. Опьяненные победой азиаты резали детей, женщин, стариков, насиловали скопом знатных патрицианок, из икон разжигали костры в храмах... Немногим удалось спастись. Среди спасшихся были принцесса и ее телохранитель Фома. В нем я вижу одного из главных провозвестников масонства на Руси. Тогда это еще не называлось масонством, но это уже возникало, рождалось. Фома пытался влиять на принцессу Зою. Через несколько лет Зоя вышла замуж за московско-

го государя Ивана Третьего. Ее называли на Руси — как и тебя — София.

Она много содействовала утверждению власти московского государя, тому, что Москва стала считаться Третьим Римом, наследницей павшего Константинополя. Но когда полчища ордынского хана Ахмата двинулись на Русь, государь отправил супругу Софию в безопасное место, в наши края, в Кириллову обитель. Здесь она ожидала исхода битвы с ордынцами, понимая, что решается не только ее судьба, а судьба всего великого Московского государства. А с ней рядом был верный телохранитель Фома Зорас.

Он первый встретил гонца из Москвы, принесшего сюда, в вологодскую глушь, радостную весть: ордынцы не решились вступить в битву и отступили в степь. Москва не пала, подобно Константинополю. Мусульманская сила отступила перед христианской.

Бейте, бейте на Белоозере, колокола! Пылайте сигнальные огни! Возликуйте, люди русские! Ибо встает из тьмы новая, свободная, великая страна, вздымает только что отстроенные башни Кремля, гордые главы дивных соборов Успения и Благовещения, мудрая своими книжниками, украшенная дивными рублевскими ликами, наследница Эллады и Византии — наша родина.

В тот день на радостях София подарила Фоме эту камею с купающейся богиней. И вскоре вернулась с Белоозера в Москву. А вот Фома остался здесь, заболел, как говорит семейное предание, а излечившись, женился на белоозерке, поселился на Белоозере. Так пустил корни на вологодской земле наш род. А камья с богиней передавалась из поколения в поколение. И возможно, что создателем этого медальона был орфит. Орфиты — тайная секта, из которой потом вышло движение масонов. Они клялись великой Змее, которая при купании в священном озере превращалась в прекрасную богиню, дарящую людям таинство оргий.

И, вероятно, этот медальон попал сквозь время в руки Непениных, вернее одна из его копий. И затем связывался с именем Пушкина.

ПРОЩАНИЕ С НАТАШЕЙ

Я закончил чтение.

— И все? — спросила Наташа.

— И все, — подтвердил я. — Только прошу учесть, в моем повествовании много легендарного. Того, что относится к масонству.

— Мне все равно понравилось. Только масонский знак Пушкина мы так и не нашли.

— С самого начала это было нереально. Видимо, такого знака никогда и не существовало. Это — легенда.

— Легенда? А вот это, взгляните.

Она расстегнула верхнюю пуговицу своего халатика и извлекла небольшой медальон на цепочке. Тот самый, с купающейся беспутной богиней. Но через мгновение я уже понял — не тот, подлинным он быть никак не мог.

— Это подделка, Наташа, — сказал я. — В масонстве многое — подделка.

-- И что из того? Что дальше?

— Ничего.

— Как ничего? — Наташа обожгла меня своим змеиным взглядом. — Все равно вас влечет масонство. И хотите, тайно хотите этого. Я приобщу вас к этому. Мне даны полномочия. И вы создадите в Вологде ложу.

— И это была ваша цель?

— Да, это являлось моей целью.

Мы были в кабинете вдвоем. Воздух был пропитан ее терпкими духами. Рот ее горел розово-пунцовым огнем.

— А как же вы меня приобщите?

— А вот как.

Она распахнула халатик, обнажив свое полудетское, литое, смуглое тело. Она была совершенна. Она была той самой девушкой, которая когда-то спала в саду. Тогда она так помогла мне. А теперь...

— Наташа, вы прекрасны. Но не надо. Масоном я не буду все равно.

— Эх вы, писатель! — с презрением сказала она. — Все выдумываете, а на настоящее не способны. А вот Пушкин был способен.

УРОК ПУШКИНА

Я закончил свое повествование, когда Наташа уже уехала в Кишинев. Я часто вспоминал ее. Но эмоции в себе я заменил тяжеловесной логикой. И работой над этой повестью.

В моем повествовании получилось несколько вполне самостоятельных сюжетов. Но связанных одной общей темой — масонством. В целом же моя работа сложилась как бы в двух планах: с одной стороны, это — документальность, многие страницы исторически достоверны, основаны на исторических фактах, а с другой стороны — мифоло-

гичность, я воспроизвел легенды, предания, версии. Как уже говорилось, след «масонского знака Пушкина» нигде я так и не обнаружил.

Разумеется, меня особо интересовало все, что в масонской тематике имеет отношение к Пушкину. В этом я, конечно, опирался на имеющуюся литературу. Так в известном «Путеводителе по Пушкину» (в числе его авторов С.Бонди, Д.Благой, Ю.Тынянов, М.Цявловский, П.Щеголев — первое издание 1931 г.) говорится: «(Пушкин) состоял членом кишиневской масонской ложи «Овидий», отчасти связанной с «Союзом благоденствия». В коллективном сборнике «Здесь жил Пушкин» (Л., 1963 г.) приводятся подробные сведения о кратковременном пребывании Пушкина в масонах. В частности говорится, что в Кишиневе сохранился «дом, принадлежащий греку Михалакию Кацике. В подвале этого дома помещалась Кишиневская масонская ложа «Овидий» № 25, членами которой, в частности, состояли Пушкин, В.Ф. Раевский и Н.С. Алексеев». В кишиневском дневнике от 4 мая 1821 года поэт записал: «4 мая был я принят в масоны...» Какой характер носила ложа «Овидий» № 25. Скорее всего она была местом собраний членов кишиневской декабристской организации, решавшей здесь вопросы революционной борьбы с самодержавием. «Уже одного имени В.Ф. Раевского, — справедливо указывает В.И. Семеvский, — достаточно, чтобы быть уверенным, что в ложе «Овидия» разговаривали не об одной благотворительности». И действительно, В.Ф. Раевский, о котором говорит исследователь, считается первым декабристом в России. Безусловно, между декабризмом и масонством существовала связь. И дать этому однозначную оценку очень сложно.

Далее цитирую по указанному сборнику: «Ложа «Овидий» № 25 была одной из тех лож, которые использовались декабристами в политических целях. Не удивительно, что она вскоре была закрыта царским правительством, а вслед за ней и все ложи в России. Прав был Пушкин, когда писал В.А. Жуковскому (из Михайловского, во второй половине января 1826 года): «Я был масон в Кишиневской ложе, т.е. в той, за которую уничтожены в России все ложи». Любопытно отметить, что у Пушкина сохранились счетные книги ложи, в черных переплетах: в эти книги позже поэт записывал свои произведения.

Ложа «Овидий» просуществовала всего с 7 июля по 9 декабря 1821 года. Ее основателем был П.С. Пушин, командир бригады в Кишиневе, кстати, сосед Пушкина по

усадьбе в Псковской губернии (недалеко от Михайловского). Отношение Пушкина к П.С. Пущину было отнюдь не дружеское и не сказать чтобы уважительное. В адрес главы «Овидия» поэтом было написано весьма ироническое стихотворение.

И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа.
Ты молоток возьмешь во длань
И возвестишь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

Думается, в этом стихотворении выражено ироническое отношение поэта не только лично к Пущину, но и к масонству.

Что касается П. Пущина, то он, как говорится в «Путеводителе по Пушкину», «был уволен со службы и поселился в своем имении Псковской губернии недалеко от Михайловского П(ушкина), о котором он, может быть, мстя за насмешки поэта, распространял нелепые слухи, вызвавшие секретную командировку агента полиции».

* * *

А все-таки, ах, все-таки прочитает ли когда-нибудь мое повествование масонка Наташа? И почему я не сказал ей, что видел ее когда-то спящей в кишиневском саду? Сам того не знаю.

ОСОБНЯК ПИКОВОЙ ДАМЫ

«Надо пойти, надо, — убеждал он себя, — дабы посмотреть в глаза нового владельца особняка. Просто посмотреть. И это ему будет плата за содеянное. А если что, то и вызвать. Да, бросить вызов. Конечно, стреляться он, военный министр, с ним, разжалованным, не будет. Сие исключено. Но вызов надо бросить. И произвести фурор. Потому надо пойти к особняку».

Захар Григорьевич Чернышев вышел на улицу. Осенний вечер был редкостно теплый и сухой. Идти было приятно.

Выйдя на Гороховую, он еще издали увидел — особняк на углу сияет окнами, у подъезда — экипажи. Все верно: новый хозяин особняка принимает гостей. Что же, тем лучше...

Чернышев хотел было уже перейти улицу, но заметил у раскрытой двери кондитерской высокого старика в потертой шинели. Из-под шляпы его в беспорядке выбивались длинные волосы, какие обыкновенно носят художники. Лицо поражало своей бледностью. Старик пошатнулся...

Чернышев поспешил к нему.

— Вам плохо, сударь?

— Да, — старик ухватился за протянутую руку Захара Григорьевича. — Помогите!

Чернышев узнал в нем художника Новоселова.

* * *

В кондитерской Новоселову стало легче.

— Я так вам благодарен, граф... — заговорил он.

— Простите, сударь. Я уже не граф. Я лишен титула.

— Простите... Я не знал... Но вам так благодарен. Сердечная боль, ипохондрия... Внезапно начинается и внезапно кончается — как всегда.

На глазах у старика выступили слезы. Чернышеву стало жаль его. Он вспомнил — Новоселов вместе с папенькой служил в Кавалергардском полку и, как говорил папенька, был полковым художником. Потом его разжаловали за мелкую ошибку при оформлении полковой грамоты. Поломали судьбу.

Захар Григорьевич стал расспрашивать Новоселова о его жизни. Старик охотно, с подробностями отвечал. Чувствовалось — он давно томится одиночеством, не имея возможности поговорить с кем-то... Родом Корнилий Семенович Новоселов был из Вологды. И недавно вернулся из Вологды, где гостил у хороших знакомых. Общался с Иваном Логиновичем Линевым, автором последнего прижизненного портрета великого русского пииты Пушкина. И много мыслей и чувств вызвало у него это общение.

— А вы, сударь, — спросил Новоселов, — не в гости ли, осмелюсь спросить, направлялись? На новоселье, вероятно, к господину министру?

Чернышев горько усмехнулся...

— В гости, на новоселье...

— Разумеется... Ведь господин военный министр — ваш родственник. Я вас задерживаю, сударь?

— Ничуть. Не беспокойтесь, Корнилий Семенович. Признаться, со своим родственником, господином военным министром, я не весьма дружен. А шоколад недурен, не правда ли?

— Превосходен, сударь.

— Я, видите ли, Корнилий Семенович, более любопытствовал относительно особняка... Давно не ходил по Гороховой... Дай-ка, думаю, взгляну на особняк. Ведь прежняя его владелица, княгиня Наталья Петровна Голицына, тоже из нашего рода. В девичестве, Корнилий Семенович, ее фамилия была — Чернышева.

— Как же, как же, — подхватил Новоселов, — знаю, знаю о том, сударь. Кто же не знает о княгине Наталье Петровне? Я хотел сделать копию с ее портрета, но не смог. Страшно стало. Ведь, простите великодушно, сударь, о ней ходили престранные слухи.

— О том, что она знала тайну трех карт?

— Да-с, сударь. При всем глубочайшем уважении к покойной Наталье Петровне, я полагаю, в таком знании было нечто бесовское. И потому прельстительное и опасное для обыкновенного человека. Остерегайтесь подобного знания, сударь! Подальше от бесовского! Простите за совет, но он искренен.

— Ах, Корнилий Семенович... «Дурачься, смертный род, в луне рассудок твой». Это я из Батюшкова... Вы, конечно, правы: все тайное, лунное — прельстительно. И в этом есть нечно бесовское, вы тоже правы, да-с. Но в этом есть одна из глубинных тайн... Моя прелестная сестрица Сашенька — чистая душа, но она любила смотреть на портрет княгини в молодости и говорила: «Она — тайна. И с молодости — тайна». А она тайну трех карт получила от знаменитого алхимика Сен-Жермена в Париже.

— Господа, вы говорите о трех картах, — раздался сзади их чей-то голос. — Я знаю их тайну. И могу открыть вам ее. За умеренную плату. Совсем за умеренную.

Это произнес незнакомец, незаметно подошедший к их столу. Одетый в старый плащ, в нахлобученной на голову мятой шляпе, он имел жалкий вид, но взгляд его был гордый и странный.

— Не приставай, — сказал ему подошедший хозяин кофейни. — Ходит тут, попрошайничает. Извините, господа. А ты пошел, пошел отсюда.

— Никуда я не пойду, — произнес незнакомец. — Пока не открою тайну.

— Помешанный он, извините, сударь, — пояснил хозяин Чернышеву. — Как уволили его, так и помешался. А тебе я уже сказал — пошел вон. Пока добром говорю.

— Оставь его в покое, — сказал Чернышев. — Я с ним хочу поговорить.

— Как вам будет угодно, сударь, — хозяин отошел.

— Присядьте, — Чернышев пододвинул стул незнакомцу, тот нерешительно присел на край стула. — Откуда вы знаете о трех картах?

— Я служил у княгини Натальи Петровны Голициной, — пояснил незнакомец, — был в особняке, что напротив кофейни, привратником. О трех картах в этом доме слышан. Но вот новым хозяином дома выброшен на улицу. Заболел. Имею больную дочь, мы голодаем, сударь.

Чернышев достал несколько ассигнаций и протянул их незнакомцу. Тот с жадностью схватил деньги, вскочив в волнении со стула.

— Сударь, дозвоьте ваши ноги поцеловать. Ведь мы третий день с дочкой больной не евши.

— Нет, нет, целовать не надо. Бегите к дочери.

— Век буду Бога за вас молить! — незнакомец метнулся к двери, словно боясь, что у него отберут подаренные деньги.

— Он о трех картах забыл, бедолага, — вздохнул Новоселов, — оголодал, верно. А насчет тайны трех карт наверняка придумал...

— Понятно, что придумал, — с грустью произнес Чернышев. — А что ему еще оставалось делать? На все пойдешь из-за голода. А вот тайна трех карт, видимо, на самом деле существует. И рассказывают, Наталья Петровна знала ее.

Прихлебывая шоколад, он задумался о покойной княгине.

* * *

Наталья Петровна Голицына, урожденная Чернышева, была знаменита на всю столицу. Прожила она восемьдесят семь лет. Родившись еще в царствование Елизаветы Петровны, стала затем фрейлиной ее двора и была в последующие времена статс-дамой трех императриц. Влияние и положение ее в свете было исключительным. Все вельможи и их жены искали ее расположения. Тайком ее называли «усачка», «усатая фея», «княгиня с усами»: в преклонные годы у нее, как у мужчины, выступили жесткие черные усики.

Пушкин описал в «Пиковой даме» ее старость. В молодости она была хороша собой, но имелся нехороший слух о ней: якобы зналась с нечистой силой. И знакомство с Сен-Жерменом у нее было совсем неслучайно. В «Пиковой даме» Томский говорит, что о Сен-Жермене «рассказывают много чудесного... Он выдавал себя за Вечного жида, за изобретателя эликсира и философского камня... Бабушка его до сих пор любит без памяти». Да, так сказано в «Пиковой даме». Но, описывая в ней старую графиню, Пушкин кое-что позаимствовал и от престарелой тетушки своей жены — Ниталии Кирилловны Загряжской. О том знал весь свет.

* * *

Чернышев вернулся мыслями в действительность, и они с Новоселовым заговорили о Голицыной.

— А правда ли, сударь, — спросил Новоселов, — что у княгини была сестра... как бы это сказать... получившая прозвище, извините, Салтычиха?

— Все так, — со вздохом ответил Чернышев, — была у нее такая сестра — Дарья, ставшая знаменитой Салтычихой, главной российской изуверкой. Мне довелось знать и ее потомство — бедное дитя. Видите ли, осужденная за свои изуверства над крестьянами и посаженная в подзем-

ный каменный мешок, она изловчилась вступить в телесную связь с солдатом-инвалидом, который ей приносил еду, и родила от него ребенка. Странен, прости Господи, жесток и непонятен наш мир.

— А еще полюбопытствую, сударь, — снова спросил Новоселов, — есть ли в жизни, по вашему мнению, какой-то прообраз у главного героя «Пиковой дамы», то есть у Германна? И что, на ваш взгляд, означает сей образ?

— Насколько мне известно, — в задумчивости произнес Чернышев, — этот персонаж с профилем Наполеона и душою Мефистофеля, то есть Германн, видимо, лицо полностью вымышленное. И это самый странный (если не сказать большего) из всех пушкинских персонажей. Вроде бы он просто игрок, одержим страстью к тайне трех карт и богатству... Но, думается мне, эта одержимость отнюдь не карточная. Вернее, не только карточная. В ней есть своя глубина. За тайной трех карт кроется какая-то тайна бытия, к ней и рвется душа Германна. Причем он готов добыть ее любой ценой. Даже совершить преступление. Готов даже вступить в любовную связь со старухой. Я помню эти слова из повести. «Представиться ей, подбиться в ее милость, сделаться ее любовником...» Но ведь ей — восемьдесят семь лет! Это уже преступление всех граней и норм, это — чудовищная плата за тайну. Но страсть к тайне несоизмерима ни с чем. «Пиковая дама» как раз об этом.

— То есть вы хотите сказать, сударь, — как бы размышляя, вопрошал Новоселов, — «Пиковая дама» — это о страсти к демоническому, запретному?

— Отчасти, видимо, так, — подтвердил Чернышев. — В людях есть бесовское. И в том опасность, большая опасность. О том у Пушкина не только в «Пиковой даме». Взять хотя бы «Сказку о золотом петушке». Вроде бы безделка, сказочка, почти шутка. А становится не по себе. И страшновато становится. Потому что в ней тоже — под видом сказочки — о соблазне бесовского, магического, запретельного, к чему так тянет порой душу человеческую.

— Вы так тонко чувствуете Пушкина, сударь, — сказал Новоселов. — Видимо, вы были с ним близкими людьми.

— Пушкин — мой четвероюродный брат, — сказал Чернышев. — Понятно, мы с ним были близко знакомы. Встречались множество раз в разных обстоятельствах. Помню, в двадцать девятом году я был определен рядовым на Кавказ, и в наш Нижегородский драгунский полк прибыл Пушкин, совершавший тогда путешествие. Он пробыл с нами до окончания турецкой войны.

— Вон у вас какое родство есть, — вздохнул Новоселов, — с самим Пушкиным. — А в моем бедном роду нет никаких знаменитостей...

— Как нет? — возразил Чернышев. — А вы, Корнилий Семенович. Уверен, что, по крайней мере, потомки оценят ваше художество вполне.

— Не очень-то верится в сие, — горестно усмехнулся старик. — Однако могу сказать — прожил жизнь честно. И ничего темного, бесовского в нашем роду не бывало.

— А в нашем роду, верно, было, — задумавшись, как бы для самого себя, произнес Чернышев. — Но было и есть высокое. Вот Сашенька, та самая любимая моя сестрица, свой подвиг свершила — вслед за опальным мужем Никитою Муравьевым первой в Сибирь поехала. Нежная, поэтичная Сашенька... бедная. Но было и другое.

— На то воля Божья, — сказал Новоселов.

— На то воля наша, — убежденно произнес Чернышев. — И только наша. Все зависит от нас самих. И бесовское, темное, начинается в человеке подчас незаметно, с тех же карт. И Пушкин знал это. Чувствовал. И потому написал. По себе чувствовал...

— А ведь Пушкин был игрок, — молвил Новоселов как бы в недоумении:

— И еще какой, — подтвердил Чернышев. — Для него карты были тоже одним из бесовских наваждений. И о том писал многократно. Есть у него строки, кои он в своего «Онегина» включить потом постеснялся, но они мне известны:

Страсть к банку! ни дары свободы,
Ни Феб, ни слава, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры...

Чаще всего Пушкин проигрывал. И тогда в залог шло все. В том числе и стихи. Он ведь и две песни из «Онегина» проиграл. И ничего с собой сделать не мог. Оттого «Пиковая дама» написана с таким знанием и такой страстью. И в ней как бы предостережение: карточная игра — гибельна. Но его гибельность все же была в другом.

— Сдается мне, Пушкин знал о гибельности своей судьбы.

— Безусловно, знал, — встрепнулся Чернышев. — Ему была предсказана и погибель от своей жены, от руки так называемого «белого человека». Даже срок был предсказан. Пушкин уже не мог остановиться. Ему было суждено умереть.

— Но в чем, в чем же тогда, сударь, Промысел Божий? — почти жалобно воскликнул Новоселов. — Где справедливость Божия? Как это понять — погибает гений, в полном расцвете сил и таланта, который мог бы поразить и обогатить всю Россию, весь мир новыми творениями, способными превзойти и «Евгения Онегина», и «Пиковую даму». А его убийца, прощелыга Дантес, здравствует и процветает!

— Я отвечу вам, сударь, — внезапно изменившимся каким-то глухим голосом произнес Чернышев. — Я много думал об этом. И признаюсь, были у меня отчаянные минуты сомнения и неверия. И усомнился я в самом Промысле Божьем — есть ли он на самом деле. И может, правы афеи — нет никакого Бога, нет никакой Божьей справедливости, коли такое допускается: гений гибнет, а его убийца, прощелыга, как вы правильно изволили сказать, здравствует и процветает. Где же Божия справедливость? Но представьте себе, а что если все происходит наоборот. Не Дантес убивает Пушкина, а, напротив, Пушкин убивает Дантеса. Такое было возможно. Ведь Пушкин стрелял лучше Дантеса. Но Господь не мог допустить такого. Представьте только: Пушкин становится убийцей. Это ж — навсегда. И на все его великие сочинения падает несмываемое пятно: это сочинил убийца. Нет, лучше смерть! Потому, хотя моя мысль кажется кощунственной, я увидел в случившейся трагедии очевидный Божий Промысел: Пушкин не должен был стать убийцей, он должен был быть сам убит. Его смерть закономерна и искупительна. Не так ли, Корнилий Семенович?

— Я полностью согласен с вами, хотя мне и горько, — сказал Новоселов.

Помолчали. Пора было прощаться.

* * *

— До свидания, Корнилий Семенович! Буду рад вас видеть у себя дома, — сказал Захар Григорьевич Чернышев, усаживая Новоселова в извозчичью коляску.

— Вы теперь в гости, на новоселье, сударь? — спросил Новоселов.

— Нет, Корнилий Семенович. Раздумал. Вы были правы: подальше от бесовского!

Расставшись со стариком, Чернышев с удовлетворением подумал, что он сегодня совершил нечто доброе. И идти в особняк и вызывать на дуэль другого Чернышева не нужно.

Нет, он не испугался своей затеи, но, подумав, посчитал ее бесполезной. Он был храбрым человеком, не раз

доказавшим это на Кавказе. Однако здесь предстоял не честный бой. Драться он не будет. А смутить того, кто не имеет совести, тем более вызвать в нем раскаяние, увы, нельзя. Захар Григорьевич считал своего родственника, военного министра Чернышева, человеком без совести, почти бесом. И на то были свои основания.

Когда после заговора 14 декабря Захар Чернышев был арестован и попал в крепость, а тот, старший Чернышев, стал членом следственного комитета и главным помощником императора по следствию, в их доме возникла надежда: родственник посодействует. Но не тот оказался родственником...

Старший Чернышев сделал все, чтобы осудить младшего Чернышева, запутать и осложнить его дело. Потом уже стало ясно: старался погубить, чтобы завладеть его состоянием, наследством в двадцать тысяч душ.

Но не получилось так. Отец Захара, граф Чернышев, хлопотал, все шестеро любимых сестер хлопотали, княгиня Голицына — «усачка» — замолвила слово, и Захар Чернышев сравнительно легко отделался: за участие в заговоре — два года каторги, потом на Кавказ, под пули горцев. Был тяжело ранен в грудь на вылет, еле выжил. Потому и прощен. Другим пришлось труднее.

А старший Чернышев, бес, обласкан: вон какой особняк «Пиковой дамы» получил. И гости там у него сейчас любезные, близкие ему. Есть в них нечто бесовское, есть... Они и Пушкина опутали, погубили.

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине —

вспомнились Захару Григорьевичу строки Пушкина.

И он пошел прочь, не оглянувшись.

* * *

Особняк «Пиковой дамы» сохранился до сих пор. Правда в годы блокады Ленинграда в него попала бомба. Но ныне особняк восстановлен. И до сих пор сохранились в каминном зеркале главной лестницы круглые часы с французской надписью.

Помнится, побывав в особняке, я долго еще стоял у главного входа, и меня тянуло снова войти в него. Но казалось: вот я открою дверь, и за ней уже ничего нет, просто провал, и я провалюсь в бездну, в черноту, в космос. В космос Пушкина.

ЧТО ЗА ВЫСТРЕЛОМ В МИЛОРАДОВИЧА...

Теплоход, на котором я встретился с Милорадовичами, плыл в Череповец. Мне все безумно нравилось на этом теплоходе. Он был комфортабелен, на нем собралось так много замечательных пассажиров (о чем ниже) и в салоне был удивительный уголок, который сразу очаровал меня. Здесь на журнальном столике стояла статуэтка, копия знаменитой античной скульптуры Венеры Таврической. Богиня красоты совершенно нагая и совершенная по своим формам, которую античные авторы именовали — «золотая», «прекрасновенчанная», «сладкоумильная», «прекрасноокая». Как известно, скульптура хранится в Государственном Эрмитаже, является его гордостью.

А на стене в салоне, как раз над статуэткой Венеры, висела копия со старинной известной гравюры, изображающей Крым, а точнее Гурзуф — с видом на дом Раевских, то есть пушкинский Гурзуф, широко известный по пребыванию в Крыму молодого Пушкина. Видимо, нет нужды говорить о том, почему этот уголок в салоне так привлекал меня.

Но теперь следует объяснить, когда это и почему происходило. Стоял октябрь 1992 года. В октябре отмечался юбилей знаменитого художника В.В. Верещагина, череповчанина — 150 лет со дня рождения. Верещагинские торжества начались в Москве, в Малом театре, а на следующий день их участники: известные деятели культуры, художники, писатели, артисты, иностранные гости — были погружены на два теплохода, которые отплыли в Череповец, где с особым, истинно череповецким размахом готовился юбилейный праздник. Среди иностранных гостей, плывших на теплоходе, оказалось и семейство Милорадовичей, прибывшее из Германии.

В памяти это хорошо сохранилось. Кто-то из моих знакомых говорит мне в салоне: «Вот, обрати внимание: этот господин — Милорадович. Потомок того самого генерала Милорадовича, которого застрелил Каховский во время восстания декабристов на Сенатской площади».

Вижу — в салон входит грузный, пожилой (за шестьдесят) человек с приветливым лицом. Подхожу, представляюсь. Он охотно идет на знакомство.

— Серафим Николаевич Милорадович.

В салон входят его жена и дочка, и он знакомит нас:

— Это господин Аринин из Вологды. А это моя жена Агнес фон Хеннинг и младшая дочка Лариса.

Я первый раз в жизни вижу баронессу (к тому же — немецкую). Она в годах, радушна, немного говорит по-русски. А дочка Лариса — «очкарик», умненького вида, забавная. Как выяснилось — ей восемнадцать. Симпатичное семейство.

Начинается наша беседа. Серафим Николаевич рассказывает, что он — сын русского эмигранта, родился в Париже. Его отец Николай Леонидович — боевой офицер, участник Первой мировой войны, в Гражданскую войну сражался против красных в Добровольческой армии Деникина, затем у Врангеля. После была горькая доля эмигранта: Константинополь, Белград. Париж. По стечению судьбы его жена, княжна Ольга Юрьевна, — из рода Трубецких. А ведь 14 декабря именно Трубецкой должен был стать диктатором в случае успеха восстания декабристов, но он, как известно, не явился на Сенатскую площадь. Время примирило давних противников. Ольга Юрьевна была фрейлиной последней российской императрицы Александры Федоровны. Потом стала эмигранткой.

— Бабушка, Мария Александровна Трубецкая, урожденная Долгорукая, имела некоторые средства, — рассказывает Серафим Николаевич. — Она жила в Риме. И на ее деньги в 1948 году я уехал в США, где закончил Колумбийский университет в Нью-Йорке.

Затем Серафим Николаевич вернулся в Европу, жил во Франции, Англии, Германии (где живет с семьей и сейчас близ Мюнхена). Десять лет, с 1955 года, проработал на радиостанции «Свобода». Около восьми лет был помощником княгини З. Шаховской по выпуску в Париже известной газеты «Русская мысль». В 1979—1992 годах возглавлял в Лондоне издательство ОПИ, выпустившее около двухсот книг на русском языке.

— Мы издавали русских писателей-эмигрантов, — рассказывает Серафим Николаевич. — Религиозную, антиматериалистическую, антикоммунистическую литературу, труды Маклакова, Федотова, Святополка-Мирского и многих других. Выпустили мы даже работы марксистского историка Покровского, когда он был фактически в опале и изъят в СССР...

Наш разговор все время возвращается к графу Михаилу, самому известному из Милорадовичей. Серафим Николаевич говорит, что в их роду свято хранится память о славном потомке, имеются некоторые материалы о нем, гравюры... И, безусловно, Михаилом Милорадовичем можно гордиться.

В России в советское время о нем, собственно, не писали, только воспевался его убийца Каховский...

И у меня возникает не совсем скромное, даже дерзкое предложение. Мне уже не удержаться от него:

— Серафим Николаевич, а как вы посмотрите на то, если я предложу вам написать вместе со мной книгу о вашем предке — графе Милорадовиче. Вы будете писать по вашим семейным документам, а я, исходя из русской исторической литературы и по архивным материалам, имеющимся в России. И, по мере написания, будем соединять написанное нами в одно целое.

Предложил такое и смутился. Но Серафим Николаевич принимает мое предложение. Он согласен. У него теперь есть свободное время — он на пенсии.

Я в восторге. Я буду писать книгу вместе с потомком графа Милорадовича.

* * *

Вернувшись после верещагинских торжеств в Вологду, я с энтузиазмом берусь за работу над книгой о М.А. Милорадовиче.

Конечно, сначала читаю все, что только можно прочитать о нем в Вологодской областной библиотеке. Вхожу в его биографию. Вкратце она такова: представитель славного сербского рода, навсегда связавшего себя с Россией, герой многих военных кампаний.

Во время знаменитых Итальянского и Швейцарского походов он — генерал штаба Суворова, затем отличился уже рядом с Кутузовым в боях против Наполеона в 1805 году. В 1806 году освобождал Бухарест от турок. В кампании 1812 года командовал арьергардом после Бородина и аван-

гардом после отступления французов из Москвы. То есть отступал последним и наступал первым.

Его убийца Петр Каховский был, несомненно, смелым, решительным человеком, но являлся всего поручиком в отставке, то есть в ратных заслугах перед Отечеством и близко не мог сравниться с генералом от инфантерии, военным губернатором Петербурга (с 1818 года) Милорадовичем. Но Каховский среди декабристов выделялся крайними взглядами. Он требовал уничтожения всей династии Романовых. Это как раз то, чем «отличились» цареубийцы-большевики в 1918 году.

Каховский стрелял в Милорадовича, потому что боялся его влияния на солдат, на мятежный Московский полк. Ведь, прискакав к мятежному полку, граф закричал: «Солдаты! Кто из вас был со мной под Кульмом, Лютценом, Бауценом?». И солдаты, любившие Милорадовича, могли заколебаться. И тогда Каховский выстрелил...

Он убил 14 декабря и еще одного человека — полковника Стюрлера. Потом, как известно, Каховского повесили... Это — трагические моменты нашей истории.

Безусловно, я душой на стороне Милорадовича, а не Каховского. Но, разумеется, Каховский — тоже любопытная личность. Я читаю работу Б. Модзалевского «Роман декабриста Каховского», и она поражает мое воображение. Б. Модзалевский пишет: «Личность Каховского и его судьба — исключительная по яркости романтическая страница в декабрьской эпопее 1825 г.». Каховский, совсем еще молодой человек, был отнесен к числу самых опасных пятерых государственных преступников и приговорен к повешению. Но он — личность непонятная, неоткрытая. «Даже товарищи — декабристы — говорят о Каховском всего одну-две незначительные фразы, что он — какой-то чужой, неизвестный им человек, что он, несмотря на свою смертную запечатленность, чужд им не только нравственно, но даже, так сказать, и физически — до смешного: они не знают точно даже его имени, они путаются в нем и ошибаются» (Б. Модзалевский).

И оказывается, Петр Каховский был способен с огромной, всепоглощающей страстью, как никто, любить женщину. А получив отказ, быть безутешным, готовым на все. Не тем ли — любовной неудачей — объясняется его исключительная ярость во время восстания 14 декабря, которую он вложил и в свой роковой выстрел в Милорадовича... Не тем ли? Во всяком случае подобное можно предположить, и я высказываю свою версию.

И, конечно, работа над книгой о Милорадовиче особо привлекала меня еще и потому, что здесь была пушкинская тема. К этому времени у меня скопился обширный пушкинский материал. На протяжении многих лет я увлеченно занимался темой, которую можно назвать — Пушкин и вологжане. Хотя, разумеется, Александр Сергеевич никогда в Вологде не был, оказалось, что у него были многие знакомства с вологжанами: представителями известных местных дворянских родов, вологодскими литераторами (не говоря уже о поэте К. Батюшкове, одном из литературных учителей молодого Пушкина). И мне уже стало тесно в краеведческих рамках, у меня уже появились свои «глобальные» пушкинские версии. И вроде бы теперь появлялась возможность их высказать, ведь у Милорадовича была своя примечательная история с Пушкиным, имевшая важное значение для поэта.

Как известно, император поручил Милорадовичу изъять у Пушкина «крамольные» (т.е. свободолобивые) стихи, которые в списках расходились по всему Петербургу. Милорадович позвал к себе Пушкина и чистосердечно признался в поручении императора. И Пушкин, взволнованный поступком графа, сказал: «Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною...» И исписал целую тетрадь. Милорадович стихи прочитал, посмеялся, а на следующий день сказал царю, что стихи все — вот в тетрадке, но лучше государю их не читать, потому что он объявил от имени государя прощение Пушкину... Прямо скажем, необычный и смелый поступок.

Ведь Пушкину грозило тяжелое наказание, вплоть до ссылки на Соловки, и по сути Милорадович, видимо, спас его от этого.

Но увы! Следует признать, что Пушкин оказался все же неблагодарным по отношению к Милорадовичу, допускал язвительные реплики в его адрес, считал его подобием Скалозуба. И такое тоже было — и это не вычеркнуть из истории.

Меня это, признаться, смутило. Конечно, я продолжал относиться к Милорадовичу как к генералу-герою, но мой пыл несколько угас.

А тут еще выяснилось (из нашей переписки с Серафимов Николаевичем), что издание книги в Германии очень дорого, у С.Н. Милорадовича таких денег не было. А у

меня — тем паче. Так наша совместная работа зашла в тупик. Я попытался найти спонсоров, но уже шел российский экономический развал, и денег я не достал. И мы договорились: пока отложить работу над книгой до лучших времен — примерно на год, надеясь, что через год все изменится к лучшему. Это было наивно.

* * *

Но проделанная работа натолкнула меня на другую тему: меня заинтриговала любовная неудача Каховского, которая, как мне казалось, и привела его к выстрелу в Милорадовича. Я обратился к героине этого неудачного любовного романа Софье Михайловне Салтыковой, красивой и неглупой барышне, происходившей из именитой и, по определению Модзалевского, «оригинальной семьи», где культивировалась любовь к музам и «вольтерьянство». Софи Салтыкова сама подала любовные надежды Каховскому, а потом, испугавшись его бешеной страсти, порвала с ним, что и стало для него непереносимым ударом. Каховский даже собирался похитить ее. Не получилось...

Казни пятерых декабристов она ужаснулась, но характерно, что в письме об этом к приятельнице фамилия Каховского даже не названа. Она стала женой поэта Дельвига, он ее обожал, но его порядочность наскучила ей. Сделавшись приятельницей известной Анны Керн, «она искала пылких страстей» (Б. Модзалевский) — и охотно поддавалась искушениям пресловутого Алексея Вульфа, который описал в своем дневнике, как он соблазнял ее. Вульф просто немного времени не хватило. Он пишет в дневнике: «Я не ошибся в моем расчете: не доставало только случая (Всемогущего, которому редко добродетель или, лучше сказать, рассудок женщины противостоит), чтобы увенчать мои желания. Но неожиданно все расстроилось. Муж ее, движимый, кажется, ревностью не ко мне одному, принял поручение ехать на следствие в дальнюю губернию и через месяц нашего знакомства увез мою красавицу...» Сорвалось.

* * *

Раздумывая над поведением Софи, что, на мой взгляд, привело в какой-то мере к гибели Милорадовича и Каховского, я решил написать книгу о любовных нравах, о женщине. А тут мне довелось еще столкнуться с двумя высказываниями Льва Николаевича Толстого, которые меня озадачили и требовали своего ответа.

Первое таково: «Женщины восприимчивее мужчин, поэтому в века добродетели женщины были лучше нас. В теперешний же развратный, порочный век — они хуже нас». Второе высказывание: «Никакой род преступлений людских против нравственного закона не скрывается с такой тщательностью людьми друг перед другом, как преступления, вызываемые половой похотью; и нет преступления против нравственного закона, которое было бы так обще всем людям... и нет преступления более губительного для отдельных людей и для движения вперед всего человечества». Обратим внимание, что с «похотью» (т.е. сексом, что сегодня совсем не скрывается), Лев Толстой связывал судьбу всего человечества.

Почему Лев Толстой написал такое? Почему он считал свой век — развратным и винил в этом прежде всего женщин?

Я всегда пытался найти ответы для себя на важнейшие вопросы, исходя из классиков. Но что подсказывало время? Каким он был — наш век?

Тогда мы только что пережили один из величайших поворотов отечественной истории — августовскую революцию 1991 года, падение коммунистического строя, а затем распад великого Советского Союза. И происходила, по моему мнению, сексуальная революция, полная перемена нравов. Вот об этом я и начал писать свою новую книгу «Женщинам читать запрещено». Работая над ней, я часто вспоминал скульптуру Венеры Таврической (вернее, ее копию-статуэтку), и думал о том, что не случайно Афродита—Венера, по мифам, произошла раньше даже Зевса. Она произошла из крови чудовища Урана, попавшей в море и образовавшей пену. Из той же крови произошли безобразные гиганты и эринии. То-есть красота и безобразие, уродство, имели один источник, что весьма символично.

Первоначально моя книга предназначалась для мужского чтения — отсюда название «Женщинам читать запрещено». Но постепенно название приняло нарочитый характер. Начав с обвинения женщины, я приходил, по своему опровергая отчасти Л.Н. Толстого, в конце повествования к обратному. Книга заканчивалась словами, написанными когда-то мною в юности (пусть, наивными, пусть) к девушке:

«Ты нежная, ты бесконечно милая. Тебя нельзя обидеть, нельзя обмануть. Тебя можно лишь обожать.

Твои слезы — капли росы. Твоя улыбка — солнечный свет.

Ты — то, что украшает жизнь. Спасибо тебе, ты так много открыла для меня».

* * *

Конечно, я уделял много внимания теме Пушкин и женщины (как это понималось мною). Но что дальше? Что делать мне с накопленным многими годами пушкинским материалом? Для меня стало очевидно, что искусственно его в книгу о Милорадовиче (будь она написана) не вместить. И надо было решаться. Надо было писать о Пушкине то, что я «накопил» за десятилетия работы, к чему я пришел.

Должен сказать, чтобы быть понятным, о некоторой своей творческой способности (простите за нескромность) — я способен, обращаясь даже к известным фактам, в какой-то мере открывать что-то новое, порождать новый подход к ним. Это было замечено, когда я был еще студентом Московского историко-архивного института, мне предлагали идти в науку. Но меня влекла литература. Именно литература позволяла соединить точные факты и интуицию (иногда даже фантазию), фактическое исследование и психологизм. Так и создавались мои книги, изданные «Современником». В них немало моих версий (с ними можно не соглашаться, но все они основаны на фактах) о тайнах русской истории и литературы и тайнах великих личностей. Это — главная тема моей трилогии: «Неразгаданные тайны Пушкина», «Только в любви...» и «Женщине запрещено». Это — большой труд, основанный на материалах о связях русских классиков с Вологдой и Севером. И не только классиков литературы, ведь человек так различен, так многогранен.

* * *

Конечно, мне жаль, что я не написал книгу о Милорадовиче. Но встреча с Милорадовичем имела для меня большое значение. Она послужила толчком (пусть случайным) для написания моих других книг.

СПОР

Что случилось с Россией? Почему ей выпало столько трагедий, которые как бы сливаются в XX веке в одну нескончаемую национальную трагедию, приведшую великую страну к кризису и упадку? Кто виноват в этом?

Мой земляк, писатель-вологжанин Варлам Шаламов, среди виновников видел и всю русскую классическую литературу. Поистине она — великая литература, но, по мнению Шаламова, насквозь мифологична, назидательна, иллюзорна и потому, при всем благородстве своих идей и великолепии художественного творчества, все равно в конечном итоге губительно воздействовала на общественное сознание нации. Так ли это? Во всяком случае Шаламов, прошедший ад сталинских репрессий, выстрадал свою точку зрения, хотя в душе так не хочется с ним соглашаться. Но тем не менее на примере знаменитой вологодской ссылки и некоторых других фактов документально попытаюсь коснуться этой проблемы.

* * *

Начну с фарсового факта. 9 февраля 1912 года находившийся в Вологде ссыльный Иосиф Джугашвили *«скрылся из г. Вологды неизвестно куда»* (цитата из документа Вологодского жандармского управления). Уже в советское время его квартирная хозяйка М.К.Гаврилова вспоминала об этом так (цитирую документ из бывшего Вологодского областного партархива):

«В день побега Джугашвили вернулся домой в 11 часов вечера и сразу же собрался уходить... Уходя, Иосиф Виссарионович попрощался и попросил запереть за ним двери. А я заметила, что он держит в руках свою подушку, завернутую в одеяло, и сразу обо всем догадалась. Я спросила у него: «Вы что, уезжаете совсем?» После некоторого раздумья он ответил: «Да». После моего замечания, что я должна об этом заявить в полицию, Джугашвили спросил: «Когда вы думаете заявить в полицию?» Я ответила: «Завтра». Немно-

го помолчав, Иосиф Виссарионович сказал уже с порога: «Завтра? Ну что же, заявляйте завтра». И вышел на улицу».

Можно представить, что это был за побег. Государственный преступник Джугашвили забрал одеяло и подушку, затем вышел на улицу и «под жесточайшим надзором царских шпииков»¹ уехал в ночном поезде.

Спустя многие годы, представив себе Сталина с подушкой и одеялом, я могу только посмеяться над этим. Даже трагедия может включать в себя что-то комическое и фарсовое.

Я, разумеется, не отрицаю, что Сталин был великим человеком. В том числе и великим политиком. Мне чужда политика. Но разве можно назвать только политикой то, что было создано в нашей стране Иосифом Сталиным? Разумеется, нет. Ведь в сталинщине таится безусловная тайна, и вряд ли возможно ее раскрыть и объяснить до конца: как и почему во имя счастья человечества был создан строй, в котором его создателю, хотевшему в молодости стать священником, а ставшему величайшим кровавым диктатором, все было дозволено.

Вологда сохранила о Сталине документы, которые, в некотором роде, можно считать уникальными. Это прежде всего материалы, так сказать, бытового и личного характера (отношения с женщинами). Подобные документы в архивах других городов отсутствуют, они были, видимо, сознательно уничтожены. А в провинциальной Вологде сохранились. И они являются примечательными «штрихами» к портрету загадочной личности Сталина. Перед нами как бы оживает облик молодого грузина Джугашвили. И открывается подчас как бы в неожиданном плане.

К примеру, выясняется, что молодой Джугашвили был большой шутник и чудака. Вологжанка Галина Николаевна Фомина, мама которой в молодости встречалась в Вологде с Джугашвили, в беседе со мной рассказывала:

— Мама вспоминала, что он был интересный собеседник, многое знал. Очень большой шутник. Он подарил маме книгу по истории литературы с надписью на титульном листе: «Умной скверной Поле от чудака Иосифа». Чем объяснить эту надпись? Он не любил, когда ему возражали. А мама на все имела свое мнение. И она на все возражала ему. Он сердился: «Поля, я вас старше, а вы со мной спорите». Мама переводила все это в шутку. И он подхватывал. Скажет что-нибудь смешное, а мама засмеется и говорит: «Вы чудака, Иосиф». И он охотно согла-

¹ Так писали в литературе сталинской поры.

шался: «Я — Иосиф-чудак. И я — поэт, пишу стихи». И читал стихи наизусть.

А потом, в сталинское время, жизнь матери Галины Николаевны сложилась трагично: был репрессирован муж, семья подверглась гонениям. И потому Галина Николаевна добавляет: «Когда Сталин умер, у нас на работе женщины плакали. И я вместе с ними. Такая была обстановка. Пришла домой и говорю маме: «Я ревела». А мама мне ответила: «А я не ревела». И этим было многое сказано.

* * *

Но обращусь к событиям начала века. До ссылки Сталина в Вологодскую губернию остается еще примерно десять лет. А в Вологде собралась «могучая кучка» философов и писателей. И идет глобальный спор...

Ссылная Вологда — в некотором роде явление особое, почти уникальное. «Нет в русском освободительном движении сколько-нибудь значительного деятеля, который бы не побывал в Вологде, хотя бы на три месяца... — так писал В.Т.Шаламов. — Много столетий этот город — место ссылки или кандалный транзит для многих деятелей сопротивления — от Аввакума до Савинкова, от Сильвестра до Бердяева, от дочери фельдмаршала Шереметева до Марии Ульяновой, от Надеждина до Лаврова, от Германа Лопатина до Луначарского».

О Вологде вспоминало множество политссылных. И, надо подчеркнуть, что вспоминали ее с теплым чувством: «Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся», — так писал А.М.Ремизов в автобиографической повести «Иверень».

Вологда, с ее размеренностью, спокойствием провинциального быта, была приятна для жизни, но главное заключалось в том, что здесь, благодаря ссылным, сложилась особого рода интенсивная и насыщенная интеллектуальная жизнь.

В начале века здесь можно было обнаружить «могучую кучку» интеллектуалов, которые в своих идейных спорах по существу касались самых важных вопросов истории и человеческого бытия. Николай Бердяев в «Самопознании» писал: «В Вологде в эти годы были в ссылке люди, ставшие потом известными: А.М.Ремизов, П.Е.Щеголев, Б.В.Савинков, Б.А.Кистяковский, приехавший за ссылкой женой; датчанин Маделунг, впоследствии ставший известным датским писателем, в то время представитель масляной фирмы; А.А.Богданов, марксистский философ, и Л.В.Луначарский, приехавший немного позже меня...»

И вскоре в России узнали о глобальном идейном споре, который развернулся в Вологде и свелся при всем своем многогетемье к вселенскому вопросу о свободе и несвободе человека, то есть о иррациональном, божественном творчестве или о подчиненности объективным закономерностям экономики и истории. Выразителем первой точки зрения был Бердяев, второй — Луначарский, Богданов и Савинков. И по существу этим спором была беременна вся страна.

В Вологде он возник с появлением здесь Бердяева. Как это было?

* * *

По материалам Вологодского облгосархива: 9 мая 1900 года в Вологде появляется молодой ссыльный Н.А. Бердяев, бывший студент Киевского университета, человек аристократического происхождения, причастный к социал-демократическому движению. Он быстро становится идейным лидером среди политссыльных, так как резко выделяется среди них глубиной знаний и оригинальностью мысли. Но в это время у молодого Бердяева, по его словам, «начался коренной переворот»: он отходит от социал-демократии и постепенно погружается в создание своей философской системы, в которой главные идеи — свобода, творчество и Бог. Против Бердяева резко выступают Луначарский, Богданов, Савинков.

А.В. Луначарский вспоминал об этом так: «На первом плане блистал Николай Александрович Бердяев, только еще начавший переходить от идеалистически окрашенного марксизма к сумеркам мистики, из которых нырнул прямо в ночь философии интерпретированного православия.

Мне пришлось с первых же рефератов выступить со всей резкостью именно против Бердяева. Сколько могу помнить, успех мой был очень велик, и влияние Бердяева в нашей среде чрезвычайно ослабло».

Все это можно дополнить и воспоминаниями А.Богданова, который полагал, что Луначарский в Вологде одержал над Бердяевым полную победу. Лишь Ремизов поддержал тогда Бердяева.

Этот идейный спор обеспокоил даже жандармерию. Сохранился архивный документ об этом — запрос Департамента полиции в Вологду:

«В Департамент полиции получены указания, что в Вологде существует как бы целая колония неблагонадежных лиц, среди коих имеются не только люди дела, много работавшие на революционной почве, рецидивисты, но и теоретики, пре-

красно знакомые со всеми современными течениями в Западной Европе. На собраниях этих неблагонадежных лиц весьма часто читаются А.Богдановым (Малиновским), Бердяевым и др. рефераты, возбуждающие интересные прения со стороны представителей разных революционных направлений».

Департамент полиции потребовал от вологодских жандармов выяснить, что же происходит в Вологде.

Об идейных баталиях в Вологде узнал и Ленин. Он писал в начале 1902 года: «Из Вологды (где сидит Бердяев и Богданов) сообщают, что ссыльные там усердно спорят о философии».

Никто из участников спора не подозревал, да и не мог подозревать, как много все это значит для их личных судеб, для выбора места в грандиозных событиях, вскоре развернувшихся.

Луначарский, как известно, впоследствии все более склонялся к большевизму, вошел в первое советское правительство и много сделал для подчинения философии, литературы и искусства «классовым интересам пролетариата». Но до конца жизни он сохранял некоторые гуманистические «колебания», и возможно, что только естественная кончина позволила ему избежать сталинской расправы в период «большого террора», когда уничтожалась старая большевистская гвардия.

Достойнейшую жизнь прожил Николай Александрович Бердяев, абсолютный противник всякого тоталитаризма, будь то сталинизм или фашизм. Бердяев мог быть расстрелян, как Гумилев, уничтожен, как Флоренский и многие другие, однако Дзержинский, лично допросив, приказал отпустить его. И Бердяев вместе со многими другими нашими интеллектуалами был выслан на Запад и стал одним из крупнейших мыслителей XX века. Он умер в 1948 году за работой, за письменным столом... Именно им, русским мыслителем, создана глубинная философия свободы, равной которой нет.

Свобода как высший метафизический принцип — вот суть философии Бердяева при всех его личных колебаниях и изменениях. Он полагал, что свобода не подчиняется не только естественно-историческим силам, но даже и Богу. Это нельзя назвать богоборчеством, так как Бердяев считал себя христианином, а свою философию христианской. Бог, по его понятиям, властен над всем, что есть, но свобода рождается из бездны, которая глубже бытия. Вот почему свобода не подвластна Богу, она — абсолютна и является самым нормальным и естественным свойством каждого человека и общества в целом. Философ считал,

что социальная революция ничто, по сравнению с революцией духа. И только та революция оправдана, которая служит свободе и творчеству человека.

* * *

Но, при всей своей внутренней симпатии к Бердяеву и другим русским философам-идеалистам, а также писателям-идеалистам, я вынужден считать: то, что они предлагали в эти переломные, кризисные времена для России — было иллюзорно, теоретично, слишком далеко от жизни.

Вот, к примеру, великий Лев Толстой. На мой взгляд, он даже более точно, чем Достоевский в «Бесах», предсказал в романе «Воскресение» появление Сталина в образе Новодворова:

«Вся революционная деятельность Новодворова...представлялась...основанной только на тщеславии, желании первенствовать перед людьми... Благодаря отсутствию в его характере свойств нравственных и эстетических, которые вызывают сомнения и колебания, он очень скоро занял в революционном мире удовлетворяющее его самолюбие положение руководителя партии. Раз избрав направление, он уже никогда не сомневался и не колебался и потому был уверен, что никогда не ошибался... Он относился хорошо только к людям, преклонявшимся перед ним...»

Кажется, что Толстой заглянул в будущее.

Но что же Толстой противопоставлял этому кошмару, который виделся ему? Нравственное самоусовершенствование, богоискательство...

Потому так легко идейно побеждали в России и Ленин, и затем Сталин, которые тоже несли с собой мифы и иллюзии, но упрощенные, казавшиеся реальными.

А итог? Великое бедствие нации. Вологодская ссылка во времена правления Сталина — это ад. Все вологодские храмы были превращены в застенки, где погибли тысячи ссыльных, раскулаченных. Прежде всего — дети, старики, женщины. Их косили тиф и голод. А вот краткая выдержка из бесконечного списка расстрелянных в Вологде 21 декабря 1937 года, в день рождения Сталина. Так сказать, подарок ко дню рождения вождя-людоеда. Итак, расстреляны:

Чапурский Николай Христофорович, 1874 года рождения, бывший дьякон, беспартийный;

Горин Николай Дмитриевич, 1874 года рождения, кровельщик, беспартийный;

Шушнин Василий Михайлович, 1871 года рождения, плотник, беспартийный;

Воронин Василий Степанович, 1875 года рождения, столяр, беспартийный;

Глаголев Сергей Сергеевич, 1865 года рождения, без определенных занятий, беспартийный.

Обратите внимание — расстреливали пожилых людей: столяр Воронин расстрелян в 62 года, дьякон Чапурский — в 63 года, плотник Шушнин — в 66 лет.

А вот список расстрелянных женщин, бывших жительниц Кириллова:

Сибирякова Клавдия Петровна, 1882 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Юкалова Анна Ефимовна, 1876 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Егорова Анна Арефьевна, 1886 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Бочина Агния Ильинична, 1886 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Дичина Евдокия Тимофеевна, 1888 года рождения, проживала в Кириллова, беспартийная.

Все эти несчастные кирилловские женщины, домохозяйки в возрасте от 49 лет (Е.Т. Дичина) до 61 года (А.С. Юкалова), осуждены «тройкой» НКВД Ленинградской области 22 октября 1937 года и в тот же день расстреляны. Чудовищно!

Кто виноват в этой беспримерной трагедии? Один Сталин? Нет, конечно. Какую-то долю вины должна, в раскаянии, принять на себя и наша литература. Так считает Шаламов.

* * *

Вот еще один трагический пример — судьба выдающегося поэта, тоже моего земляка, Николая Клюева. Ведь он с энтузиазмом воспринял революцию. У него можно найти стихотворные строки, воспевающие красный террор.

Убийца красный —
Святой потира...

Потом сам оказался в сибирской ссылке и в отчаянии писал: «Признаю и преклоняюсь перед Советовластием как единственной формой государственного устройства, оправданной историей и прогрессом человечества!

...Признаю и преклоняюсь перед партией, всеми ее директивами и бессмертными трудами!

Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина!» Невозможно осудить Клюева за подобные признания, ибо пожилкой, больной человек был

замучан, истерзан, оказался сломленным. Однако когда он был арестован вновь и подвергся смертельной уже опасности, то проявил твердость духа и мужество и никакой вины за собой не признал.

Незадолго до ареста, больной, голодный, поэт писал о себе:

Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домово́й о́граде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб, Христа ради!

9 октября 1937 года Ключеву было предъявлено «обвинение». Его объявили «активным сектантским идеологом повстанческой организации — Союз спасения России». Таковой организации на самом деле не существовало, но это не имело для местных подручных Ежова никакого значения. «К чести Николая Алексеевича, виновным он себя не признал. Более того, когда в конце допроса ему был задан вопрос о том, что он может правдиво сообщить об организации (читай: кого он может оболгать и оклеветать), Ключев отказался от дальнейших показаний. В тот же день ему было объявлено о завершении следствия, а 13 октября 1937 года «тройка» управления НКВД вынесла постановление о расстреле Ключева...» (цитата из томской газеты «Красное знамя» от 17 февраля 1989 года).

Страшной ценой — мучительной смертью — заплатил Николай Ключев за свои иллюзии. Больно за него...

* * *

С тех пор прошли многие годы. Избавилась ли Россия от иллюзий и мифов, избавилась ли от них наша литература?

Спор в России продолжается, еще продолжается... А я вспоминаю поезд...

...И до сих пор мне снятся эти поезда.

Я — мальчик, живу на маленькой станции. Как и все дети той далекой послевоенной поры, я часто повторяю крылатую фразу: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство...»

Детство у меня, как и у всех других ребят, полуголодное: мы после уроков стоим в очередях за хлебом, крупой, какими-то еще скудными продуктами. У меня есть мечта: один раз досыта наесться белого хлеба. Белый хлеб — лакомство. Но мы тем не менее верим, что у нас счастливое детство. Об этом нам постоянно говорят в школе, пишут газеты.

Правда, я краем уха слышал — на востоке, за нашей

станцией, есть какие-то лагеря, поселения... Это мне непонятно. Но вот поезда, состоящие из теплушек, на окнах — решетки, я вижу почти каждый день. Движущиеся тюрьмы.

Насколько я теперь понимаю, наша станция была одной из этапных. В больших городах такие поезда никогда не стояли. А на нашей станции Абдулино они останавливались, здесь проводилась проверка, выдавалась еда, по теплушкам разносился кипяток.

Вот прибывший состав останавливается. Поочередно к каждой теплушке подходит конвой, несколько солдат с автоматами и овчарками. Распахиваются двери. Конвой поднимает автоматы, и переполненное чрево теплушки являет спертое человеческое месиво. Клубок тел — мужчины, женщины, старики, иногда дети. Начинается проверка... Кто эти люди? Что они совершили?

Мы, взрослые и дети, смотрим молча на все это. Я ничего не понимаю. И взрослые мне ничего не могут ответить. Происходит что-то чудовищное и потому непонятное.

А ведь с автоматами в руках — это наши советские солдаты. Как и все мальчишки, я горжусь советскими солдатами. Все вокруг постоянно — и дома, и в школе, везде — еще говорят о Великой прошедшей войне. О Великой Победе. Все гордятся нашей славной Армией. И живут надеждами. Даже мы, дети, чувствуем, какой подъем царит вокруг. Столько перенесено, столько пережито. И взрослые, и дети ждут перемен, верят в завтрашний день. Но что же происходит?

...Выносят из теплушек умерших, лают овчарки, на сгрудившихся возле дверей людей нацелены автоматы. Страдание к этим несчастным заполняет мое детское сердце, и я начинаю плакать.

До сих пор сняты мне эти поезда...

Повторюсь: Сталин создал величайшую в русской истории державу, подчинившую себе полмира. Но в чудовищных репрессиях Сталина, в кошмарных проявлениях сталинщины, которые повторились в других странах (в первую очередь в Китае, привели к полпотовскому геноциду в Камбодже), есть тайна. Логически никто в мире это еще не объяснил. И, возможно, не объяснит.

И в том, что русские гении, в первую очередь философы и писатели, не смогли создать нечто реально противостоящее надвигавшейся сталинщине, тоже есть своя тайна.

Но в гибели великой сталинской страны, в гибели СССР (что мы так больно переживаем) своя закономерность. А нам остается лишь в литературе продолжить спор...

ПОСЛЫ В ВОЛОГДЕ

Возможны ли были Соединенные Штаты Америки и России — СШАР? Был ли заговор послов в Вологде? Зачем приезжала в Вологду знаменитая «железная женщина»?

ПРОЛОГ

Город жил странной, неестественной жизнью, которая, очень возможно, уже не повторится в двадцатом столетии.

Михаил Булгаков «Белая гвардия»

Что же было? Закрываю глаза и вижу: уставшее, напряженное лицо американского посла Фрэнсиса и он говорит, что перед своим приездом в Вологду совершенно ничего не знал о ней, но Вологда и вологжане ему очень нравятся, и они, американцы, сюда еще вернутся. И молодой, модно одетый человек идет по Вологде — это личный посланник Ленина. Зачем он приезжал в наш город, кто он — осталось неизвестно. И в подвале ЧК расстреливают офицеров, объявленных участниками заговора, подготовленного западными дипломатами. А во французском посольстве сегодня — очередной прием, и приглашены на него многие видные вологжане. А в Клубе общества приказчиков проходят выборы королевы красоты Вологды.

Что же это было? Слова Булгакова о «странной, неестественной» жизни относятся к Киеву 1918 года. Но то же самое можно повторить о Вологде. Возьму на себя смелость добавить: та жизнь, что была в Вологде в 1918 году, с конца февраля по август, не повторится ни в каком подобии уже никогда. Это — особый период в истории города. Посольства и миссии США, Англии, Франции, Китая, Бразилии, Японии и многих других стран переехали из

Петрограда в Вологду. По выражению Фрэнсиса, Вологда стала «дипломатической столицей России».

Правда внешне никаких особенных и невероятных событий в городе за эти полгода не произошло. Но возникла другая, закулисная жизнь, незаметная для обывателя, однако насыщенная до предела сложной дипломатией, тайной схваткой разведок, напряженной психологией множества лиц, в том числе и очень известных. Сталкиваешься с именами Ленина, Чичерина, Кедрова, Троцкого, Бориса Савинкова, американцев — Фрэнсиса, Робинса, англичан — Локкарта, Рейли, француза Нуланса и многих других.

Но разве об этом не писалось? Писалось, конечно. В московских изданиях и местных. До настоящего времени существовала и существует внушенная нам всем застывшая схема «заговора послов»: мол, приехали в Вологду, устроили заговор, были разоблачены и потерпели поражение. И это считалось аксиомой, и все, что не входило в нее, — просто отбрасывалось. И потому все работы о послах в Вологде писались уже с заранее готовой установкой и готовыми выводами, без всякой попытки критического анализа.

Послы Антанты в Вологде засели
Гнездом убийц. Попробуй докажи,
В каких местах чрез месяц иль неделю
По их указке вспыхнут мятежи...

Это — из стихов А. Безыменского. Но подобная точка зрения присутствует и в солидных исторических работах. В «Истории дипломатии», например, говорится: «Дипломаты превращались в заговорщиков», и далее про Вологду сказано: «Здесь намечался центр мятежа». Итак, Вологда — центр мятежа и заговора?

Но американский посол Фрэнсис, вернувшись в США, категорически отрицал наличие какого-либо «заговора послов» в Вологде (и не он один). Это расценивалось лишь как пропагандистская точка зрения классового врага, не более того...

Но что же было на самом деле? Существовал ли действительно «заговор послов» в Вологде? И что означает в историческом плане краткий период пребывания западных послов в этом городе? Чтобы ответить на это, разумеется, надо располагать документами столичных и западных архивов. Я располагаю только вологодскими материалами — архивными документами, сообщениями из газет 1918 года, воспоминаниями некоторых очевидцев событий. И, безус-

ловно, совершенно не претендую на какую-то обобщающую картину. Но тем не менее вологодские материалы могут, на мой взгляд, внести в эту картину какие-то новые, неожиданные штрихи. Более того, они позволяют на некоторые вроде бы известные факты взглянуть по-новому. Во всяком случае для меня что-то при работе над этой темой стало открытием. Итак...

ПОЧЕМУ — В ВОЛОГДУ?

Телеграфное сообщение: «Петроград, 23 февраля. Сегодня в два часа дня с экстренным поездом отбывают внутрь России японское и американское посольства, китайская, сиамская и бразильские миссии — в составе ста пятидесяти человек. Послы и состав посольств направляются в Вятку и Вологду...»

Никакого политического значения отъезд послов не имеет и вызывается, по их словам, исключительно соображениями стратегическими, то есть попросту опасением немецкого нашествия.

Нет, до Вятки послы не доедут, все останутся в Вологде. Инициатор переезда в Вологду — американский посол Дэвид Фрэнсис. Он — дуайен, то есть старейшина дипломатического корпуса, лицо среди дипломатов перво-степенное. В начале 1917 года пытался вместе с другими дипломатами и некоторыми представителями императорского двора отстранить теряющего власть Николая II, чтобы предотвратить революцию. К большевикам относился враждебно, но дипломатично, внешне этой враждебности стремился не проявлять.

Он нередко представлял в собственном лице весь дипломатический корпус. С Лениным встречался всего один раз. Пытался первоначально всячески бороться за продолжение войны России с Германией. Советско-германские переговоры о мире привели его в неистовство. Горячо настаивал на интервенции в Россию, потом остыл; при всем своем антибольшевизме начинал искать компромиссы. Не случайно, видимо, впоследствии отчитывался перед комиссией сената, заподозрившей — не было ли у него большевистских симпатий. Таковых, разумеется, не было. О Вологде и вологжане неоднократно высказывался с личной симпатией.

Полного единства взглядов о положении в России, кажется, среди американцев не было. Среди них, к примеру, находился и полковник Реймонд Робинс, начальник

американского Красного Креста в России, человек глубоко заинтересовавшийся большевиками. Нина Берберова в своей книге «Железная женщина» (к Р. Робинсу я буду еще обращаться) пишет о нем так: «Он в первые же недели стал бывать у Ленина, обедать с Троцким, но не только чтобы слушать их — он давал им советы, спорил, совершенно по-домашнему, как могут это делать только американцы».

Приехав в Вологду, Робинс немедленно, «в 2 часа 45 минут пополудни», послал телеграмму Ленину, запрашивая, как идут переговоры советского правительства с немцами о мире, и задав еще множество вопросов.

Ленин в Вологду ответил Робинсу так: «Перёмирие еще не подписано. Положение без перемен. На остальные вопросы Вам ответит Петров из Наркоминдела. *Ленин*».

Впоследствии Робинс также будет вызван в комиссию сената, чтобы дать показания — не имел ли большевистских симпатий. Робинс имел.

На комиссии он дал свой ответ, почему Фрэнсис и другие послы решили ехать в Вологду.

Отметив, что Вологда обладала удобством связей с англичанами в Мурманске (телеграф с Архангельском, радиосвязь с Мурманском), Робинс подчеркнул, что «тщательным образом разведав», американское посольство пришло к выводу о том, что в Вологде «народные выступления и влияние революции были незначительны».

И, разумеется, переезд в Вологду своего рода демарш, нежелание признать советское правительство, хотя неофициально отношения между сторонами вполне поддерживались.

ФРЭНСИС: «Я ОЧЕНЬ БЛАГОДАРЕН»

Газета «Вологодский листок», 26 февраля: «Городской голова А.А. Александров и его товарищ П.Ю. Зубов, явившиеся с визитом, были приняты посланниками в одном из вагонов. Беседа носила оживленный характер... Вчера послы познакомились в городом. По сообщению сопровождавших их лиц, Вологда произвела на послов довольно приятное впечатление своим спокойствием и добродушием жителей, что резко чувствуется после нервного Петрограда. Американский посол обратил внимание на большое количество церквей.

Французская миссия, прибывающая 28 февраля, предполагает поселиться в доме И.Я. Клушина по Никольской ули-

це. Городская управа озабочена приисканием помещений для других миссий, которые разместились пока в вагонах».

Через некоторое время в той же газете: «Наш сотрудник посетил 28 февраля (13 марта) на ст. Вологда американское посольство и интервьюировал старейшину дипломатического корпуса, посла Соединенных Штатов мистера Д.Р. Фрэнсиса. Мистер Фрэнсис так ответил нашему сотруднику на его вопросы: «Америка не вступала в войну, пока не вспыхнула русская Февральская революция...»

Мы не были союзниками империалистической России, а лишь Русской республики и надеемся таковыми остаться и впредь. У нас нет стремлений к территориальным захватам... Прежде чем говорить о том, как долго я пробуду в Вологде, мне хотелось бы вам сказать, что я очень благодарен за любезность, которую американской и другим миссиям оказали местный комиссар, городской голова, городская дума, правление Коммерческого клуба и вообще все граждане г. Вологды.

Пребывание американского посольства в Вологде зависит от дальнейшего хода событий».

* * *

Похожее интервью даст Фрэнсис и другому вологодскому журналисту, представителю «Вологодского листка». «Американский посол в России Дэвид Фрэнсис в ответ на предложенные нашим сотрудникам вопросы сделал следующее заявление: «Настоящие условия не имеют себе подобных в прошлом... Хотя настоящее советское правительство не было формально признано моим правительством или кем-либо из союзных держав, председатель совета народных комиссаров Ленин и комиссар Троцкий знают, так как я их об этом уведомил, что я рекомендовал бы моему правительству признать всякое правительство, какое русский народ изберет себе...»

* * *

Приехали. Разместились. Кто где. Многие в вагонах. Фрэнсис и американское посольство — в вагонах до 5 марта. 5 марта переехали в здание Клуба общества приказчиков. Вологжане отнеслись к приезду послов в Вологду очень по-разному. Одни — с интересом: что же будет? Другие — с надеждой: не изменится ли положение? А представители советской власти — с недоверием и опаской: не затеют ли заговор империалисты, не нанесут ли удар в спину революции. Уже ходят слухи о возможной интервенции. Во всяком случае идет сложная игра между тремя силами: совет-

ским правительством, Германией и странами Антанты. В этой игре есть и вологодский след.

ВОЛОГДА — «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ОАЗИС»

Из хроники того времени

1 марта телеграмма Ленина в Вологду, дипломатическому корпусу, на имя переводчика Голберга и английского журналиста А. Рэнсона: «Надо быть готовым к немедленному наступлению немцев против Петрограда и к генеральному наступлению на всех фронтах. Необходимо поднять всех и принять необходимые меры для защиты и обороны».

Ленин опасался, что немцы, перейдя в наступление, могут задушить революцию, и хотел надеяться на помощь в таком случае союзников. Но этого не произошло.

* * *

В Вологде создана красная гвардия, в город прибыли красногвардейский отряд из Петрограда и латышские стрелки. С конца января в Вологде шло формирование частей Красной Армии. Проводились карательные операции в деревне. Губерния была «деревенской». Из миллиона пятидесяти тысяч населения крестьян было более 953 тысяч, рабочих — 27 тысяч... Вот вам и диктатура пролетариата!

Архивный документ. Телеграмма в губисполком из уездной глубинки:

«Отряд Красной Армии совместно с летучим карательным отрядом разделен на три части... Контрреволюционное движение умирится пока спокойно. Комиссар Эпштейн».

В том же деле телеграмма Ягоды (в будущем — кровавый палач) в Вологду. Телеграмма разъясняет некоторые детали о ликвидации комиссариата по демобилизации. Нужна не демобилизация, а мобилизация.

* * *

«В дни воздвигнутого врагами Православной Церкви жестокого на нее гонения, когда святыни церковные подвергаются поруганию... мы, представители приходов г. Вологды и члены Полуепархиального съезда духовенства и мирян, от имени православной Вологды и половины вологодской епархии заявляем решительный протест против насилий и глумлений над самым дорогим для русского православного народа и требуем от гонителей Церкви оставить задуманное ими злое дело.

Да воцарится мир в раздираемой междоусобием родине нашей, да воссияет Бог в сердцах людей русских».

* * *

В здании 1-ой женской гимназии — концерт-бал, устраиваемый вологодской дружиной скаутов. Танцы, летучая почта, фейерверк, конфетти...

Из других развлечений: «Европейский рабочий клуб имени Бронислава Гроссера — лекция товарища Година «Поэзия как отражение человеческой личности (на еврейском языке)». «В зале страхового общества в концерте, устроенном вологодской сионистской организацией, выступили известные артисты, братья Ахрон, скрипач и пианист».

* * *

«Въезд в Вологду воспрещен вследствие продовольственного и квартирного кризиса».

* * *

А что же послы? Какое влияние оказал их приезд на вологжан? Послы обещали продовольственную помощь. И это произвело впечатление. Для проживания в городе они квартировали — многие с семьями — в лучших особняках, принадлежавших известным вологодским фамилиям: Брызгалову, Дружинину, Раскину, Никуличеву и другим. А отдыхали после дел недалеко от города, в Осаново, в поместье помещика Волкова. О том, что собой представляло тогда Осаново, вспоминает вологжанка Н. Егорова: «Там были два прекрасных парка и фруктовый сад. А у Нижнего Осанова был фруктовый сад, с трех сторон окруженный акациями, а с четвертой — зарослями сирени. В этом чудесном месте у помещика Волкова и отдыхали иностранные представители: американцы, англичане, французы. Местные жители уже после их бегства вместе с Волковым часто вспоминали об этом и все расспрашивали бывшего садовника Алексея Ипполитовича: «А ну-ко, Ипполитыч, расскажи, как в Осанове гуляли да пировали американцы. Пили небось коньячок, а не квасок, закусывали севрюжинкой, а не картошкой с огурцом».

И все же иностранные дипломаты на улицах города — это, конечно, удивляло. Вологжанка Н.В. Донова рассказывала мне, с каким любопытством она, девчонка тогда, смотрела на иностранцев, людей самых разных националь-

ностей. Семья Доновых была известна своим революционным участием в жизни города. А мать Н.В. Доновой лично знала Сталина, когда он был в вологодской ссылке в 1911—1912 годах. Он носил, естественно, тогда фамилию Джугашвили, снимал одно время комнату в доме жандарма Корпусова и ничем особенно не выделялся...

В истории всегда удивляет переплетение событий, судеб, фактов, и в этом есть затаенный смысл. И открываешь через беседы с очевидцами и из архивных документов неожиданное. Во всяком случае у меня сложилось впечатление: приезд послов оказал очень большое влияние на город. Во всей России установилась большевистская диктатура. А в Вологде — демократия. Вологда, как писал «Вольный голос Севера», оказалась в 1918 году «демократическим оазисом», чуть ли не самым «демократическим городом» в России.

* * *

Правда ли это? Не ошибаюсь ли я, не иду ли на поводу у газеты «Вольный голос Севера» с ее проэсеровскими симпатиями? Ведь о подобном не писал никогда ни один современный историк и краевед. Но ведь и противоположная точка зрения никогда после 1918 года не приводилась...

Попробуем порассуждать и представить, что же это было.

В Вологде к 1918 году советская власть чувствовала себя далеко еще не твердо. Сохранились, как уже говорилось, многие органы и учреждения городского самоуправления, созданные при Временном правительстве, а с ними и порядки того времени. В полном, так сказать, виде диктатуры пролетариата в городе не было. Приезд послов как бы восстанавливал, оживлял, утверждал прежние буржуазные свободы. На мой взгляд, в городе сложился уникальный политический микроклимат, который продержался до лета 1918 года. И послы во многом способствовали этому. Обратите внимание на такое сообщение: «В понедельник, 5(18) марта в посольском доме (бывший Клуб общества приказчиков) состоялся обед, в котором участвовали американский посол, бразильский и сиамский посланники, представители китайского и японского посольств. Члены пребывающих в Вологде миссий и приглашенные русские гости: председатель городской думы И.П. Галабутский, городской голова А.А. Александров, председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Ш.З. Элиава, товарищ председателя городской думы В.К. Кольцов, товарищ городского головы П.Ю.

Зубов, комиссар по управлению И.А. Саммер и члены городской управы: Н.И. Орлов, А.В. Скрябин и С.Н. Прибытков.

Обед открылся в 8 часов вечера приветственной речью американского посла г. Фрэнсиса...

Обед носил оживленный и непринужденный характер. Между прочим, американский посол интересовался значением слова «Вологда» и почему наш город назван таким именем. Городской голова А.А. Александров дал послу объяснение по интересовавшему его вопросу».

Закончился обед в начале двенадцатого часа ночи. О чем говорит это сообщение? Не только о приеме, устроенном послами. Присмотритесь: послы фактически как бы содействуют двоевластию в городе. Они, с одной стороны, поддерживают уважительные отношения с большевиками, руководителями местных Советов (Элиава, Саммер), но, с другой стороны, принимают и их политических противников, представителей кадетов, эсеров, меньшевиков (Галабутский, Александров и другие). Всячески поддерживают представителей прежней власти. Большевики вынуждены с этим считаться.

И Вологда продолжает сохранять, в известной мере, дух прежних порядков и свобод, и потому она — «оазис». В городе действуют все политические партии: кадеты, меньшевики, эсеры, Бунд, анархисты. Издаются их газеты. Большевики нередко подвергаются резкой критике. Но тем не менее все сосуществует вроде бы нормально, без открытой борьбы и крови.

МОГЛА ЛИ ВОЛОГОДСКАЯ ВСТРЕЧА СТАТЬ МИРОВЫМ СОБЫТИЕМ?

Даже отрывочные вологодские материалы позволяют как бы почувствовать и представить: глобальный мировой компромисс был возможен. Разумеется, Фрэнсис видел в большевиках угрозу всему западному миру и полагал, что лучше одним ударом, мощным кулаком интервенции в союзе с русской оппозицией, покончить с ленинской властью. Но в среде американцев возникла надежда: а вдруг можно обойтись без крови — и компромисс возможен. Более того, родилась даже идея о советско-американском альянсе. Ярким сторонником ее стал Реймонд Робинс, глава американской миссии Красного Креста в России (о нем уже шла речь выше).

Реймонд Робинс был выходцем из бедной рабочей семьи. Но, отличаясь неуемной энергией и предприимчивостью, он во времена «золотой лихорадки» в Америке разбогател. Стал миллионером, крупным деятелем республиканской партии и был направлен в Россию с секретной миссией — не допустить ее выхода из мировой войны и содействовать установлению в стране демократии американского образца.

И Робинс сделал все, что мог. Он истратил миллион долларов в идейной компании против большевиков. Но, как это ни парадоксально, сам постепенно подпал под большевистское влияние. Он был на Неве, когда раздался выстрел «Авроры», присутствовал в Смольном в момент провозглашения советской власти. Потом кинулся вслед за бежавшим Керенским и стал свидетелем капитуляции его последних войск. Робинс увидел в большевиках «действительную власть в России». В письме к Ленину он писал: «Ваша пророческая проницательность и гениальное руководство позволили советской власти укрепиться по всей России, и я уверен, что этот новый созидательный орган демократического образа жизни людей вдохновит и двинет вперед дело свободы во всем мире».

Робинс ухитрился увидеть в советской власти не опасную для России и всего мира диктатуру, как это казалось Фрэнсису, а новую, какую-то высшую демократию. Ленин ответил ему так: «...Весьма благодарен Вам за Ваше письмо. Я уверен, что новая демократия, то есть пролетарская демократия, установится во всех странах и сокрушит все препятствия и империалистско-капиталистическую систему в Новом и Старом свете». То есть, казалось, сбудется мечта всей ленинской жизни — мировая революция.

Невооруженным глазом видно, а тем более по истечении времени, что Ленин и Робинс глядели на все совершенно по-разному. Но для Ленина это уже не столь важно. Важнее то, что Робинс ратует за сближение США и Советской России. И Ленин доверяет Робинсу важнейший документ для передачи американскому правительству — план экономического альянса между Россией и США. Об этом плане в советской печати писали редко и осторожно. Между тем он являл собой уникальный, своего рода фантастический документ.

«План Ленина» (так его иногда называют) был разработан специальной комиссией. По нему США должны были оказать Советской России продовольственную, экономическую и военную помощь, а взамен американцам отдава-

лись многие природные богатства Сибири, Севера, Дальнего Востока, Камчатки. США получали выгоднейшие концессии на возведение в России гидростанций, прорытие каналов, строительство железных дорог. И представьте себе, что все это бы сбылось? Даже дух захватывает! Представьте, что гигантские каналы, электростанции, магистрали строит не ГУЛАГ с миллионами зеков, а вольнонаемные рабочие под руководством американских инженеров, с применением заокеанской техники! Экономика двух великих стран переплетается, возникает супернэп — альянс России и Америки... И сама не сложившаяся еще система диктатуры большевиков могла измениться.

Тогда, с другой стороны, выходит, что Ленин готов был отдать на откуп российские богатства и всю Россию американским капиталистам? Где же логика? Она очень проста. Ленин полагал, что этот союз — временное явление, что вскоре вспыхнет мировая революция — и США сами по себе присоединятся к революционной России.

Робинс не представлял себе ничего подобного. Придя в восторг от «плана Ленина», он, полный надежд, вез его в США американскому правительству. Но сначала должен был «согласовать» его с послом Фрэнсисом в Вологде. Поэтому их вологодская встреча могла иметь огромное значение. Но этого не произошло. Фрэнсис и Робинс слишком разошлись друг с другом. Фрэнсис шифрованной телеграммой из Вологды уже рекомендовал правительству начать интервенцию. Встретившись 17 мая на вологодском вокзале, они уже говорили на разных языках. И не доверяли друг другу...

В книге Л. Гвишиани «Советская Россия и США (1917—1920)» (М., 1970) об этом говорится так: «Проездом из Москвы в Вологду Робинс встретился с Фрэнсисом». Дж. Кеннан, исследовавший этот период, так описал встречу между ними: «Робинс ничего не сказал Фрэнсису о документе Ленина, который был у него, Фрэнсис ничего не сказал о телеграмме, которую он только что послал и в которой высказался за интервенцию».

Нет, супернэпа, альянса между США и Россией, не будет. «План Ленина» американский конгресс отвергнет. Будет интервенция и глобальность вражды двух великих держав на многие десятилетия. Предваряя военные действия, весной и летом 1918 года западные суперагенты С. Рейли, Р. Локкарт тайно посещают Вологду. И чекисты из Москвы во главе со знаменитым Артузовым готовят ответные удары. Предстоит борьба.

ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ БУДУТ РАССТРЕЛЯНЫ...

...В Москве, в Большом театре проходит заседание ЦК партии большевиков. Как всегда, у выходов и входов поставлена охрана латышских стрелков. Никто не подозревает, что латыши и их командир Берзин подкуплены англичанами. Берзин подает сигнал. Латышские стрелки мгновенно закрывают все двери, врываются в зал и наставляют винтовки на всех сидящих в зале. Затем особый отряд, возглавляемый знаменитым агентом Сиднеем Рейли, поднимается на сцену, где заседает президиум, и арестовывает всю большевистскую верхушку. Ленина и Троцкого выводят во двор и расстреливают в упор. Это — кульминация плана: Ленин и Троцкий будут расстреляны немедленно.

Таков план заговора, ныне он кажется безумным. Но тогда, в раскаленной, фантазмагорической обстановке 1918 года, он казался заговорщикам вполне возможным. Он вошел в историю под названием «заговор Локкарта». Как же он мог возникнуть? Был ли этот пресловутый заговор.

* * *

...Владелец усадьбы Николай Волков, встречая у крыльца автомобиль, знаменитый на всю Вологду, единственный, сразу понял: предстоит не отдых, а нечто важное. В Осаново вместе с послами — американцем Фрэнсисом и французом Нулансом — приехал гость: молодой, элегантный, с энергичным лицом. Это был английский вице-консул Роберт Локкарт.

Отказавшись от чая, приехавшие прошли прямо в гостиную. И там, за закрытыми дверями, состоялся продолжительный разговор.

Волков стоял у окна, смотрел на цветущий, полный жизни сад и думал: «Может быть, сейчас, за этими дверями, обсуждаются такие события, которые решат его дальнейшую судьбу и участь усадьбы».

О чем шла речь в гостиной? Совершенно точно можно предположить, что Локкарт начал убеждать Фрэнсиса и Нуланса: нужно рекомендовать своим правительствам немедленную интервенцию в Россию с целью свержения большевистского правительства. По его мнению, ни малейшего компромисса с большевиками быть уже не может.

Можно предположить и другое. Локкарт мог высказаться за организацию заговора и восстание в Вологде. Во всяком случае такой план имелся — так называемый «путь с Севера в Москву». Такой план существовал в воспален-

ном воображении Сиднея Рейли, и он сумел втянуть в него и Локкарта. Рейли был авантюристом высшей марки, способным убеждать в своих идеях других. Он приезжал в Вологду и, видимо, полагал, что восстание здесь вполне возможно. В романе «Железная женщина» Н. Берберова пишет: «Рейли, несомненно, был человеком незаурядным, и даже на фотографиях лицо его говорит об энергии и известной «магии», которая в этом человеке кипела всю жизнь. Были ли это тогда уже зачатки сумасшедшей мании величия или гипнотическая сила, скрытая в нем? Она выливалась в его словах и заставляла людей, вовсе не склонных к благотворительности, давать ему огромные денежные суммы... Несомненно, в нем была сила убеждения (он, кстати, видимо, никогда не терпел неудач с женщинами), и когда он говорил о возможности открыть союзному десанту путь с Севера на Москву, люди слушали его, и проект его безумного, рискованного плана становился если не реальностью, то во всяком случае идеей, таившей в себе потенциал, на которую стоило решиться».

И Локкарт тоже оказался зараженным фантастическими идеями Рейли. Но в Вологде не было никаких реальных возможностей для подготовки восстания: небольшой город, где все на виду, просто не располагал ни военной силой, ни оружием, ни другими предпосылками для восстания. И, видимо, ни Фрэнсис, ни Нуланс не поддерживали авантюру Локкарта — Рейли. Потому я высказываю предположение: никакого заговора послов, о котором так много писали в советской литературе, на самом деле в природе не существовало. Это — один из многочисленных исторических мифов.

Если обвинение в подготовке заговора и восстания выдвинуто, то оно должно было на чем-то основываться. На сегодняшний день не известно ни одного документа, подтверждающего участие посольств в Вологде в организации заговора и восстания. В архиве Вологодского управления КГБ я прочитал чекистские материалы допросов арестованных летом 1918 года офицеров, так называемых «заговорщиков». Так вот: в этих материалах нет ни единого упоминания ни Фрэнсиса, ни американского посольства. Более того, чекисты даже вопроса о подготовке восстания не ставили, арестованных обвиняли в связях с антибольшевистскими организациями в Петрограде, в попытках бежать на север. В Вологодской ЧК того времени идею о том, что американское посольство готовит в городе восстание,

посчитали бы несерьезной: Фрэнсис и его сотрудники не имели для этого никакой реальной возможности.

Потому впоследствии Фрэнсис, узнав об обвинениях в заговорщической деятельности в Вологде, с негодованием отвергал это.

Разумеется, Фрэнсис занимал твердые антибольшевистские позиции, но к арестованным офицерам он не имел никакого отношения. И вряд ли знал кого-то из них. Правда, арестованным офицерам это не помогло. Их расстреляли — видимо, всех.

БЫЛ ЛИ ПОЛКОВНИК АНГЛИЙСКИМ ШПИОНОМ?

Руководителем вологодской офицерской организации был полковник Куроченков. Он получил 40 тысяч рублей от «англичан» (не от Рейли?). Но был ли он английским шпионом в Вологде?

Когда Куроченкова арестовали и везли в Вологду, он сумел бежать с поезда — выпрыгнул на полном ходу из окна туалета, но при падении повредил руку. И дойдя до ближайшей деревни, предложил крестьянину Савину эти сорок тысяч, прося спрятать его. Но Савин выдал полковника ЧК. Об этом, в частности, говорилось в моей документальной повести «Послы в Вологде», которая в 1980 году печаталась в областной партийной газете. И в редакцию пришло такое письмо.

«Дорогая редакция! Я прочитала статью В. Аринина «Послы в Вологде». В ней говорится о прекрасном поступке моего дедушки Савина Александра Александровича. Это действительно мой дедушка. Нам в детстве часто рассказывали об этом отец, Савин Алексей Александрович, и моя бабушка, Савина Александра Андреевна. Наша деревня — Анисово Невсвейского сельского совета Кубеноозерского района (в настоящее время Вологодский район). Мой дедушка жил в маленькой хатке на краю деревни около леса. Недалеко отсюда — Куркино и еще ближе — Васильково, бывшая усадьба помещика с хорошим домом. И был тогда прекрасный сад кругом, а сейчас, наверное, все нарушено, ведь ломать — не строить. Мы в детстве все ходили в Васильково.

Вот здесь и пробирался шпион — полковник Куроченков, он шел все лесом до нашей деревни. Он действительно предлагал моему дедушке сорок тысяч рублей, чтобы тот его укрыл. Дедушка его свел не в сельсовет, а к моему отцу.

Кроме отца в доме еще жили три брата, и все были рослые, здоровые. Они связали его и свезли на лошади в Вологду. Вот какие честные были мои родители и мои родственники. Дедушка с бабушкой жили очень бедно, ходили в лаптях, в доме было тесно, и дедушка вынужден был жить с бабушкой в отдельной избушке. Дедушка и отец детей учили трудолюбию, честности. Они внушали своим детям: «Не укради, не соври, не обмани». И мы все были такими. Кто бы сейчас отказался от таких денег?

А нынче очерняют прошлое, ругают застойные годы, а как слушаешь, что делается в стране, просто заболеешь. Я — коммунистка, стаж мой партийный — 46 лет. После окончания ветеринарного техникума в 1941 году отработала в Кадуе почти на одном месте в сельском хозяйстве 35 лет в должности фельдшера. Работа была в радость, и отдыхать мы умели. Весело проводили время, пережили лихо войны, выполняли все работы, рубили лес, ухаживали за ранеными в госпитале, помогали фронту, чем могли. Не было мысли о том, чтобы кого-то обмануть, украсть, присвоить. А теперь слышишь от молодежи: «Нечем нам заняться».

А работы везде — непочатый край, работай честно, не жалей себя, и к тебе и благополучие, и радость придут. К сему Галактионова Евстолия Алексеевна (бывшая Савина)».

С моей точки зрения, это письмо — примечательный человеческий документ. Полковник Куроченков, разумеется, английским шпионом не был.

Я ГОВОРЮ С АМЕРИКАНСКИМ ПОСЛОМ

Снова повторю: «заговора послов» в действительности, на мой взгляд, не существовало. Но в период великих смут всегда на исторической арене появляются деятели особого рода и особых талантов — авантюристы. Таковыми были Локкарт и Рейли. Кстати, Рейли (настоящая его фамилия Реллинский) — фигура почти фантастическая, во многом даже необъяснимая. Уроженец России, он создал из своей жизни бурный авантурный роман. Есть даже предположение, что он был советским разведчиком, правой рукой Дзержинского, что все его деяния — шпионская мистификация. Возможно, что он мог быть и двойным агентом.

Пытаясь выяснить некоторые исторические загадки и оказавшись после августовских событий 1991 года в Москве, я просил допустить меня в архив КГБ на Лубянке, в

том числе и к материалам по делу Рейли. В архив меня не пустили, но полковник КГБ Васильев, имевший со мной длительную беседу, сказал, что хорошо знает «дело Рейли». И полностью ручается, что документы этого дела не оставляют никаких сомнений, что Рейли был английским шпионом, все остальное — легенды. Заманенный в результате чекистских операций на территорию Советской России, он был арестован и расстрелян 5 ноября 1925 года.

Но вернемся опять на несколько лет назад, в 1918 год. Вологодский краевед Л. Панов в своих публикациях привел интересный документ, в котором говорится, что со стороны Вологодского губисполкома о въезде «Великобританского подданного Сираля (так в оригинале) Рейли» препятствий не встречается». Значит, вологодские власти не подозревали о шпионской деятельности Рейли. Впрочем, она успеха не имела. Потерпев неудачу с планом «пути с Севера на Москву», Локкарт и Рейли разработали новый авантюристический план заговора в Москве. Он, как говорилось выше, включал в себя подкуп латышских стрелков, арест большевистского ЦК в Большом театре, расстрел Ленина и Троцкого. Но Ян Берзин, которого хотели подкупить за два миллиона рублей, сам был агентом и помощником Дзержинского. «Заговор Локкарта», как известно, потерпел полный крах...

Послы со всем этим ничего общего не имели. Но безусловно, что летом 1918 года уже все возможности компромисса оказались отброшены и был взят курс на открытую конфронтацию. Готовилась интервенция. И, разумеется, Фрэнсис проводил в Вологде политику своей страны и Запада, которая не всегда соответствовала интересам России.

В Вологде, как и по всей стране, было голодно. Фрэнсис в своих выступлениях обещал американскую продовольственную помощь, но на определенных условиях. Это действовало.

18 июля на собрании Вологодских железнодорожных мастерских была принята резолюция, в которой требовалось «принятие помощи бывших союзников», восстановление демократии, освобождение политзаключенных, отставка правительства. Это совпадало в основном с позицией американского и других послов. Но большевики на это пойти не могли.

Отношения между советским правительством и Западом обострялись. Вокруг посольств складывалась напряженная обстановка. В связи с этим в Вологду приехал

видный большевик, один из апологетов «мировой революции» Карл Радек, для которого Вологда была просто «городом». Но его миссия не увенчалась успехом.

Развернулась переписка между наркомом Чичериным и Фрэнсисом. Примечательно, что, настаивая на отъезде послов из Вологды, Чичерин подчеркивал — в Вологде оставаться опасно, неудобно. На что Фрэнсис резонно отвечал: «Мы не боимся русского народа, с которым мы всегда были в дружеских отношениях и который мы считаем нашим союзником, и мы имеем полное доверие к населению Вологды... В Вологде господствуют спокойствие и порядок». Фрэнсис гневно протестовал против установленных по приказу Радека у здания посольств вооруженных караулов. «Мы относимся к плану, предложенному г. Радеком, как скрытому намерению установить за нами слежку или сделать нас пленниками...» Но тем не менее реальность была такова, что 23 июля «конференция союзных представителей постановила покинуть Вологду».

В час ночи 25 июля западные дипломаты специальным поездом под охраной латышских стрелков уехали из Вологды в северном направлении — на Архангельск, к которому уже подходили боевые корабли с союзническим десантом.

Перед отъездом из Вологды Фрэнсис издал здесь брошюру, в которой предал гласности некоторые документы о переписке с наркоматом иностранных дел и воззвание к русскому народу. Но в типографию были направлены красногвардейцы, они уничтожили тираж. А накануне Фрэнсис писал в Вологодский губисполком: «Мы все надеемся вернуться в Вологду».

Вряд ли Фрэнсис верил собственным словам. Американский посол в Вологде появился много лет спустя, в 1994 году. Это был мистер Пикеринг, его сопровождали другие члены американского посольства в России. Они побывали в Вологде и Архангельске, то есть там, где действовало американское посольство в 1918 году.

Мне довелось тогда вести небольшую экскурсию с мистером Пикерингом у здания бывшего американского посольства в Вологде. Признаться, гости очень спешили. Но мистер Пикеринг все же успел высказать мнение, что интервенция в 1918 году была трагической ошибкой. И говорил, что в Архангельске он посетил могилы американских солдат, погибших во время интервенции, и сохранившиеся до сих пор. Я приглашал его посетить Осаново, но он отказался. И может, был прав.

...Медленно иду я по поселку Осаново, вглядываюсь во все вокруг, стремясь обнаружить следы бывшего дворянского великолепия. Не осталось практически никаких следов. Типичный рабочий поселок с типичной кирпичной застройкой и частными деревянными домами. Трудно представить, что здесь была красивая дворянская усадьба, «очаровательная ампириная церковка» (по словам искусствоведа Г. Лукомского), огромный парк и фруктовый сад. От всего этого остались полужаросшие пруды, подобие изуродованной аллеи, немногие старые, с причудливыми, искореженными временем ветвями деревья. Они — как почерневшие памятники парку.

Последним владельцем усадьбы был Николай Волков. Он и представил в 1918 году свою усадьбу для загородной резиденции иностранных послов, находившихся тогда в Вологде.

А потом (по словам одного из очевидцев, который несмотря на почтенный возраст, специально нашел меня, чтобы рассказать о судьбе Волкова), тот прятался в Вологде, знакомые укрывали и кормили его. Что с ним стало, неизвестно.

А однажды в театре ко мне подошел молодой человек и сказал, что он является внуком Сиднея Рейли. Во всяком случае в их роду есть легенда, что Сидней Рейли, бывший не только великим авантюристом и шпионом, но и своего рода донжуаном эпохи революции, не упустил своего шанса в Вологде и имел роман с его бабушкой, тогда еще совсем молоденькой вологжанкой.

Во всяком случае доподлинно известно, что некоторые западные дипломаты имели любовные романы с вологодскими красавицами того времени.

Тайны остаются...

И ЕЩЕ ОДНА МОЯ СЕНСАЦИЯ

В Вологде в 1997 году вологодским историком и предпринимателем Александром Быковым создан Музей дипломатического корпуса, который размещается в старинном особняке, где в 1918 году размещалось американское посольство. Александр Быков осуществил то, что не удалось мне: он ездил в США, познакомился с некоторыми архивными материалами бывшего американского посольства в России и из личного фонда Д. Фрэнсиса, они вошли в экспозицию музея. Я к этим материалам не имею

отношения. Но историей дипломатического корпуса в Вологде я начал заниматься задолго до того, отсюда и мое повествование.

Правда, в последнее время мне стало казаться, что тема послов исчерпана, во всяком случае для меня в ней уже ничего нового не будет.

Но внезапно новая догадка, как новая сенсация, открылась мне и взволновала. Все это связано с закулисной шпионской борьбой и английским консульством в Вологде. Удивительно, что вологодские чекисты, самоучки в разведке, противостояли агентам знаменитой Интеллидженс сервис весьма успешно.

В Вологде английское консульство справедливо считалось одним из разведывательных центров. Казалось, проникнуть в него было невозможно. В нем орудовали профессионалы высокого класса. Но представьте себе, вологжанин С.С. Никуличев все же сумел проникнуть в консульство англичан.

Об этом, спустя много лет, в 1989 году, написала мне в письме его дочь, вологжанка Вера Сергеевна Домашнева (ныне покойная). Тогда она кратко изложила в письме биографию отца.

Вологжанин Сергей Сергеевич Никуличев, портной по профессии, рядовой Измайловского полка, участвовал в Петрограде в Февральском вооруженном восстании. Был избран от полка членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

В корниловское наступление входил в объединенный отряд рабочих Каминского и Ижорского заводов, был избран председателем военно-революционного суда, действовавшего против Дикой дивизии.

В октябрьские дни 1917 года в составе своего полка участвовал в выступлении против войск Керенского в Гатчине. В феврале 1918 года возвратился в Вологду и получил задание — проникнуть в английское консульство. Но каким образом?

В.С. Домашнева написала мне: «Отца, как прекрасного портного, допустили туда чинить мундиры и пришивать пуговицы. Он использовал свои посещения для добывания сведений. Что обнаруживал в карманах — читал, а что слышал — все запоминал».

Задание он выполнил успешно.

Так что вологжанина С.С. Никуличева, вероятно, можно считать незаурядным разведчиком, который действовал против прославленных английских агентов.

Получив письмо от В.С. Домашневой, я использовал его в своих публикациях, а затем встретился с ней, и она дополнила свое письмо небольшим воспоминанием, о чем еще рассказывал ей отец.

Оказывается, С.С. Никуличев вспоминал, что однажды в английском консульстве ему встретилась молодая, модно, по-столичному одетая дама, приезжавшая на короткий срок в Вологду из Москвы. Ни имени, ни фамилии ее он так и не узнал, но заподозрил в ней шпионку. Ему удалось все же заговорить с ней, сначала они поговорили о моде, а потом на его осторожный вопрос, зачем она приехала в Вологду, дама ответила, примерно, так: приходится выполнять иногда дипломатическую работу, но ей это не свойственно. Ее больше интересует литература, ведь она является правнучкой Аграфены Закревской, знаменитой красавицы прошлого, воспетой самим Пушкиным. Фамилию — Закревская — он запомнил.

Конечно, то что рассказала мне В.С. Домашнева, было очень интересно, но добавить ей к отцовскому рассказу было нечего. И мне казалось, что к моей теме все это не имеет прямого отношения. И я этот факт в своей литературной работе не использовал. До самого последнего времени.

Но вот когда я стал заниматься Пушкиным, затем и Львом Толстым, то с фамилией Закревских мне пришлось встретиться неминуемо. Она связана и с Пушкиным, и Толстым.

Кто же все-таки была правнучкой красавицы Аграфены Закревской? Именно так назвала себя дама, приезжавшая в 1918 году в Вологду.

Мне стало теперь это чрезвычайно интересно, и неожиданный ответ, поразивший меня, я нашел в уже упоминавшейся книге Н. Берберовой «Железная женщина». Этой дамой оказывалась (и без всякого сомнения) героиня книги, знаменитая баронесса М. Будберг-Бенкендорф. Прибегну для краткой характеристики ее образа к цитате из Андрея Вознесенского: «Железная женщина» — одна из самых удивительных книг века... Это увлекательное документальное жизнеописание баронессы М. Будберг — пленительной авантюристки, сквозь сердце которой прошли литературные и политические чемпионы столетия — как-то: Максим Горький, Уэллс, Локкарт, Петерс и другие».

Да, поистине велик был чарующий диапазон у этой женщины. Это — классик мировой фантастики Уэллс, который, встретившись с Лениным, напишет «Россию во

мгле», а потом, встретившись со Сталиным, будет в какой-то мере обманут. Великий пролетарский писатель Максим Горький посвятит ей «Жизнь Клима Самгина».

Н. Берберова пишет: «Она любила мужчин... вообще мужчин и не скрывала этого, хоть и понимала, что эта правда коробит и раздражает женщин и возбуждает и смущает мужчин. Она пользовалась сексом, она искала новизны и знала, где ее найти... Секс шел к ней естественно, и в сексе ей не нужно было ни учиться, ни копировать, ни притворяться... Она была свободна задолго до всеобщего женского освобождения».

Не знаю, превзошла ли она в своем неистовом эротизме прабабушку — Аграфену Закревскую, но во всяком случае пошла по ее вакхическим стопам. Ныне подобное общественной моралью женщине уже не запрещено.

Выполнение шпионского задания, конечно, не было случайностью для нее, но все же являлось отдельным эпизодом в ее бурной судьбе. Но каким было это задание? Она приехала в Вологду в мае, как раз перед приездом сюда полковника Робинса с его сенсационным проектом об альянсе США и России. И нельзя исключить, что она участвовала в дискредитации этого проекта, которую проводил Рейли. О чем надо было информировать и Фрэнсиса. Конечно, это только предположение. Во всяком случае вологодские чекисты не арестовали красавицу. И далее ее путь лежал — в литературу: к Уэллсу, Горькому, Берберовой.

А для меня (подчеркиваю — лично для меня) встреча с ней сквозь время в Вологде стала сенсацией. Удивительно. Вроде бы я специально сенсаций не ищу, но они находят меня сами. Будет ли эта сенсация последней? Не знаю.

Но хочется верить, что такой мой удел, это мне дано судьбой: создавать свои сенсации, открывать по-своему тайны. Вы скажете: это только версии. Что из того?

В некотором роде детектив

УВЕЗТИ «КОРОЛЕВУ ВОЛОГДЫ»

Можно ли из Вологды увезти тайно красивую девушку за границу, спрятав ее в вагоне! Вопрос не совсем праздный. Опыт истории учит...

Вот об этом опыте и пойдет речь. Но сначала — обо всем по порядку.

* * *

1918 год. Дипломаты Антанты и многих других стран, отказавшись переехать из Петрограда в столицу красной России Москву, уезжали в Вологду. Это был демарш в знак непризнания советского правительства.

28 февраля в Вологду, как пишет Н. Берберова в книге «Железная женщина», уезжали англичане, французы, греки, сербы, бельгийцы, итальянцы и португальцы. Дипломатов провожали русские дамы, все в слезах. Перспектива остаться в большевистском Петрограде без связей и покровителей страшила аристократок. Они надеялись на дипломатов. И некоторые — не напрасно. Вернувшись из Вологды, англичанин Брюс вывезет в Англию великую балерину Тамару Карсавину, удивительную женщину — и своим талантом, и умом, и утонченной красотой. И она будет долгое время блистать на сценах Запада. Вместе с ней будет вывезена Женья Шелепина, секретарша Троцкого, она станет женой биографа Оскара Уайльда А. Рэнсона. Вот так — из мира Троцкого, с его мировой революцией, — в мир изысков и изломов Оскара Уайльда. Так что почин был положен. И был подобный случай в Вологде...

* * *

Много лет спустя старая вологжанка Галина Ивановна Лескова вспоминала давнее время и рассказывала об этом. Ее рассказы — о себе, о сестре Ирине, о революционных годах, нравах того времени — были необычайно интересны

мне. Жаль только, я не записывал за ней. Не предполагал, что буду писать об этом.

Уже несколько лет, как покоится Галина Ивановна на кладбище, а я помню, как начинал внезапно молодеть и волноваться ее голос, когда она рассказывала о своей юности. И о старшей сестре Ирине, красавице, «пожирательнице сердец», как она говорила. И их друзьях. И постоянном их поклоннике — Иване Евдокимове, он уже начал печататься тогда, становился настоящим писателем и искусствоведем. Впрочем, красавицы его не слишком жаловали. У него было обидное прозвище — Ванька-глист: высоченный, какой-то вытянутый и худой. Его душа была ранима, он обижался очень, но терпел насмешки и навсегда остался их верным рыцарем. И потом, когда выходили в свет его книги, дарил их, посылал из Москвы, и с обязательными трогательными автографами.

Спустя годы Галина Ивановна гордилась дружбой с Иваном Евдокимовым. Но гордилась она также и своей сестрой. Показывала мне ее фотографии, и я тоже сквозь время ею восторгался. А Галина Ивановна все говорила и говорила. Увы! — многое сейчас уже позабылось в ее рассказах, и с полной достоверностью я воспроизвести их не могу. Потому, чтобы быть свободнее в своем повествовании, изменяю ее фамилию и некоторые обстоятельства.

* * *

Два врача — Лебедев и Фусс — угощали Ирину Лескову чаем с настоящим сахаром и белой булкой. В условиях голодного 1918 года это было роскошью.

— Не стесняйтесь, Ирина, — говорил Фусс, — рады вас, красавица, полакомить.

— Тем паче, — добавил Лебедев, — продукты-то не наши, подаренные. Мы с господином Фуссом посещаем посольства и консульства. Оказываем посильную медицинскую помощь. Потому сахар — из английского консульства, хлеб — из шведского.

— Да-да, — иронизировал Фусс, — нам платят за шпионаж и заговор. Во всяком случае так, наверное, считает вологодская ЧК. Потому мы в английском консульстве даже разыграли шутовскую сценку о вологодском заговоре. Наш спектакль рассказывал о формировании в Вологде славяно-британского легиона и проведении террористических актов. Мой дядя — авантажный, усатый, но, увы! — бездомный (он у меня иногда проживает) играл роль вождя в подпольной организации... Так мы осмеяли

шпиономанию большевиков, их поразительное умение всюду находить заговор.

— Грустные все эти шутки, — сказал Лебедев. — Как бы в ЧК не приняли все это всерьез. А кстати, вами, Ирина, шведский посланник Карл интересуется, хотел бы познакомиться...

* * *

За западными дипломатами, конечно, было установлено слежка. Обобщенные агентурные данные попадали на стол наркома Кедрова, возглавлявшего в Вологде борьбу с контрреволюцией. Кедров вел записи (они затем были опубликованы), в них он называет среди вологодских заговорщиков Фусса и Лебедева. У Кедрова говорится: «Предполагается отрезать Архангельск от Вологды в ближайшие дни. Имеется контрразведывательное бюро французов. Главное гнездо находится в консульствах. На выступление внутри Архангельска они мало надеются, а на Вологду возлагают большие надежды.

Во что бы то ни стало занять Вологду для соединения с чехословаками. В Вологде — формирование славяно-британского легиона и сбор денег для нужд оккупации, цель которого — в то время когда будет прервано сообщение с Архангельском, выступить в самой Вологде, подготовив взрывы, захват оружия и террористические акты над стоящими у власти... У Фусса живет на квартире его родственник, фамилия неизвестна: лет около 40, ходит в штатском, среднего роста, с усами; он состоит главным руководителем формирования легиона».

Так мифический «славяно-британский легион», о котором разыграли шуточную интермедию, превратился в воспаленном мозгу агентов ЧК в реальность. В ЧК шуток о заговоре не понимали. Повод был подан. И хотя впоследствии сам Кедров записал, что сведения о заговоре Лебедева и Фусса не подтвердились, идея заговора и формирования «славяно-британского легиона» в Вологде была воспринята вполне всерьез. Формировался он, по мнению чекистов, из «гражданских пленных», т.е. лиц различной национальности, подданных других стран, оказавшихся в Вологодской губернии, и местных буржуазных представителей, подвергшихся революционной экспроприации.

* * *

«Королевская шведская миссия
(Вологда, Дмитриевская набережная, д. 4).

Ввиду того что с открытием навигации передо мной встает вопрос о подыскании крова для прибывающих по рекам гражданских пленных, сначала больных, женщин, детей и стариков, а затем — и остальных мужчин, общим числом в одной Вологодской губернии около 3800 человек, кроме того, прибывающих по той же воде сюда из восточных уездов Архангельской губернии — около 1000 человек (и то и другое, кроме военнопленных), которые отсюда должны быть переправлены в Петроград, я покорнейше просил бы исполнительный комитет решить вопрос, может ли быть мне предоставлен, и на каких условиях, пустующий барак № 1 из пяти беженских барakov по Мал. Новинковской улице.

С совершенным почтением».

Королевская шведская миссия делала все, что могла, для этих преследуемых, несчастных людей. Вот такова была реальность — не миф и подлинные страдания «гражданских пленных».

* * *

И еще немного о женщинах. Вологодские дворянки и интеллигентки потянулись в западные посольства. Здесь был привычный для них мир. Здесь за ними ухаживали, их развлекали. И в то страшное голодное время, наконец, кормили. Даже у Фрэнсиса, видимо, был роман с юной вологжанкой, дочерью генерала. Ей было всего шестнадцать, она прекрасно пела, была хорошенькой, но «без гроша» (сведения беру из книги А. Быкова и Л. Панова «Дипломатическая столица России»).

* * *

И все же при всем при том в городе бушевали различные увеселения. Газета «Вольный голос Севера» писала: «За последнее время взоры горожан с недоумением останавливаются на афишных витринах:

«Бал мертвецов!»

«Бюро знакомств!»

«Конкурс красоты!»

«Самой красивой даме будет присуждено звание «Звезда Севера».

* * *

Советник Королевской шведской миссии Карл провожает Ирину Лескову домой. Он называет ее «королева». На недавнем вологодском конкурсе красоты Ирине вручили шутливую

медаль — «Чемпион гор. Вологды и ее окрестностей по красоте». И приз — бутылку водки, чем ввели прекрасную Ирину в полное смущение. Но Ирина все же взяла и водку (потом обменяли на хлеб). В Вологде — голод. А жить хочется.

И вот — Карл. Швед. Но, кажется, интересный и порядочный человек. Вокруг — множество поклонников. Но пусть лучше будет швед... Он хоть поможет.

— Вы ведь знаете, — говорит Ирина, — чекисты арестовали докторов Фусса и Лебедева. Их обвиняют в каком-то выдуманном заговоре. Я — их знакомая и, признаться, боюсь... Боюсь ареста.

— А вы согласитесь, Ирина, — говорит Карл, — если я попытаюсь вывезти вас из Вологды? Нелегально. Спрятав в дипломатическом вагоне.

— Я буду безмерно благодарна вам. И готова на все.

* * *

Ирина была вывезена из Вологды. Тайно, каким-то фантастическим образом. Чекисты ни о чем не догадались.

Как это было осуществлено, не узнали даже родные. И спустя многие годы Галина Ивановна, рассказывая мне обо всем, так и не могла объяснить, каким образом вывезли Ирину.

Правда, сестры много лет переписывались, но эта тема в письмах никогда не затрагивалась. Мало ли какие могли быть последствия...

Судьба у «Королевы Вологды» сложилась удачно. Она вышла замуж за богатого грека и спокойно прожила свою жизнь в Греции.

«БЕССЛЕДНО ИСЧЕЗ»

«Когда Господь выбирал судьбу Александру Павловичу Кутепову, он, должно быть, решил, что этот смертный будет героем. Кутепов с детства следовал своему предназначению. Он участвовал в трех войнах, потрясал врагов, основывал российскую государственность на берегах Дарданелльского пролива рядом с Константинополем, вел непримиримую борьбу с контрразведкой Лубянки, был похищен в центре Парижа и бесследно исчез...»

Станислав Рыбас

ЯЗЫК МАРКИЗЫ ПОМПАДУР

— Что-то у меня беспокойно сегодня на сердце, — вздохнула жена. Она кормила сладким творогом пятилетнего сына. — Надеюсь, ты не будешь выходить из машины?

— Я пойду пешком, — сказал Кутепов. — И ничего, милая, со мной, боевым генералом, случиться не может.

— Как пешком? — ахнула она. — Но почему?

— Я отпустил шофера, — пояснил он. — Пусть отдохнет в воскресенье.

— Ах, как мне это не нравится.

— Полно, милая. Вот лучше послушай, какое сегодня напечатали в «Последних новостях» прелестное стихотворение о Париже Игоря Северянина. Послушай!

Столица мира! Город-царь!
Душа, исполненная транс!..

Да уж, мой земляк-череповчанин Игорь Северянин всегда скажет так, как никто. Горжусь, что мы с ним — земляки. А вот далее, послушай:

Кабриолеты, тильбюри,
«Бери авто и тюль бери,
И то, что в тюле»... Я пари

Держу: так все живут в Paris.
Однако бросим каламбур,
Хотя он здесь вполне уместен.
О, как пленительно-прелестен
Язык маркизы Помпадур!

— Действительно, это прелестно. На самом деле он гений — Игорь Северянин, — согласилась жена и сама принялась читать газету.

Генерал остался доволен собой — переключил разговор на другую тему, и то хорошо. Но, признаться, тревожные факты о происках Лубянки в последнее время поступали неоднократно. Агенты ОГПУ ведут слежку за ним. И к тому же есть сведения, что ОГПУ затевает что-то вокруг полковника Энгельгардта, живущего в Эстонии, в Ревеле. Энгельгардт как раз дружит с Северянином, живущим под Ревелем. Надо принять меры...

— Я пошел, милая, — сказал генерал, встав с кресла.

— Я жду тебя к обеду, — ответила жена, она продолжала читать стихи Северянина

— К обеду буду непременно...

* * *

Что было дальше? Обратимся к книге «Преступление без наказания» французского писателя Даниэля Бона, фрагменты из которой опубликовал журнал «Звезда» в 1995 году. Эта книга написана по архивным материалам французских спецслужб. Приводится в этой книге и первое сообщение об исчезновении генерала, напечатанное в вечернем выпуске газеты «Le matin» 26 января 1930 года. Вот оно...

«В 10.30, одетый в гражданский костюм, Кутепов вышел из дома и пешком направился в церковь. Накануне вечером он отказался от предложения воспользоваться в воскресенье услугами шофера... «Дорогой мой, распорядитесь завтрашним днем по вашему собственному усмотрению», — сказал ему генерал, притом что в то же воскресенье после обеда он с женой и сыном намеревался отправиться в Медон, где должен был осмотреть виллу, которую предполагал снять. Перед уходом Кутепов сказал, что к обеду его надо ждать в половине первого. Попрощавшись с семьей, он вышел на улицу. Ординарец смотрел на генерала из окна, до тех пор пока тот не исчез из вида...

...В каком месте произошло таинственное и трагическое похищение? Каковы были обстоятельства этого похи-

щения? Увы, но в данный момент нам приходится ограничиться лишь предположениями...»

УБИТ, СОЖЖЕН ИЛИ ЖИВ?

Исчезновение генерала Кутепова стало сенсацией для всей Европы, сообщение об этом появилось на следующий день на первых полосах крупнейших газет многих стран. Что произошло, еще было неясно, но почти все высказывали предположение, что это — операция, проведенная агентами ОГПУ. И это вызвало всеобщее возмущение. Ведь преступление было совершено среди белого дня в самом центре Парижа.

Советское правительство, стремившееся к нормализации своих отношений с Европой, заявило, что не имеет к делу об исчезновении генерала ни малейшего отношения. Газета «Известия» напечатала сообщение, что Кутепов, похитив крупную сумму денег эмигрантских кругов, бежал в Южную Америку.

Сообщению не поверили. Французская секретная служба начала нелегальное расследование. Сведения поступали самые противоречивые. Но появилась версия: генерал знал, что за ним охотятся агенты ОГПУ и предчувствовал, что с ним может что-то произойти. Агент по кличке Мадмуазель доносил своему начальству: «Получив предупреждение о том, что готовится его похищение, генерал Кутепов обратился в префектуру полиции с просьбой взять его под охрану. Однако человек, которому префектура поручила организовать охрану Кутепова, был подкуплен большевиками. За две недели до похищения охранников из полиции заменили агенты ОГПУ и члены русского Союза возвращенцев».

Поступило также донесение, что на пустынной улице на генерала напали двое неизвестных, затолкали его в машину, сделали ему наркотический укол. И генерал скончался от сердечного приступа в машине — сказалась старая рана, полученная в грудь. Труп его увезен из Парижа в один из портов и отправлен в СССР на пароходе.

За расследование взялся известный эмигрант, видный деятель партии эсеров, разоблачитель знаменитого провокатора Азефа В. Бурцев. Он объявил в газете «Общее дело» вознаграждение в 500 тысяч франков за получение правдивой информации. Через некоторое время появились итоги расследования Бурцева: «Генерал Кутепов убит большевиками. Труп его увезли из Франции не морским, а сухопутным путем». По версии Бурцева, мертвого Ку-

тепова с помощью немецких и французских коммунистов перевезли в Германию, затем переправили в Москву и там сожгли».

Французская секретная служба не спешила с выводами. Неожиданно поступило сообщение, что генерал может быть жив. Один из агентов доносил:

«Генерал насильно содержится в заброшенном доме в 25 километрах к югу от Парижа, где подвергается пыткам».

Нашелся и свидетель, который дал показания. Некий Стейметц, уборщик клиники, в тот день вышел из здания, чтобы выбить ковер. Улица была пустынна. Но Стейметцу почему-то показалось подозрительным, что неподалеку около автомобиля два дюжих молодых человека что-то ждали с деланно безразличным видом. Но на углу он увидел полицейского и успокоился.

Через некоторое время Стейметц снова вышел на улицу и увидел, что эти двое затаскивают в автомобиль человека, который оказывает им отчаянное сопротивление. Стейметц хотел поднять тревогу, но тут к автомобилю подскочил полицейский. К удивлению Стейметца, он помог этим двоим втолкнуть пожилого человека в машину и сам вскочил в нее. Все произошло в считанные секунды. Автомобиль рванул и скрылся за углом. Ни о чем больше Стейметц рассказать не мог.

Собрав еще ряд сведений, французская спецслужба пришла к выводу, что похищение Кутепова — дело рук ОГПУ. Об этом в секретных документах службы говорится так: «Похищение генерала Кутепова было осуществлено группой из семи человек. Двое его участников — французские коммунисты». И скорее всего Кутепова уже нет в живых.

Но охваченная горем жена генерала твердила, что ее муж жив.

ТРУП КРАСИВОЙ ДЕВУШКИ

— Вот этот дом, господин комиссар, — осведомитель по кличке Мадмуазель, прозванный так за свой тоненький, почти девичий голос, раздвинул кусты и показал пальцем на ветхое громоздкое строение на поляне.

— Что это за руина? — шепотом спросил комиссар. — Повтори еще раз.

— Бывший дом лесника, — также шепотом ответил Мадмуазель. — Давно заброшен. По моим наблюдениям, коммунисты здесь свили свое гнездо. И похищенный Кутепов может быть здесь.

— Вперед, ребята! — отдал команду комиссар.

И тотчас два десятка агентов в штатском бросились к дому. Навстречу им из окна раздались выстрелы.

* * *

Признаться, Люсьена в глубине души боялась находиться одна в этом заброшенном, со скрипучими полами и обвисшими потолками доме. Ей казалось, что какие-то страшные призраки таятся в темных углах ветхого строения. Но умом она понимала, что никаких призраков на свете не существует, все это — предрассудки буржуазного общества, которые она, как коммунистка, полностью отвергала. К тому же для нее, молодой коммунистки, только что принятой в партию, это было первое серьезное партийное задание. Ей было доверено участвовать в ответственной операции по похищению белогвардейского генерала Кутепова.

— Товарищ Люсьена, — сказал ей один из братьев Онель, — ты должна находиться в этом доме неотлучно. Сюда мы можем привезти похищенного генерала, чтобы потом советские товарищи могли переправить его в Союз для допросов. Во всяком случае таков один из вариантов этой операции. Слегка приберись здесь, натопи помещение. Учти: я доверяю тебе тайну чрезвычайной важности. Но я верю в тебя.

— Спасибо, товарищ Онель, — ответила она. — Служу партии.

— Можешь идти.

Она повернулась к двери. Он игриво шлепнул ее по заднику. Она, обернувшись, улыбнулась ему. Она была любовницей сразу обоих братьев Онель, членов их партийной организации. И это тоже был ее вызов буржуазной лживой морали. Так она провела одна в заброшенном доме целые сутки, день и ночь 26 января. Здесь было не только неуютно и страшно, но и очень холодно. Она топила полуразрушенную печь, боясь пожара. Прибралась, насколько смогла. Ждать было мучительно. Прошли вторые сутки. Никто не появлялся. Она с беспокойством думала, что операция, вероятно, сорвалась. Вероятно, Кутепова похитить не удалось.

И вот на исходе третьего дня из окна второго этажа Люсьена увидела вдали, за деревьями, где проходила проселочная дорога, огни автомобильных фар.

«Везут генерала, — обрадовалась она. И тут же с беспокойством подумала: — А вдруг это лягавые?»

Она спустилась на второй этаж, прильнула к мутному окну, сжав револьвер. Ждать ей пришлось довольно долго...

Но вот кусты зашевелились, и на поляну высыпала группа людей в шляпах, в штатском. Сердце ее оборвалось. Полиция! Подняв револьвер, она начала стрелять.

* * *

Газета «Последние новости» от 30 января 1930 года: «Сведения о том, что генерал Кутепов похищен, но жив и укрыт похитителями под Парижем в лесу, в покинутом доме, к сожалению, оказались ложными. Полиции действительно удалось отыскать такой дом в 20 километрах от Парижа. И это ветхое брошенное строение действительно используется французскими коммунистами как одна из их тайных явок. Но генерала Кутепова здесь не оказалось. Зато в доме оказалась красивая молодая девушка, которая открыла стрельбу из револьвера по агентам и ранила двоих из них. В завязавшейся перестрелке она (увы!) была убита, что является очевидным промахом полиции.

Труп этой молодой красивой девушки опознать пока не удалось. Есть предположение, что она являлась французской коммунисткой, входившей в одну из боевых групп компартии.

Но совершенно очевидно, что французские коммунисты были лишь помощниками советских агентов по похищению генерала Кутепова. Все это лишь одно из свидетельств той государственной политики, которую проводит СССР. Западные цивилизации не должны иметь дипломатических отношений с государством-террористом, угрожающим безопасности всего мира. Сталину нельзя доверять ни в чем, этот тиран не имеет ничего общего с человеческой моралью».

ВРАГИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Глубокой ночью Иосиф Виссарионович Сталин просматривал переведенную для него сводку откликов западной прессы на похищение Кутепова. Подчеркнул фразу: «Сталину нельзя доверять ни в чем, этот тиран не имеет ничего общего с человеческой моралью». Усмехнулся.

Он, величайший человек на земле, давно открыл для себя и усвоил: мораль — это то, что служит великому делу революции, коммунизму, благу большинства народа. Поэтому враги этого великого дела — вне морали. И не только

враги реальные, сегодняшние, но и потенциальные, которые завтра могут стать таковыми. Он тоже открыл для себя эту категорию — потенциальный враг. И видел в такой категории особую опасность. К примеру, генерал Кутепов был открытым врагом и потому подлежал просто уничтожению. А вот скрытые, потенциальные враги могли быть не в Париже, не в белогвардейском лагере, а рядом — в Москве, в партии, в органах, в армии, повсюду. Все, кто думал иначе, не разделял с ним его сталинскую мораль, могли со временем стать его потенциальными врагами, и идейно это было тоже очень опасно.

Что касается Кутепова, то первоначально Сталин пришел в ярость, узнав, что генерала доставить живым в Москву не удалось. Но быстро остыл, ведь главное было сделано.

Теперь, когда дело было сделано, всей советской дипломатии на Западе надлежало вести негодующую и последовательную кампанию: мы, мол, отвергаем лживые утверждения буржуазной печати, обвиняющие СССР в терроризме. Настоячиво внедрять в печать мысль: генерал Кутепов, украв крупную сумму белогвардейских денег, скрылся где-то в Южной Америке.

А вот те, кто задумал и провел операцию — в первую очередь, конечно, Артузов и Пузицкий, — должны быть поощрены. И надлежало присмотреться к ним внимательнее. Кто они такие, особенно Артузов?

ОН НАЧИНАЛ С ВОЛОГДЫ

Артур Христианович Артузов, много лет возглавлявший контрразведывательный отдел ВЧК—ОГПУ, очень любил поэзию. Особенно Блока, Брюсова и, чего уж там греха таить, поэтов-эмигрантов: Бальмонта, Северянина. Конечно, прекрасно понимал: они — классово чуждые лица. Но имел такую душевную тайную слабость — любил их стихи. И даже иногда использовал в качестве шифровок в своей профессиональной работе. Так стало и с северянинским стихотворением о Париже, напечатанным в эмигрантской газете «Последние новости» 26 января 1930 года, к чему Игорь Северянин не имел ни малейшего отношения.

Просто это стихотворение очень понравилось Артузову, а публикация его содержала шифровку, означавшую: начата операция по похищению генерала Кутепова.

Вологда. Вид на Софийский собор

Обелиск в честь основания
Вологды

Спасо-Прилуцкий монастырь.
Могила К. Н. Батюшкова

Не здесь ли в Вологде спрятана легендарная библиотека
Ивана Грозного?

Посещение Иоанном IV строительства
Успенского Собора (Святой Софии)
в Вологде.
Худ. М. В. Копьев и А. И. Савин

Преподобный Кирилл
Белозерский. Дионисий
Глушицкий. 1424 г.

Кирилло-Белозерский монастырь.
Вид на Успенский собор и Сиверское озеро

С. А. Боборыкина

Петровский завод. Дамская улица —
построенная женами декабристов.
Акварель В.П. Ивашева

♀ История

Известного Романа Медокса
вида Медокса XIV пришел с собой
новый ошметток мекки его
редчайшим образом с совершен-
нейшей добротой и по на-
добности снабдил муромом
всего в 2 дня с начала
поиска и

Фальшивка Романа Медокса
о причастности к масонскому
заговору декабристов

Невеста.

Баллада.

(автограф С. А. Боборыкиной)

Был утро, небо ясно
всех блестящих сажах зор,
И над изгородью изгородь
Много на облати, не зор,
И пернатая птица
Где-то зрится птица,
И цветы в саду
Вот утренний пестрый;
И красавец павлин востал,
Взошел на далеки пестры,
Тут же павлин изгородь
Возвращается ругей,
И над ним трепещут все;
А в дождь, сего и павлин,
И оттого до села
По тропинке дошла,
И восток с дождицей, дорогой
Путники встретились восток:

Автограф стихотворения
Платона Волкова, посвященного
С. А. Боборыкиной
(начало стихотворения)

Мария Казимировна Юшневская.
Акварель Н.А. Бестужева

Мария Раевская.
Рисунок А.С.Пушкина

Екатерина Карамзина

Евдокия Голицына

Каролина Собаньская

Елизавета Ксавьерьевна Воронцова. Акварель
П.Ф. Соколова

Таким увидел Гурзуф Пушкин

А.П. Керн. Акварель А. Деверо

Мария Раевская.
Миниатюра 20-х гг.

Генерал П.Д. Киселев

Софья Потоцкая (жена
П.Д. Киселева)

Александр
Раевский

Николай
Раевский

Генерал Н.Н. Раевский

Бахчисарай времен Пушкина

На старинном рисунке —
посвящение в масоны

Масонский знак —
во славу
человека

Церемония посвящения
женщин в масонскую
ложу. XVIII в.

Петр Алексеевич
Татищев

Масонские символы

Граф Калиостро

Река Вологда струит воды, как и во времена П.А.Татищева
и графа Калиостро

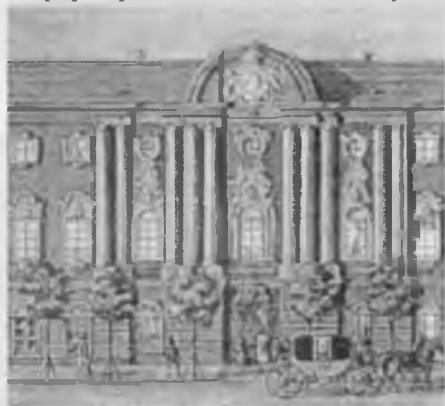
Фрагмент зарисовки В.Ф. Адлерберга — заседание Следственной комиссии по делу 14 декабря 1825 г. Второй справа граф Чернышев, военный министр

Декабрист
Захар Григорьевич
Чернышев

Сергей Григорьевич Голицын, внук Н.П. Голицыной, рассказавший Пушкину сюжет «Пиковой дамы»

Особняк Пиковой дамы

Вероятно, такой увидел
Н.П. Голицыну
пушкинский
Германн

Княгиня Наталья Петровна Голицына

Выстрел декабриста Каховского в
графа Милорадовича.
Рисунок А.И. Шарлеманя

М.А. Милорадович

Потомки графа Милорадовича на
Вологодчине. На снимке: рядом с
автором книги В.И. Ариным
С.Н. Милорадович, дочь Лариса и
жена Агнес фон Хеннинг. 1992 г.

С.М. Дельвиг (Салтыкова)
и А.А. Дельвиг. Портреты
сделаны в день свадьбы.
1825 г.

Алексей Вульф.
Рисунок А.С. Пушкина

Венера Таврическая

Петр Григорьевич
Каховский.
Миниатюра начала
XIX в.

Пелагья Георгиевна Ануфриева-Фомина (слева) — за ней ухаживал в вологодской ссылке Иосиф Джугашвили (Сталин)

Сталин — десять лет спустя после вологодской ссылки

Николай Бердяев

В этом доме в Вологде жил ссыльный Иосиф Джугашвили. Верхнее окно в центре — его комната

Вологда. Центр города в дни ссылки Сталина

Французское посольство в Вологде. В центре Жозеф Нуланс

Роберт Гамильтон Локкарт

Сидней Рейли

Помещичий дом в Осанове, где происходил «заговор трех послов». Не сохранился

Посольства покидают Вологду

Гостиница «Золотой якорь», отданная в 1918 г. для размещения послов

«Железная женщина» — баронесса Мария Будберг-Бенкендорф

Вид на заводской район Вологды. Начало XX в.

М.С. Кедров

С.В. Пузицкий

А.Х. Артузов с сыном

Париж 30-х годов,
из которого бесследно исчез генерал Кутепов

А.П. Кутепов

А.В. Сухово-Кобылин в молодости

Графиня Луиза Александровна Фалетан, дочь писателя, названная в честь погибшей Луизы Симон-Деманш

Дом А.В. Сухово-Кобылина на Страстном бульваре

Евгения Тур — графиня Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, сестра А.В. Сухово-Кобылина

Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина — Душенька — муза Николая Огарева.
Акварель
П.П.Соколова

В.А. Гроссман, оправдавший А.В. Сухово-Кобылина перед потомками

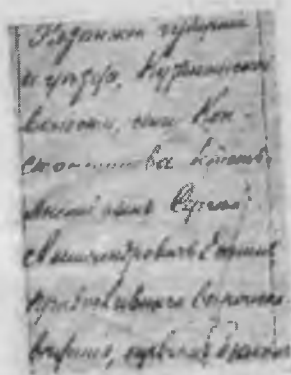
Таким был С. Есенин за несколько месяцев до женитьбы

Зинаида Райх с Татьяной и Константином Есениными

Сергей Есенин с сестрой Катей

Церковная запись о совершении таинства бракосочетания Сергея Есенина с Зинаидой Райх

Поэт Алексей Ганин

На этом месте стояла деревня Коншино, где родился поэт Алексей Ганин и справлял свадьбу Сергей Есенин

На афише
воспроизведе-
н скульп-
турный
портрет
Шаламова,
сделанный
Ф.Ф. Сучко-
вым

Варлам Шаламов. Фото 60-х гг.

Дом-музей Шаламова в Вологде

Александр Вампилов

В.П. Астафьев в день своего 55-летия. Автографы на память вологжанам

В селе Никольском, где провел юные годы Рубцов. Фото Д. Чеснокова

Николай Рубцов

Вологда. В центре Софийский собор, построенный Иваном Грозным

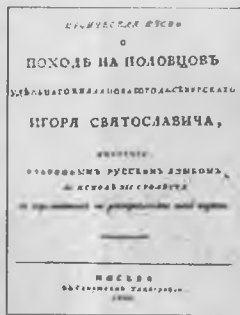
Людмила Дербина.
1968 г.

«В минуты музыки». Н. Рубцов. Худ. Е. Соколов

Александр Зимин

Титульный лист
первого издания
« Слова о полку Игореве »

А. И. Мусин-Пушкин

Василий
Клавдинский

Нина Андреевская перед свадьбой
с Кандинским (1913 г.)

Нина Кандинская-Андреевская
(1926 г.)

Когда эта газета поступила к нему в его московский кабинет на Лубянке, он, конечно, уже знал, что операция закончена. Но все равно с особым удовольствием перечитал знакомые строки:

Кабриолеты, тильбюри,
«Бери авто и тюль бери,
И то, что в тюле»... Я пари
Держу: так все живут в Paris...

Артузов отложил газету, прошелся по кабинету, всмотрелся, вспоминая прошлое, в портрет Дзержинского на стене. «Я ему не могу не верить...» Это так о нем сказал когда-то покойный Феликс Эдмундович, незабвенный «железный Феликс». И он оправдал доверие товарища Дзержинского. И вот теперь с уверенностью может сказать, что оправдал и доверие самого товарища Сталина.

Артузов перевел глаза на портрет Сталина на противоположной стене и произнес: «Иосиф Виссарионович, теперь вы тоже можете так сказать: «Я ему не могу не верить». И в том не было ни капли самовосхваления. Артузов знал: он сделал для советской власти в последние годы так много, как никто из чекистов. Он стал в стране чекистом номер один, хотя его имя должно было оставаться в тени. Так было нужно для пользы дела. Он не нуждался в славе. Целью его жизни было безраздельное служение революции. Революция давала ему силы, он побеждал всегда.

Он победил последовательно трех выдающихся, необычайно сильных врагов: великого террориста, писателя, интеллектуала Бориса Савинкова, гения авантюры английского супершпиона Рейли и вот теперь — блестящего царского генерала Кутепова. С каждым из них он вел свой поединок и каждый — выиграл. А как же все это начиналось?

* * *

Он был сыном швейцарца Христиана Фраучи, приехавшего в Россию в 1881 году с вполне мирной и полезной целью: готовить в этой стране прекрасные швейцарские сыры. И осел здесь. Женился на вологжанке Августе Дидрикиль, пышноволосой, со статной фигурой, в которой хотел видеть прежде всего хорошую хозяйку. Однако молодая жена имела свои, особого рода увлечения. В Вологде, где прошла ее юность, в те времена было немало политссыльных. И Августа Дидрикиль испытала их влия-

ние, посещала их вечеринки и чаепития и читала их книги. И не только она. У нее было еще три сестры — Ольга, Нина и Мария. И все они оказались связанными с революционерами. Ольга и Нина вышли замуж за известных большевиков — Михаила Кедрова и Николая Подвойского. А Мария впоследствии была секретарем председателя ВЧК Менжинского. Вот такая оказалась эта вологодская семейка Дидрикилей, такими выросли сестры.

Артур родился в 1891 году, он рос способным, умным мальчиком и с детства испытал не только влияние матери, но и «дяди Миши», то есть Михаила Кедрова. Дядя Миша в глазах Артура был легендарной личностью. О нем в семье Фраучи ходили легенды. Мать рассказывала сыну: дядя Миша необыкновенно талантлив. Он мог стать известным юристом, или популярным врачом, или прекрасным пианистом: он был одарен во многом. Но он выбрал одно — революцию. Получив огромное наследство, он передал его в фонд партии большевиков, скупил все оружие в оружейных магазинах Москвы и вооружил им боевые рабочие дружины, совершил немало подвигов, и его ищет полиция. Артур преклонялся перед дядей Мишей. Так Михаил Кедров стал наставником юноши и повел его за собой в революцию. Артур Фраучи был одарен, он закончил с золотой медалью гимназию, блестяще учился в Петербургском политехническом институте, стал любимым учеником и помощником известного профессора Грум-Гржимайло. Он мог стать знаменитым инженером и ученым, но выбрал, как и Кедров, революцию, пошел в нее вслед за Кедровым.

И когда в 1918 году «советская ревизия» во главе с наркомом Кедровым прибыла в Вологду для укрепления революционного порядка, то ее секретарем значился молодой Артур Фраучи. Так что он начинал свою деятельность в Вологде. И здесь было сделано многое для утверждения советской власти.

А затем была работа в ВЧК. Он сменил швейцарскую фамилию Фраучи на русскую, понятную для коллег, — Артузов. И сначала участвовал во множестве успешных операций чекистов, а затем возглавлял их, проявлял незаурядный ум, изобретательность, неожиданность и оригинальность решений. Пожалуй, самой знаменитой из них стала операция «Трест». Она была проведена блестяще.

Но был такой момент, когда этот дьявольский хитроумный замысел Артузова мог провалиться. Ведь специальная посланница генерала Кутепова Мария Владиславовна Захарченко-Шульц, прибыв в Россию, сумела проникнуть

в чекистский план Артузова и, в ужасе от узнанного, бросилась назад, к границе, чтобы скорее оказаться за кордоном, в Париже, у Кутепова. Чтобы успеть предупредить Кутепова: «Трест» — это детище Артузова.

УБИТЫ В ПЕРЕСТРЕЛКЕ

Мария Владиславовна и ее спутник — офицер Вознесенский — пробираются лесом к польской границе. Уже недалеко.

Вся эмиграция содрогнется, когда узнает о том, что узнала она, посланница генерала Кутепова. Все поймут, что такое «Трест» и кто такой Артузов. И генерал Кутепов сумеет еще многих и многое спасти от неизбежной гибели. Только бы скорее добраться до границы. И вроде бы из чекистских сетей они уже ускользнули. За спиной осталось все: погоня, перестрелки.

Мария Владиславовна Захарченко-Шульц была женщиной известной всей России. Она умела бороться. Даже в книге советских авторов Г. Гладкова и Н. Зайцева «Я не могу ему не верить» (М., 1986 г.), о ней говорится так: «Мария Владиславовна Захарченко-Шульц была личностью сильной и незаурядной. В германскую войну она добровольцем ушла на фронт, за безудержную, отчаянную храбрость была награждена Георгиевским крестом и произведена в офицеры. После революции оказалась в белой армии. Первый ее муж, офицер, погиб на Гражданской войне. В эмиграции эта, до фанатизма преданная монархической и «белой идее», женщина стала доверенным лицом генерала Кутепова, которого боготворила как единственного спасителя России».

Эта женщина могла сыграть поворотную роль в борьбе Кутепова с Артузовым, с Лубянкой. Но не судьба...

Беглецы вышли на опушку леса. И из высоких трав навстречу им поднялась цепь красноармейцев с винтовками наперевес. И группа штатских впереди, чекисты. И резкий голос скомандовал:

— Сдавайтесь! Мы сохраним вам жизнь!

— Живыми нас не возьмете! — выкрикнула Мария Владиславовна, вскинула руку с револьвером и начала стрелять в тех, в штатском... Она стояла во весь рост, гордо, не прячась.

И тогда грянули ответные выстрелы. Мария Владиславовна и ее спутник были убиты на месте.

Генерал Кутепов так ничего и не узнал...

ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ

Артузов расхаживает по своему кабинету и думает: «А все-таки жаль, что тогда не взяли живьем эту Захарченко-Шульц. Но, правда, теперь это уже особого значения не имеет. Попался Савинков, попался Рейли, вот теперь попался и Кутепов. Это большая победа».

Она потребовала многих сил и нервов. Он давно шел по следам Кутепова, подбираясь к нему. Он считал генерала на сегодняшний день самым опасным врагом советской власти и потому вынес Кутепову свой приговор.

Артузов изучил повадки, привычки и характер генерала. Хорошо знал его биографию...

Теперь, когда эта биография закончилась, можно еще раз мысленно вспомнить ее. Итак, Кутепов Александр Павлович родился в 1882 году в Череповце в дворянской семье. Рано осиротел. Воспитывался в семье череповецкого лесничего. Закончил Архангельскую классическую гимназию, затем — Петербургское юнкерское училище. В дальнейшем — служба в царской армии. Служил в знаменитом лейб-гвардии Преображенском полку и был последним его командиром. Участник японской и германской войн, трижды ранен. После разгона революцией Преображенского полка оказался на Дону вместе с Корниловым, Алексеевым и Деникиным, формировал Добровольческую армию для борьбы с советской властью. При Деникине, а затем при Врангеле занимал видное место в белой армии — командовал корпусом. После поражения в Крыму, в Турции, на Галлипольском полуострове, сумел создать военный лагерь, переформировать остатки белых сил. перебравшись в Париж, после смерти Врангеля, возглавлял «Русский общевойсковой союз» — РОВС. Цель РОВСа — сохранение и воссоздание белой армии, готовой в удобный момент к походу на советскую Россию. К советской власти совершенно непримирим. Имел единственную цель — свержение большевиков. И потому должен был умереть. И умер.

И Артузов, расхаживая по кабинету, торжествует свою новую победу. И, глядя на портрет Сталина, думает: «Побеждать врагов, используя любые методы, я учился у вас, товарищ Сталин. Но иногда совесть мучает меня. И я начинаю сомневаться...»

СЕВЕРЯНИН И СТАЛИН

Через семь лет после похищения генерала Кутепова точно так же был похищен его преемник на посту главы РОВ-Са Миллер. Тот самый Миллер, который когда-то, в 1918 году, возглавлял антибольшевистское правительство в Архангельске. Чекисты похитили его с помощью завербованных ОГПУ генерала-предателя Скоблина и знаменитой певицы Плевицкой. Той самой Плевицкой, которая была «соловьем» старой России, пела перед императорским двором и в свиту страстных поклонников которой входил вологодский поэт Николай Клюев, писавший в честь ее восторженные гимны. В 1942 году она умерла во французской тюрьме...

Есть версия, что Миллер был взят живым, переправлен на пароход «Мария Ульянова», который немедленно взял курс от берегов Франции к СССР. Но Миллер все же не попал живым на Лубянку; он скончался на пароходе от сердечного приступа...

* * *

— Игорь Васильевич, — окликнул на улице Северянина полковник Энгельгардт. — Сколько лет, сколько зим... Что нового? Слышали, что похищен Миллер?

— Конечно, это прискорбно, — ответил Северянин, — но я политикой не занимаюсь.

— Увы, боюсь, как бы вас не втянули в нее поневоле, — сказал Энгельгардт. — Поберегитесь. А я, Игорь Васильевич, хочу с вами попрощаться. Еду в порт, отплываю через час... ну, короче говоря, в другую страну, нейтральную. Бегу, спешу раствориться, исчезнуть, скрыться, ибо у меня есть нехорошие предчувствия о том, что ожидает Эстонию. И не только Эстонию.

— Что вы имеете в виду, полковник? У вас есть какие-то сведения?

— У меня есть только личные сведения. Могу вам признаться, Игорь Васильевич, ОГПУ пыталось завербовать меня. Меня, полковника свиты его императорского величества! Конечно, я это отверг. Но они обложили меня, я прекратил свою политическую деятельность, меня нейтрализовали. Я даже слова сказать боялся.

— Но почему? Вы же смелый человек, офицер!

— Эх, Игорь Васильевич, наивная душа. Я знаю, что у вас возникла симпатия к СССР. Действительно, красная Россия стала великой страной, ведомой великим чело-

веком — Сталиным. А какая у них разведка! Великолепная, сильнейшая в мире. Но есть и обратная сторона медали. Действия любых спецслужб зачастую аморальны. Но того, что происходит в СССР, никогда не бывало. Сталин не щадит не только врагов, он уничтожает и своих. У меня есть сведения — в СССР ждут массовых репрессий. Притом и в органах. Уничтожается поголовно чекистская гвардия.

— А вы не ошибаетесь?

— Рад бы был ошибиться. Но я исчезаю, ибо Эстония, где мы с вами прожили спокойно последние годы, безопасность уже гарантировать не может... Берегите себя, Игорь Васильевич. Вы, ваш талант нужны России.

* * *

Когда Красная Армия вступила в Эстонию, Игорь Северянин, изысканнейший эстет, культивировавший в русской поэзии «язык маркизы Помпадур», в растерянности, в страхе, в болезненном состоянии напишет немало стихов в честь СССР, в честь Сталина.

Наш дух навсегда овесенен.
Мы верим в любви торжество.
Бессмертный да здравствует Ленин,
И Сталин — преемник его!

Простим поэта. Это — уже трагедия. В этих стихах — уже приближающаяся смерть Северянина, но лучшие его стихи, эстетские, изящнейшие, никогда не умрут...

В 1941 году, когда надвигалась новая опасность и немецкие войска подходили к Таллину, поэт в страхе, что ему придется отвечать за восхваления Сталина, тщетно в телеграмме умолял Калинина эвакуировать его из Таллина. Но он был никому не нужен.

Он умер от сердечной недостаточности в оккупированном Таллине, больной, несчастный.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ

И все же существует историческая загадка: почему Артузов и ВЧК—ОГПУ одерживали такие блестящие победы над выдающимися противниками? Конечно, им помогали вера в революцию и справедливость своего дела, ум, самоотверженность, смелость. Но это — одна сторона медали. Другая сторона — чудовищная вседозволенность, способность на такие методы и поступки, на которые не были способны их противники.

Это касалось, конечно, и Артузова. В личном, бытовом плане он, как и Кедров, являлся человеком честным, совестливым, порядочным, одаренным. Но в своей чекистской деятельности он становился человеком жестоким, коварным, изощренным, аморальным.

Ведь его знаменитая операция «Трест» насквозь аморальна, в ней используется сталинский метод борьбы и уничтожения не только очевидных врагов, но и «потенциальных противников». На чекистские деньги в «Трест» вовлекали не только тех, кто боролся с большевиками, но и тех, кто проявлял склонность к этому. То есть людей вовлекали в борьбу, чтобы их уничтожить. На подобное не были способны даже террорист Савинков и авантюрист Рейли; потому они попались на удочку Артузова, были заманены в Россию и уничтожены.

А похищение Кутепова в центре столицы страны, с которой СССР пытался установить хорошие отношения? Это же — совершенно циничный террористический акт, отрешиваясь от которого, советское правительство вынуждено было лгать всему миру.

И это скрывалось долгие годы. Лишь в 1965 году в газете «Красная звезда» об этом было сказано как о подвиге чекистов. В статье восхвалялся заместитель Артузова, непосредственный исполнитель ряда чекистских операций Пузицкий. В ней говорилось: «Комиссар государственной безопасности 2-го ранга Сергей Васильевич Пузицкий участвовал не только в поимке бандита Савинкова и в разгроме контрреволюционной монархической организации «Трест», но и блестяще провел операцию по аресту Кутепова». То есть похищение и убийство генерала были названы «арестом».

Все это до поры до времени приносило свои успехи. Но постепенно вело к гибели и исполнителей, и организаторов, и вдохновителей, и всей системы. Что и произошло. СССР имел блестящую контрразведку. Но чем все это кончилось?

Вся чекистская верхушка постепенно была уничтожена сталинским террором. Допустивший какие-то сомнения и потому сам ставший «потенциальным врагом», объявленный шпионом, истерзанный пытками Артузов перед расстрелом написал кровью на стене своей камеры: «Каждый честный коммунист должен убить Сталина».

ТРУП ЗАЛИЛИ ЦЕМЕНТОМ

Но что же стало с генералом Кутеповым тогда, 26 января 1930 года? Есть несколько версий на этот счет. Об одной из них рассказала в 1990 году «Литературная газета» в корреспонденции из Парижа своего спецкора Кирилла Привалова.

Эта версия такова: по словам независимого французского историка Жана Элленстайна, с которым беседовал К. Привалов, к нему обратился старый французский коммунист Морис Онель. Онель сказал, что он чувствует приближение смерти, потому что болел неизлечимой болезнью. И хотел бы перед неминуемым концом облегчить душу чистосердечным признанием. По словам Онеля, ему известна тайна похищения и убийства генерала Кутепова. В этом преступлении помощь чекистам, как он свидетельствует, оказали французские коммунисты. В том числе брат Онеля, переодетый в форму французского полицейского. Вместе с чекистами участники похищения выследили генерала на пустынной улице, набросились на него и затолкали в машину.

«По словам Онеля, Кутепов — человек смелый и сильный — оказал агентам такое сопротивление, что они не смогли вести машину. Тогда брат Онеля заколол генерала ножом. Программой это предусмотрено не было. И в страхе возмездия из Москвы убийцы ринулись в дом к брату Онеля. Там, в парижском пригороде Леваллуа-Перре, тело Кутепова сначала спрятали в гараже, а потом Онель открыл яму и тут же, в гараже, залил труп цементом («Литературная газета», № 37, 1990).

Ныне провести расследование и вскрыть цементную могилу генерала невозможно, это место застроено многоэтажными зданиями.

Но очевидно одно — генерал Кутепов из русской истории не «исчез бесследно».

ДЕЛО СУХОВО-КОБЫЛИНА И ГРОССМАНА

В этом очерке имя выдающегося русского драматурга А.В. Сухово-Кобылина поставлено рядом с именем литературоведа и писателя В.А. Гроссмана (1887—1978), разумеется, неслучайно. Их объединяет общее «дело». О Гроссмане я не раз писал и лично хорошо знал его. Но начну с Сухово-Кобылина.

* * *

Когда я читал впервые книгу В. Гроссмана «Дело Сухово-Кобылина», мне казалось, что это не только серьезное исследование, но и своего рода детектив. В нем есть и убийство и необычное расследование его. И судьбы, и тайны необычных личностей.

Как описывает Влас Дорошевич, в одном из парижских ресторанов (шла весна 1841 г.) к двум посетительницам, пожилой, увядшей, и юной, хорошенькой, обратился иностранец, молодой человек, самоуверенный, представительный, безукоризненно говоривший по-французски. Он сказал, глядя на юную мадмуазель: «Позвольте мне, чужестранцу, предложить тост за французских женщин». Тост ему было поднять дозволено, завязался разговор, и вскоре юная француженка, совершенно непосредственное создание, с доверчивостью пожаловалась молодому иностранцу, что она никак не может найти себе в Париже подходящую работу. Он сразу принял горячее участие в ее положении и посоветовал: приезжайте к нам в Россию, у нас можно очень недурно устроиться. И предложил на дорогу тысячу франков.

Через год француженка Луиза Симон-Деманш приехала в Москву и поступила модисткой в ателье на Кузнецком мосту. Здесь она и встретилась вновь со своим щедрым знакомым. Молодого человека звали Александр Васильевич Сухово-Кобылин. Он был действительно влюблен в

прелестную француженку. Он действительно испытывал к ней чувство, которое в старину называли страстью. Луиза бросила ателье на Кузнецком мосту. Сухово-Кобылин сначала увез ее в свое имение, а потом снял квартиру в Москве — из нескольких комнат со всей обстановкой — и отрядил четверых своих дворовых для услужения возлюбленной.

О браке тем не менее речь не велась, ведь Луиза была из «простых». Семья Сухово-Кобылиных не принадлежала к высшей московской знати, но это была высокомерная, известная, богатая дворянская семья. В этом доме фамильная гордость (если не сказать спесь), убеждения крепостников по рождению и воспитанию сочетались с просвещенностью, культурой. А. Горелов в книге «Три судьбы» (Л.: Сов. писатель, 1976) пишет, что Сухово-Кобылин «до преклонных дней своей трагической жизни горделиво напоминал, что род его происходит от древнего боярина Андрея Кобылы, высоко чтил свою дражайшую матушку Марию Ивановну, способную, по свидетельству мемуариста, собственноручно надавать пощечин горничным и лакеям, а затем прилечь на диван с французским переводом философской книги Шеллинга...» Матушку драматург считал «одной из образованнейших женщин своего времени». Детей в семье обучали лучшие профессора Московского университета, в том числе и знаменитый Н.И. Надеждин. И вот Мария Ивановна (к тому времени уже вдова) решила завести роман с Надеждиным. И это было почти «нормой». Но Надеждин влюбился в старшую дочь Сухово-Кобылиных Елизавету, а она — в него. Мать и дочь оказались соперницами. Все это тоже еще не было особым скандалом. Скандалом явилось то, что Елизавета намеревалась выйти замуж за Надеждина. Но ведь он, по понятиям Сухово-Кобылиных, был ей «не пара», не то происхождение, не дворянин, сын дьячка. И Сухово-Кобылин «по-простонародному» (цитирую слова А. Горелова) избил Елизавету, брак не состоялся. Впоследствии Надеждин прославился тем, что, будучи издателем известного журнала «Телескоп», напечатал в нем «Философическое письмо» П. Чаадаева, за что журнал был закрыт, а Надеждин отправлен в ссылку, два года он прожил на Севере, в Вологде и Усть-Сысольске. А Елизавета вышла замуж, стала впоследствии довольно известной писательницей, с псевдонимом — Евгения Тур, ее прозу ценил в свое время даже Чехов.

Средняя дочь Сухово-Кобылиных Софья также отличалась способностями, она стала художницей и первой из рус-

ских женщин-художниц была удостоена золотой медали Академии художеств.

Яркой личностью являлся и сам Сухово-Кобылин: оригинальный ум, обширнейшие знания, склонность к философии, тонкое понимание искусства. И все это сочеталось с грубым, эгоистичным, тяжелым характером.

Возвращаясь к его роману с Луизой Симон-Деманш, можно сказать, что здесь было чувственное увлечение, сексуальное, другого здесь быть не могло. Сухово-Кобылин превыше всего ценил философию, литературу, искусство. Луиза интересовалась в первую очередь гастрономией, нарядами, домом и т.д. Правда, это придавало ей в глазах Сухово-Кобылина свое очарование: женственна, покорна, без претензий...

Их связь длилась девять лет. В семье Сухово-Кобылиных все это прекрасно знали. И учитывая, что Луиза ни на что не претендует, относились к ней по-своему даже хорошо. У Сухово-Кобылина бывали за эти годы и другие романы. Он пользовался огромным успехом.

Луиза ревновала. Но смирялась. Ведь выбора у нее не было. Свое раздражение срывала на слугах. Появлялись у нее мысли о возвращении в Париж... Но все шло своим уже привычным чередом. Таковы были «дела семейные» накануне трагедии.

Но возникло еще одно обстоятельство. Современник событий, Е. Феоктистов пишет: «В это время в московском небе засияла новая звезда — Надежда Ивановна Нарышкина, урожденная Кноринг, которая многих положительно сводила с ума. Поклонники этой женщины находили в ней прелесть, на мой же взгляд, она далеко не отличалась красотой. Небольшого роста, рыжеватая, с неправильными чертами лица, она приковывала главным образом какой-то своеобразной грацией, остроумной болтовней и тою самоуверенностью и даже отвагой, которая свойственна так называемым «львицам». Н.И. Нарышкина страстно влюбилась в Кобылина, и в обществе уже ходили слухи об их интимных отношениях, а вскоре эти отношения перестали быть тайной для кого бы то ни было вследствие странного события: за одной из московских застав, недалеко от кладбища, мадмуазель Симон была найдена убитой. Кто совершил это преступление?

* * *

«9 ноября 1850 года. Пресненской части пристав Ильинский в докладной записке господину обер-полицеймейстеру до-

нес, что за Пресненской заставой, на Ходынском поле, найдено мертвое тело женщины неизвестного звания».

Это было тело француженки Луизы Симон-Деманш, возлюбленной Сухово-Кобылина, зверски убитой. Но кем убитой? Почему? Слуги утверждали, что Луиза ушла 7 ноября около девяти часов вечера из дома неизвестно куда и домой уже не вернулась.

Началось следствие. Возникло «дело». К следствию были привлечены все четверо слуг Симон-Деманш: возникло подозрение, что они находятся в сговоре, лгут и именно они — убийцы. Против них имелось немало улик. И вскоре слуги сознались — да, убили они... Симон-Деманш никуда не уходила и была убита в своей спальне. Причина убийства? Мсть — за дурное обращение с ними. Казалось, дело можно закрывать.

Но ни следователи, ни судьи, ни полиция не были заинтересованы в окончании дела. Ведь взяточничество для этих «слуг государственных» было основным доходом, смыслом и средством их существования, со дворовых взять было нечего, а вот Сухово-Кобылин — другое дело, богат... Нет, в убийстве открыто его не обвиняли. Но «подозрение» о причастности к убийству на него было возведено. «Дело» сознательно запутывалось, слуги Симон-Деманш, почувствовав, что есть лазейка, отказались от своих показаний... Сухово-Кобылин попал в хитро расставленные тенета. Его дважды арестовывали. Он негодовал, взывал к справедливости, обличал. Но все же был сломлен и вынужден был в конце концов... давать взятки, давать, давать... А «дело» обрастало новыми «подозрениями», оно тянулось более семи лет. «Корыстолюбие судебных и полицейских властей, почуявших, что тут можно хорошо пожить», по словам историка литературы С. Венгерова, привело к тому, что Сухово-Кобылин был «накануне Сибири». И сам потом признавался, что сгнил бы «где-нибудь в Сибири», не будь у него денег и связей. Лишь весной 1858 года решением Государственного совета при личном вмешательстве императрицы и при личной резолюции Александра II Сухово-Кобылин был оправдан.

Итак, оправдание. Сухово-Кобылин писал с волнением: «Вот она, свобода! Приветствую тебя, чудное создание...» И все же на его имя легло пятно. В свете нет-нет да и возникали слухи о виновности Сухово-Кобылина. Возникла даже версия, что он в припадке гнева сам убил любовницу ударом канделябра, а потом подговорил слуг вывезти тело за город...

Так что же было на самом деле? Вопрос далеко не уголовный, речь идет об облике человека, ставшего крупным русским писателем.

Сухово-Кобылин тяжело переживал убийство возлюбленной. Свидетель этого Феокистов пишет: «Этот суровый человек рыдал, как ребенок, беспрерывно повторялись у него истерические припадки, он говорил только о ней...»

Сухово-Кобылин создал целый культ памяти Луизы Симон-Деманш, каждый год скорбно отмечая дату ее смерти. Единственную свою дочь он назвал Луизой в честь убитой. Портрет Симон-Деманш постоянно висел в его кабинете. А его дневник весь наполнен воспоминаниями о ней.

Другая свидетельница трагедии — Н.И. Нарышкина — вскоре уехала во Францию. Впоследствии она связала свою судьбу с другим Александром — со знаменитым Александром Дюма, много значила в его жизни, о чем довольно подробно рассказывается в книге Андре Моруа «Три Дюма».

* * *

Шли годы. Уже в советское время, в тридцатые годы профессор В.А. Гроссман, живший тогда в Москве, решил попытаться установить истину в «деле» драматурга. Виктор Гроссман был известным адвокатом и литературоведом. Правда, к этому времени он уже оставил юриспруденцию и полностью посвятил себя литературе. Занимался Пушкиным, помогал В.В. Вересаеву в подготовке его знаменитых трудов «Пушкин в жизни» и «Спутники Пушкина», являлся автором ряда литературоведческих работ, читал курс русской литературы и теории драмы в ГИТИСе. И кроме того был профессором права. Дело Сухово-Кобылина как раз нуждалось в таком человеке, сочетавшем в себе литературоведа и юриста.

Гроссман обратился к архивам. И вскоре выяснилось — основные документы, подтверждающие виновность или невиновность Сухово-Кобылина, никому неизвестны. Их как бы и нет... Где же они? Гроссман, ничего существенного не найдя в архивах, обратился в Исторический музей.

— Спрашиваю я у хранительницы фондов, — вспоминал он об этом, — есть ли у вас дела московского обер-полицмейстера за 1850 год?

— Есть, — отвечает она.

— Покажите, пожалуйста, опись.

— Пожалуйста.

Листаю опись. И дух захватывает. Под номером «три» числится дело «О зарезанной временной купчихе Луизе Симон-Деманш». Вскоре мне принесли и само «дело» — три аккуратных тома, подлинные документы следствия, допросы, показания, материалы, писанные самим Сухово-Кобылиным. К ним все эти годы никто не прикасался...

В.А. Гроссман начал «расследование». Да, это было в полном смысле слова расследование, только обращенное в прошлое. Сличал версии, сравнивал показания свидетелей, уже давно безмолвных, но свидетельствовавших в старых бумагах. И вскоре он убедился: все эти версии, показания и прочее и прочее логично ведут к одному — к признанию повара Ефима Егорова, которое было сделано на допросе 20 ноября 1850 года. Вот в чем признался Ефим Егоров: «7 ноября, то есть во вторник ночью, под среду, часу в два с половиной ночи, убил он купчиху Луизу Ивановну Симон-Деманш на квартире ее... Участниками с ним были служившие у нее: человек помещика его Галактион Козьмин и девки Аграфена Ивановна и Палагея Алексеевна. Галактион переломал ей утюгом ребра, а он ударил кулаком по глазу и прирезал перочинным ножом, потом свезли на ее лошади за Пресненскую заставу и бросили в овраге за Ваганьковским кладбищем, салоп сожгли. Горло перерезано им, Егоровым, в овраге, а не на квартире, а дома только убили и задушили. Убил ее он потому, что она была злая и весьма капризная женщина. Много пострадало по ее наговорам людей, и в том числе бедная сестра его, Василиса Егорова, которую отдала замуж за мужика. Более никто в убийстве этом не участвовал».

В этом признании — полное объяснение всех обстоятельств происшедшей трагедии: кто убил (дворовые), почему убили (мечь), как тело Деманш оказалось в овраге за городом (вывезли на лошади и поспешно бросили). Следствию суда было не трудно установить истину. Но следователи и судьи не были в ней заинтересованы. Их интересовало одно — как бы замешать во все это Сухово-Кобылина и взять с него побольше. Повар Егоров сделал свое признание под пыткой и к тому же посчитав, что он попался и скрываться уже нет смысла, значит, только продлевать собственные страдания. Но вскоре выяснилось — есть смысл скрываться. К делу привлекают барина — Сухово-Кобылина. И повар Егоров отказался от собственного признания в надежде спастись, запутать обстоятельства. И неожиданно для него самого следователи стали как бы помогать ему... Возникло несколько версий.

В. Гроссман все проанализировал и решил — подозрение, возведенное на Сухово-Кобылина, абсолютно не подтверждается документами, а основано лишь на слухах, некоторых противоречиях в показаниях, мелких фактах, подтасовках следователей. Следователи использовали и вспыльчивый характер Сухово-Кобылина и его нежелание многое разглашать о Симон-Деманш...

Правда, могла вызвать подозрение некоторая странность поведения Сухово-Кобылина: он — стоило только Симон-Деманш исчезнуть из дому — сразу же забил тревогу, побежал в полицию, намекнул на возможность убийства... Странно? В какой-то мере — да. Но странность — еще не доказательство. Тем более что мы имеем дело со странной и сложной личностью. Далеко не все в поступках Кобылина можно логически объяснить. Странность его поведения, противоречивость его показаний — все это давало повод для подозрений, что и было использовано следователями.

Сухово-Кобылин унес с собой в могилу что-то тайное, недосказанное по отношению несчастной Луизы.

И все же, спустя многие годы, В. Гроссман с тщательностью юриста доказал — у следователей не было ни одного серьезного, документального обвинения против Сухово-Кобылина.

Чтобы полностью убедиться в своей правоте, В. Гроссман обратился к профессору-криминалисту Н.В. Попову с просьбой провести судебно-медицинскую экспертизу. Это было возможно, поскольку сохранилось подробное описание тела убитой с указанием всех телесных повреждений. Профессор Попов провел такую экспертизу. Экспертиза подтвердила показания Егорова. Телесные повреждения свидетельствовали: Луиза Симон-Деманш погибла оттого, что ее душили и били тяжелым предметом (это был утюг). Затем «для верности» ей перерезали горло. Ни о каком канделябре речи быть не могло. Беспристрастный, профессиональный анализ материалов следствия документально доказал — Сухово-Кобылин невиновен. Ведь, собственно, такое же решение в конце концов был вынужден вынести и суд.

* * *

Как бы то ни было, но происшедшая трагедия дала русской литературе выдающегося драматурга. Всего три пьесы написал он... Но какие пьесы... Это — неразрывное звено в русской драматургии между Гоголем и Булгаковым. Драматургия Сухово-Кобылина — наша классика.

А между тем он сам считал себя философом по призванию и случайным литератором. Взялся он за перо под впечатлением убийства возлюбленной, будучи «под подозрением», находясь в тюрьме. «Совершился перелом», — так он писал сам о себе. Возникло страстное желание трудиться, отвлечься, чем-то занять себя, все пересмотреть в своей жизни...

Так появилась «Свадьба Кречинского», пьеса, литературное произведение в полном смысле этого слова; она имела и имеет огромный успех на сцене. А вот уже «Дело» — не только пьеса, о чем автор прямо предупредождает «публику»: «Предлагаемая здесь публике пьеса «Дело» не есть, как некогда говорилось Плод Досуга, но, как ныне делается, Подделка литературного ремесла, а есть в полной действительности сущее из самой реальной жизни, с кровью вырванное «дело». Сухово-Кобылин не считал себя драматургом, с высокомерием он писал: «Я не говорю о классе литераторов, который так же мне чужд, как и остальные четырнадцать». Бывший «подозреваемый» завел «дело» на российские порядки, на всю несправедливую Россию. Им двигали месть и боль. «Великую месть всякой обиде, всякому беззаконию затаю я в сердце!.. Нет, не затаю — а выскажу ее всему православному миру!» «Дело» — есть общественное обвинение.

По своему жанру — это совершенно реалистическая пьеса. Но в то же время — это и фантазмагория. В реальную жизнь вторгается нечто фантастическое, мифическое, и эта жуткая фантастика, этот общественный миф становится зловещей реальностью. Невинная фраза наивной Лидочки: «Это была ошибка» — превращается бюрократическими судебными властями в «дело», несущее бесчестие и смерть, оно чем-то схоже с иррациональным, мертвым «процессом» Кафки. Конечно, пьеса возникла из самого «дела» Сухово-Кобылина, но автор в ней не защищался, а яростно нападал на ненавистный ему бюрократический аппарат власти, на чиновничество, «подлейшую чернь нашей страны». И следовал вывод: если в стране заведомо ложно арестуют, обвиняют и мучают невинного — значит, что-то ненормальное происходит со страной.

Не собираюсь подробно анализировать творчество драматурга, это — дело специалистов, а я не считаю себя специалистом. Но все же хочу обратить внимание на некоторые мысли и предвидения Сухово-Кобылина.

Драматург, как и Достоевский, показал нам: «маленький человек», которого защищала русская классическая литерату-

ра, получив власть, в определенных условиях самодержавия может быть страшен. Мы сочувствуем в «Свадьбе Кречинского» Расплюеву, маленькому, «встрепанному», он — «без фамилии», почти, как Тришка, — «нелицо». А получив власть, Расплюев в «Смерти Тарелкина» уже обретает злоешие черты:

«Все наше! Всю Россию потребуем». И далее: «Я всякого подозреваю, а потому следует постановить правилом — всякого подвергать аресту... Правительству вкатить предложение: так, мол, и так, учинить в отечестве нашем проверку всех лиц: кто они таковы? Откуда? Не оборачивались ли?»

Смех и ужас смешались в «Смерти Тарелкина». Ценой личных страданий Сухово-Кобылин увидел нечто большее, чем страшные обстоятельства своего «дела» — он увидел: Россия больна, понятия в ней пошатнулись, извратились.

Вот перед нами частный пристов Ох и «подозреваемый» купец Попугайчиков:

О х. Ну, веришь ли ты Богу?.. Веришь ли?

П о п у г а й ч и к о в. Верю.

И какой же вывод? Начали о Боге, что же дальше?

О х. Ну — то-то; я, братец, без хитростей: меньше ста рублей — ни копейки.

Оказывается, речь идет о взятке, об «узаконенной» подлости, даже еще с ссылкой на Бога.

Познав на самом себе всю чудовищность сложившегося бездушного бюрократического аппарата старой России, Сухово-Кобылин в ужасе закричал: «Богом, правдой и совестью оставленная Россия — куда идешь ты?»

Чуждый «классу литераторов», он тем не менее настойчиво, яростно, упорно добивался постановки «Дела» и особенно «Смерти Тарелкина», видя в этом свое общественное предназначение. А пьесы его запрещались и запрещались, писатель оказался в «пожизненном наморднике». Министр внутренних дел Валуев воскликнул, запрещая «Смерть Тарелкина»: «Сплошная революция!» Только в 1900 году в урезанном виде под названием «Расплюевские веселые дни» пьеса была сыграна в Суворинском театре в Петербурге.

Конечно, в драматургии Сухово-Кобылина не было ничего революционного. Умнейший и талантливейший человек, он тем не менее имел утопические взгляды: России, где марксизм уже завоевывал все новые и новые слои общества, он предлагал обновленное гегельянство. Стране, где всюду шел революционный процесс, он предлагал

обновленный, «разумный», «нравственный» монархо-аристократический строй. Он всего лишь два года не дожил до революции 1905 года. А события в стране нарастали. И только после свержения самодержавия, в 1922 году, полный текст пьесы прозвучал в постановке В.Э. Мейерхольда в экспериментальном театре ГИТИСа.

* * *

В советское время драматургическая трилогия Сухова-Кобылина была высоко ценима. Сухово-Кобылина часто ставили. Но, как это ни странно, версия о виновности драматурга всплыла снова. В 1927 году вышла книга Л. Гроссмана «Преступление Сухова-Кобылина», в которой автор ставил своей целью «пересмотреть традиционное мнение, признавшее Кобылина совершенно непричастным к преступлению...» Открыто обвиняя драматурга в убийстве Луизы Симон-Деманш, автор не исходил из первоисточников следствия, опирался на второстепенные материалы, на «общественную версию» и руководствовался «классовым» подходом: крепостник-помещик, мол, совершив преступление, откупился от судей, а всю вину свалил на беззащитных слуг.

В ответ на все это в 1936 году вышла книга В. Гроссмана «Дело Сухова-Кобылина», в которой на первоисточниках, на неизвестных доселе архивных материалах, подробно, убедительно говорилось о невиновности в преступлении великого комедиографа. В книге так же приводились материалы судебно-медицинской экспертизы профессора Н.В. Попова, воспроизводящие картину преступления.

Возник знаменитый спор двух Гроссманов, привлекавший к себе внимание широкой общественности. Об этом в 30-е годы много говорили и писали.

Любопытно, что в центральной печати появились даже эпиграммы. Вот как откликнулся на это, например, журнал «Крокодил»:

Запутался. Нет больше сил.
И выводы немногословны:
Не знаю, кто кого убил,
Но оба Гроссмана — виновны.

Или вот — другой пример:

Гроссман к Гроссману летит,
Гроссман Гроссману кричит:
«Гроссман, где нам пообедать?»

Как об этом нам проведать?»
Гроссман Гроссману в ответ:
«Знатный будет нам обед:
В чистом поле под ракитой
Труп француженки зарытый».

Сарказм эпиграммы очевиден, но общественность поддержала версию В. Гроссмана. Дочь Сухово-Кобылина прислала из Франции на имя В. Гроссмана благодарственное письмо и ряд ценных материалов из личного архива отца. В последующие годы большинство исследований: К. Рудницкий, Н. Милонов, И. Гликман, В. Соловьев, А. Горелов полностью придерживаются основных доводов, впервые высказанных в книге «Дело Сухово-Кобылина». Но никто из исследователей так подробно не исследовал «дело» драматурга, как это сделал В. Гроссман. В этом уникальность его книги и ее значимость.

Главным же в своей литературной работе Гроссман считал пушкинскую тему. Он, по его словам, являлся помощником В. Вересаева в подготовке его знаменитого труда «Пушкин в жизни» (был целый «штат» таких помощников) и С. Бонди в разборке и прочтении оригиналов пушкинских рукописей в Пушкинском Доме. «Мы с Бонди были первыми людьми в России, которые прочитали все рукописи Пушкина от первой до последней строки, — утверждал он с гордостью. И добавлял: — Пришлось и помучиться. Кое-что у Пушкина написано как курица лапой».

Готовил к изданию Виктор Гроссман и книгу своих этюдов о Пушкине. Книга была почти написана. И должна была стать сенсацией. В ней высказывалось несколько совершенно неожиданных и парадоксальных идей (Гроссман был «парадоксалистом» вполне сознательно и нарочито, создавая на этом себе имя). К примеру, он доказывал, что Татьяна Ларина никогда не любила Евгения Онегина, а Онегин, напротив, всегда любил Татьяну. В этом, мол, есть тайный подтекст Пушкина.

Логика Гроссмана была такова: любовь Татьяны к Онегину в деревне — «книжная», выдумка мечтательной зеленой девчонки в деревенском безлюдье. А Онегин, пресытившись любовью петербургских развратниц, как раз почувствовал, что его тянет к этому невинному, провинциальному существу, но было не в правилах столичного «камилльо» влюбляться, тем паче в сельскую простушку, и он «сыграл», «отверг», а сам, по существу, бежал от своей зарождавшейся любви. Но забыть ее так и не смог. И, увидев уже светской красавицей в Петербурге, пал к ее

ногам, объяснившись в любви, возникшей много лет назад. Но Татьяна уже замужем, ее муж — не стар (это долголетнее литературное заблуждение), он просто толст. Но ведь генерал. И она довольна, а ее «я вас люблю» — просто женское лукавство.

Такова вкратце версия Гроссмана. Его пушкинские этюды, будь они изданы, могли бы наделать много шума.

Но все это, в числе других рукописей, было уничтожено во время ареста, а сам Гроссман, приговоренный сначала к расстрелу, а потом «помилованный» и получивший срок в пятнадцать лет, попал в один из вологодских лагерей. Выжил, по амнистии после Победы вышел на волю, осел в Вологде (женился на воложанке, дочери своего лагерного приятеля). Был допущен к чтению лекций по литературе в Вологодском пединституте. И в лекциях опять принялся за свое: мол, Татьяна не любила Онегина.

И последовал донос кого-то из благодарных слушателей: мол, искажает русскую литературу. И последовал, как я уже говорил, второй арест.

«И первый вопрос, который мне задал вологодский следователь, — вспоминал Гроссман, — был такой: «Правда ли, что вы утверждаете, будто Татьяна Ларина не любила Евгения Онегина?» И я чистосердечно признался в этом».

Так было заведено новое дело на В.А. Гроссмана, и он опять попал в лагерь...

В лагере за Татьяну Ларину он пробыл до хрущевских времен, когда уже был «полностью реабилитирован».

И вот что более всего поразило меня в его лагерных рассказах: он, может быть, и выжил благодаря Пушкину. Его пушкинские рассказы по вечерам в лагерном бараке пользовались у эков, как он мне говорил, огромной популярностью. Рассказчику в бараке создали самые «льготные» условия, в конечном итоге его устроили на «выгоднейшую» должность — кипятильщика (должен был кипятить огромный чан для чая в особом помещении и таким образом был избавлен от лесоповала). Ему даже достали бумагу и чернила: «Пишите. Про Пушкина». Так Пушкин ему помог, Пушкин его и спас...

Выйдя из лагеря и уже навсегда поселившись в Вологде, он написал роман о Пушкине «Арион». Роман был издан «Советским писателем», но успеха не имел. Для меня знакомство с В.А. Гроссманом человечески и литературно значило много.

ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

О вологодской свадьбе Сергея Есенина и Зинаиды Райх я писал подробно, напечатал в 1991 году в газете «Русский Север» документальную повесть «Ты у меня в груди». Но время вносит свои дополнения и поправки, и, возвращаясь к теме, я в чем-то повторюсь, а что-то скажу впервые.

Главным автором этой темы по праву считается наш земляк — вологжанин, впоследствии ленинградец Н. Н. Парфенов, он исследовал все подробности пребывания Сергея Есенина на вологодской земле. А о вологодской свадьбе поэта писали его дочь — Т. Есенина, П. Ройзман, С. Куняев, М. Свирская и другие. Мною используются их материалы. Для меня все это стало как бы частью и моей души.

Я часто, проделав шестикилометровый путь от Вологды, прихожу в это место, которое вологжане называют «Кирики-Улиты». Здесь был храм, где в 1917 году Сергей Есенин венчался с красавицей Зинаидой Райх. И шафером у них был другой поэт, вологжанин Алексей Ганин. Храм уничтожили в пятидесятые годы. Но память осталась. Ныне в этом месте установлен памятный камень, на мраморной доске которого такие слова: «Здесь стояла церковь свв. Кирика и Иулиты в селе Толстикове, где 30 июля ст.ст. 1917 г. венчался поэт Сергей Есенин с Зинаидой Райх».

Старые березы, видевшие Сергея Есенина и его невесту, изогнулись, приняли странные формы. Но они помнят поэта. И старинные черные кресты на кладбище, наполовину ушедшие в землю, тоже помнят...

И с жестокой очевидностью приходит мысль: у всех трех участников венчания — жениха, невесты и шафера — судьба сложилась так трагично...

А начало было прекрасно! Весной 1917 года в Петрограде, в редакции эсеровской газеты «Друг народа» два поэта-приятеля — Сергей Есенин и Алексей Ганин — познакомились с красивыми интересными девушками — Зинаидой

Райх и Минной Свирской. Обе они были участницами эсеровского движения. Потом Минна Свирская заплатила за это всей своей трагичной судьбой: в 1921 году она была арестована, двадцать пять лет провела в тюрьмах и лагерях, выжила, эмигрировала в Израиль, где умерла в 1978 году. Оставила интересные воспоминания (опубликованы журналом «Наш современник» в 1990 году). Но тогда, в 1917-м, подобное представить было невозможно. Есенин ухаживал за Свирской, Ганин — за Райх. И все четверо были как бы увлечены друг другом.

У Ганина была мечта — показать друзьям Север, его первозданную красоту. И он предложил совершить поездку на Соловки. Но Свирская поехать не смогла, и в путешествие отправились втроем. Двое мужчин — Есенин, Ганин — и одна девушка — Райх. В молодости чувства переменчивы. И так получилось, что Есенин «отбил» у Ганина его девушку. Существуют разные версии, как все это происходило перед вологодским венчанием. М. Свирская пишет, что З. Райх сама рассказывала: «Ей казалось, что если она выйдет замуж, то выйдет за Алексея, что с Сергеем ее связывают чисто дружеские отношения. Для нее было до некоторой степени неожиданно, когда на пароходе Сергей сказал, что любит ее и жить без нее не может, что они должны обвенчаться». Несколько иначе это рисует Т.С. Есенина. Она пишет, что после Соловков, «уже на обратном пути, в поезде, Сергей Александрович сделал матери предложение, сказав громким шепотом:

— Я хочу на вас жениться.

Ответ:

— Дайте мне подумать.

По словам Т.С. Есениной, сошли с поезда в Вологде, Ганин проявил самоотречение и благородство, взялся устроить венчание. Дальнейшее все происходило следующим образом: «Денег ни у кого не было. В ответ на телеграмму: «Вышли сто, венчаюсь» — их выслал из Орла, не требуя объяснений, отец Зинаиды Николаевны. Купили обручальные кольца, нарядили невесту. На букет, который надлежало преподнести невесте, денег уже не было. Есенин нарвал букет полевых цветов по пути в церковь».

Вот запись об этом венчании в метрической книге церкви Кирика и Иулиты:

«Месяц и день: *июль, 30.*

Звание, имя, отчество, фамилия, вероисповедание жениха и которым браком: *Рязанской губернии и уезда Кузь-*

минской волости, села Константинова крестьянский сын Сергей Александрович Есенин, православного вероисповедания, первым браком.

Звание, имя, отчество, фамилия, вероисповедание невесты и которым браком: *мещанка г. Ростова-на-Дону, девица Зинаида Николаевна Райх, православного вероисповедания, первым браком.*

Лета жениха: 22.

Лета невесты: 23.

Кто совершил таинство: *священник Виктор Певгов с псаломщиком Алексеем Крапировым.*

Кто были поручители: *по жениху — Спасской волости деревни Ивановской, крестьянин Павел Павлович Хитров и Устьянской волости, села Устья крестьянин Сергей Михайлович Барасов; по невесте: Архангельской волости деревни Коншино крестьянин Алексей Алексеевич Ганин и города Вологды купеческий сын Дмитрий Дмитриевич Девятков.*

Подпись: *Кирико-Иулитовская церковь, священник Виктор Певгов, 1917 г., август, 4 дня».*

Из документа следует двойная дата: 30 июля и 4 августа, которая породила путаницу в некоторых публикациях. Видимо, объяснение здесь такое: венчание состоялось 30 июля, а запись сделана 4 августа.

После венчания Ганин повез молодых к себе на родину, в деревню Коншино, где собственно и состоялась свадьба. Об этом мне посчастливилось в апреле 1991 года услышать воспоминания сестры Ганина — Елены Алексеевны. Она жила в Вологде, ей было 82 года. Ей оставалось жить так немного, всего несколько недель, но память ее как будто ожила, когда речь зашла о Сергее Есенине и ее брате. Она жила в прошлом. Ей не хотелось умирать. Помню, лицо ее даже помолодело во время рассказа. А говорила она примерно так:

— Все очень хорошо помню. День был солнечный, яркий. Мой двоюродный брат Валька кричит: «Ваш Алешка приехал». Когда Алексей приезжал, у нас в семье и во всей деревне был праздник: его все любили. Я выскочила на улицу — вижу, идут к дому незнакомые молодые мужчина и женщина. Он, как Алеша, белокудрый, голубоглазый, в новом костюме в клеточку, с бабочкой на шее. А она нарядная, такая красивая. А Алеша спрятался за деревом, потом выскочил и кричит: «Ленушка!» Я ему так обрадовалась! Мы друг друга любили. Я младшенькая была, он меня баловал, всегда на шее носил. И тут я к нему бросилась. А он говорит: «А знаешь, кто наши гости? По-

мнишь, ты стихи читала про Боженьку на завалинке? Это вот он написал». Я догадалась и говорю: «Сергей Есенин». — «Верно, — говорит Алеша. — А это его жена, Зинаида Николаевна».

Мне они сразу очень понравились. И всем в нашей семье — тоже... Принимали их как родных. Посидели дома, потом пошли прогуляться по деревне. Есенин меня спрашивает: «А ты песни петь умеешь?» Отвечаю, что умею. Говорит мне: «Пой». Я на него посмотрела и запела:

Под окном стоит береза,
А я думала — Сережа.
Я березу обняла
И Сережей назвала.

Есенин смеется. Вечером приехал брат Федор. Он в Вологде в газете работал. Собралось в доме уйма народа. Пели, веселились. Зинаида плясала отлично. А Сергей Есенин на гармошке играл. Он потом эту гармошку брату Федору подарил. И надпись выцарапал: «Любимому другу Феде от Сергуньки Есенина». Они с Федором быстро подружились. Федор тоже был на все руки мастер: и играл, и пел, и стихи писал, и газетчиком был умелым. Погиб он в тридцатые годы во время репрессий. А гармошка сгорела во время пожара.

А тогда, на второй день у нас в Коншине, пошли Алеша и Есенин за деревню, в поле, в рожь. А я — за ними. И опять им пела. И одну мою песню Есенин даже записал, правда, «скоромную». Провожали мы их, жалея, что расстаемся.

* * *

И тогда я спросил у Елены Алексеевны, как она относится к версии, будто Есенин отбил Райх у Ганина. Она ответила так:

— Мне кажется, что Райх и Алексей были просто друзьями. Но, помнится мне, у нас в доме такой шутиливый разговор между ними был...

— Ой, Сергунька, — сказала Зинаида, — я никогда не думала, что за тебя замуж выйду. Ведь я замуж за Алексея собиралась.

— Эх, знать бы это раньше, — сказал Алексей.

О браке Есенина и Райх существует огромная литература, высказывается много спорного. Но что бы ни говорили, о чем бы ни спорили, все равно вологодская свадьба Сергея Есенина явилась крупным событием в жизни Есенина. Он был тогда счастлив. И Зинаида Райх, даже когда отношения супругов стали меняться, портиться, навсег-

да вошла в русскую поэзию как героиня замечательных есенинских стихов.

Через четыре года брак распался. Вот архивный документ об этом (видимо, публикуется впервые):

«Решение:

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической республики, 1921 года октября 5 дня, народный суд 14 участка Орловского судебного округа гор. Орла в открытом судебном процессе, в составе постоянного нарсудьи Е.А. Лебединского, просмотрев бракоразводное дело по ходатайству гр. Зинаиды Николаевны Есениной о расторжении брака с мужем Сергеем Александровичем Есениным... определил: брак гр. Зинаиды Николаевны Райх с гр. Сергеем Александровичем Есениным, совершенный причтом Кирико-Улитовской церкви Вологодского уезда 4 августа 1917 года, расторгнуть. Зинаиде Николаевне Есениной впредь носить фамилию Райх. Малолетних детей: дочь Татьяну 3 лет и сына Константина 1 года — оставить на попечении матери».

Вот такая печальная концовка...

Как известно, Зинаида Райх после развода вышла замуж за знаменитого театрального режиссера В. Мейерхольда и через некоторое время стала известной актрисой. А последующие годы не замедлили с трагедиями. В ноябре 1924 года, уехав в Москву, бесследно исчез Алексей Ганин. Долгое время о его судьбе ничего не было известно. Но из публикаций последних лет стало очевидно, что он 2 ноября 1924 года был арестован ОГПУ и обвинен в принадлежности к подпольной русской фашистской партии. 30 марта 1925 года он и еще шесть человек из так называемого «Ордена русских фашистов» были расстреляны. Есть версия, что обвинение было ложным. Но, видно, восстановить истину вряд ли удастся.

* * *

Бытуют разные суждения о характере отношений бывших супругов — Есенина и Райх. Видимо, свою «черную лепту» внес в это А. Мариенгоф. Это от него шел слух, будто Есенин был очень недоволен, что Райх до замужества оказалась не девушкой. Об одном могу сказать точно: Райх была хорошей матерью для детей Есенина. Я знакомился с личным архивным фондом Райх (ЦГАЛИ) и мог убедиться в глубоких материнских чувствах Зинаиды Николаевны.

Об этом свидетельствуют ее письма к детям, которые она писала, уезжая на гастроли. Вот одно из них, написанное 1 июля 1936 года из Минска, в нем сначала о гастро-

лях, о Мейерхольде (он уже в опале — считается «формалистом»), и она делится с детьми важными сведениями, а после уже обращается к ним самим, «обожаемым»: «Дорогие мои Танюшка и Косточка! Встретили нас на вокзале в Минске с цветами и речами, много народа. Но, говорят, запрашивали Москву, можно ли «тепло» встречать Мейерхольда. Бедный мой «формалист» огорчился от этого сведения. Но, конечно, это «головотяпство» очередное от отсутствия самоуважения, достаточной самостоятельности и превращения сферы искусства в дело «политической важности» только. И это уйдет постепенно, и будут веселиться и любить «трюкачество», ибо оно прогонит мертвечину

Напишите хоть крохотные два письмеца — уважайте в себе чувство «родительского уважения». Эх, дураки, вам сейчас еще на все наплевать, все же вы щенки, несмотря ни на что. Пишите же, обожаемые, поскорее».

Письмо очень характерно для своего времени. Зинаида Райх была человеком с большим самоуважением. Ей приписывается даже дерзость, сказанная в адрес самого Сталина: «Если Сталин ничего не понимает в искусстве, то пусть он справится у Мейерхольда». Если это правда, или в этом есть что-то от правды, то подобное Райх простить не могли. А в частной жизни она была прежде всего матерью. И Таня писала ей о своих делах, и маленький Костя писал о футболе (он уже с детства был фанатичным болельщиком, этот будущий «поэт футбола» — ходячая энциклопедия, скромный инженер Константин Есенин).

Но надвигалась новая трагедия. Хочу привести отрывок из письма юной Тани Есениной, написанного матери в октябре 1937 года (из фонда ЦГАЛИ). Таня рассказывает маме, уехавшей на гастроли, об их даче: «Забор построен уже спереди и сзади. Дедушка поет: «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно» и говорит, что теперь, если уж жулик перелезет через этот забор, начнет душить, так снаружи криков никто не услышит»... Мрачное предчувствие.

Но прежде чем говорить обо всем этом, хотел бы немного сказать о вологжанине, который был связан с Есениным, писателе Иване Евдокимове. Иван Евдокимов (1887—1941), переехавший в двадцатые годы из Вологды в Москву, не только хорошо знал Есенина, но в качестве редактора готовил к изданию «Собрание стихотворений» поэта, занимался его финансовыми проблемами. Сохранились письма и Есенина, и Райх к Евдокимову. И есть некоторые документальные сведения в материалах Евдо-

кимова, относящиеся к последним дням жизни поэта. 6 декабря 1925 года (до трагедии оставалось чуть больше двадцати дней) Есенин написал ему письмо: «Милый Евдокимыч! — говорилось в нем. — Привет тебе и тысячу пожеланий за все твои благодеяния ко мне. Дорогой мой! Так как жизнь моя немного перестроилась, то я прошу тебя, пожалуйста (далее следовали финансовые просьбы)... Живу ничего. Лечусь всюду. Скучно только дьявольски, но терплю, потому что чувствую, что лечиться надо». Далее Есенин просит черкнуть «пару слов». «Я ведь теперь не знаю, чем пахнет жизнь».

А сразу после трагедии в январе—феврале 1926 года Евдокимов написал воспоминания о поэте, и вот как, в частности, рисуется роковой отъезд Есенина в Ленинград:

«— Ну, прощайте! — пошатался Есенин с серьезным и сосредоточенным видом.

Он обнял попеременно Пильняка, Герасимова, меня, расцеловались. Я шутливо толкнул его в спину, «для пути».

— Жди письма, — сказал, уходя, Есенин и, свесив голову на грудь, заковылял к выходу пьяными нетвердыми шагами.

Было грустно, не по себе, на душе было нехорошо. Конечно, никто не предполагал, что уже никогда не услышит этого с хрипотцой голоса, не увидит пошатывающейся дорогой фигуры, носившей в себе редчайший дар и необъяснимое личное очарование».

А в ночь с 27 на 28 декабря Сергей Есенин трагически ушел из жизни. Официальная версия тогда была — самоубийство. Но спустя более шестидесяти лет известный писатель-вологжанин Василий Белов выступил с официальным опровержением этого, заявив, что Сергей Есенин был убит. Вслед за этим прокатилась целая волна публикаций, поддерживающих версию об убийстве поэта. В 1998 году в издательстве «Современник» вышла книга В. Кузнецова «Тайна гибели Есенина», в которой на основе ранее неизвестных документов доказывается, что поэт был убит агентами ОГПУ. Но все это так и осталось только версией.

Меня интересовала точка зрения родственников Сергея Есенина относительно его гибели. Будучи в Москве, я связался с ними по телефону. И вот что они мне сказали.

Племянница поэта Наталья Васильевна Есенина:

— Я поддерживаю точку зрения В. И. Белова: это было не самоубийство, а убийство. Мы, Есенины, люди жизнелюбивые, ничего подобного в нашем роду не быва-

ло. И не таким человеком был Сергей Александрович, чтобы покончить с собой. Он очень любил жизнь. И учтите: после его гибели в трех храмах — в Ленинграде, Москве и Константинове — служили по нему панихиды. А ведь для самубийц этого не допускалось. Я убеждена, что он был убит, и об этом мы, Есенины, знали всегда. А почему молчали? Потому что боялись. Считали, что с нами могут поступить так же. И мне мама строго наказывала: про то, что относится к смерти Сергея Александровича, никому ничего не говорить. До времени все оставалось нашей семейной тайной.

Но вот со стороны родственников З. Н. Райх высказывается иная точка зрения. Внучка поэта Марина Константиновна Есенина сказала мне так:

— Мы возмущены всем этим. Не знаю, зачем понадобилось тревожить прах моего деда. Вызывает возмущение и попытка бросить тень на мою бабушку — З. Н. Райх. Никаких серьезных доказательств убийства не существует.

Известно, как трагически завершилась судьба Зинаиды Райх. НКВД был арестован и подвергнут зверским пыткам ее муж — режиссер В. Мейерхольд. Великий режиссер, которого называли «вождем театрального Октября», был обвинен «во вредительской работе в театре», в связях с японской разведкой и так далее. Опубликовано отчаянное письмо Мейерхольда к Молотову: «Меня здесь били — больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и спине. По этим красно-сине-желтым кровоподтекам били снова жгутом». В 1940 году Мейерхольд был расстрелян как шпион. И была убита Зинаида Николаевна.

Убийство Зинаиды Николаевны пытались объяснить уголовными мотивами, обвинив в этом актеров: отца и сына Головиных (впрочем, они впоследствии были реабилитированы).

Как пишет В. Рябов, накануне преступления в квартиру заходили два сотрудника НКВД, они поговорили с домработницей и незаметно открыли балконную дверь. Ночью двое неизвестных по крыше сарайчика взобрались на балкон, вошли в комнату, где находилась Зинаида Николаевна, один из убийц схватил ее за руки, другой стал наносить ей удары ножом в грудь, он ударил восемь раз. На крики из соседней комнаты прибежала домработница. Один из преступников выбежал на балкон и спрыгнул вниз, другой бежал через входную дверь. Когда прибыла «скорая помощь», Зинаида Николаевна успела сказать: «Не трогайте

меня, доктор, я умираю». Единственная свидетельница трагедии — домработница — вскоре была арестована.

Думается, что у убийц Алексея Ганина и Зинаиды Райх один и тот же адрес. Как отмечает В. Рябов, провести расследование ныне не представляется возможным.

* * *

Не хочу участвовать в спорах вокруг этих трагедий. Но мне кажется, что Сергея Есенина убил его «черный человек».

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусая надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!

* * *

О «черном человеке» в русской литературе впервые сказал не Есенин, а наш знаменитый земляк Константин Батюшков. И впоследствии тема двойничества человеческой природы, его темных «бездн», пройдет через поэзию Тютчева, прозу Достоевского и других выдающихся мастеров русской литературы. Не знаю, следовал ли Есенин этой традиции, когда писал свою знаменитую поэму «Черный человек». Скорее всего — нет. Это была его личная боль. Он знал, что губит себя. Но в том же «Письме к женщине», обращенном к Райх, есть и другая мысль — о «роке событий». Люди того времени как бы оказались на корабле, захваченном бурей. И в трагедиях их судеб была своя закономерность.

И сегодня тоже «несет нас рок событий». А в переломные эпохи всегда происходит и пересмотр литературных явлений и ценностей, возникают свои сенсации. Так произошло и с Есениным.

* * *

Я стою у памятного камня, где когда-то в храме близ Вологды венчались Сергей Есенин и Зинаида Райх. И мнится мне, что в самой природе вокруг есть нечто есенинское, светлое, вечное: солнечные дали, заливные луга, лес. У этого леса, на этих лугах Сергей Есенин нарвал букет полевых цветов своей невесте — красавице Зинаиде Райх.

ПОСЛЕДНИЙ СЮЖЕТ ДЛЯ «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ»

1

Шаламов — это страшно. Это — больно. Это очень сложно. Это — огромно. Но начнем со знаменательного факта, произошедшего в 1996 году.

...Это было неожиданное, сенсационное предложение, поступившее в Вологду, в Дом-музей Шаламова из Москвы. Неизвестный москвич предложил купить у него часть личного архива Шаламова, подлинные рукописи. Это было истинное потрясение, ведь шаламовский Дом-музей не располагал ни единой подлинной страничкой, написанной Шаламовым. А тут — большая часть личного архива писателя. Но все это было и весьма странно.

Ведь этот неизвестный даже не назвал ни своей фамилии, ни адреса. Он назначил встречу у метро. Все это, разумеется, было не случайно, вносило в ситуацию нечто даже тревожное. Но, казалось бы, сама судьба посылает Дому-музею редчайший шанс, который упускать было нельзя. И заведующая отделом Вологодской картинной галереи, возглавляющая Дом-музей Шаламова — М.Н.Вороно, — немедленно выехала на встречу в Москву. Далее все разворачивалось как в детективе.

Они встретились у метро. И он, этот инкогнито, повез ее к себе домой. И действительно, в его доме оказались многие бесценные шаламовские рукописи, которые считались утраченными. Стало очевидно, что все это — событие. Но на вопрос, откуда у него эти рукописи, он заявил, что нашел их выброшенными на свалке. Подобному можно было и верить, и не верить. Но главное было то, что рукописи сохранились, они найдены!

Затем в разговоре этот человек признался, что он — полковник КГБ в отставке. В его служебные обязанности

входила слежка за Шаламовым... К этому эпизоду я еще вернусь. В нем есть нечто символическое: парадоксальность и трагизм судьбы и творческого наследия Шаламова продолжается и после его смерти.

Когда Шаламов умер, в Вологде, видимо, об этом не узнал никто. И не только в Вологде. Смерть его прошла незамеченной — и в Москве, и в стране. А между тем в столичной литературной среде это был уже знаменитый автор. Копии рукописей его «Колымских рассказов» ходили по рукам, перепечатывались, размножались, переправлялись на Запад, включались в самиздатовские сборники. И он уже был широко признан на Западе. В американской прессе его уже объявляли «величайшим современным русским писателем». «Уже в 70-е годы на Западе Шаламова стали считать классиком мировой литературы», — утверждает французский литературовед Мирей Берютти («Русский Север», декабрь 1990 г.). Но все же первая, особо значимая оценка Шаламова была вынесена в России. И исходила она от А.И.Солженицына. Солженицын признавался, какой радостью для него было прочтение первых шаламовских колымских рассказов, он сразу почувствовал в Шаламове своего тайного брата, соратника. А в 1964 году уже знаменитый Солженицын писал неизвестному Шаламову, что он уверен — «Колымские рассказы», «Колымские тетради» будут напечатаны в России: «Я твердо в это верю. И тогда-то узнают, кто такой есть Варлам Шаламов». Впоследствии высочайшую оценку дадут шаламовскому творчеству выдающиеся мастера — знаменитый кинорежиссер А.Тарковский: «Гениальный писатель!»; прозаик В.Некрасов: «Шаламов конечно же писатель великий. Даже на фоне всех великанов не только русской, но и мировой литературы».

Кто же он — Варлам Шаламов? Это — трагический человек-парадокс и парадокс-писатель.

«Трагический парадокс Варлама Шаламова» — именно так называется первая книга о нем в России доктора философских наук, профессора Е.В.Волковой, вышедшая в Москве в издательстве «Республика». В ней, как говорится в аннотации, «впервые рассматривается художественная проза В.Т.Шаламова (1907-1982) как своеобразный феномен, в котором немалую роль играет парадоксальность описываемых им трагических событий, жертвой которых оказался человек в XX веке».

Приведу пример такой парадоксальности. Шаламов определяет главные человеческие потребности (по степени важности) следующим образом: 1) голод, 2) половое чув-

ство, 3) мочеиспускание, 4) дефекация, 5) потребность в стихах. Обратите внимание: первые четыре потребности, как сказали бы в недавнем прошлом, «чисто животные». Но пятая-то — духовная: стихи! И сам Шаламов считал свою поэзию, которая потоками изливалась из его души еще на Колыме, как свое спасение и освобождение от лагеря.

Но, вероятно, следует все же кратко повторить его биографию, чтобы проследить его «крестный путь» в жизни и литературе.

2

При изложении его биографии я буду в основном использовать два источника: это «Краткое жизнеописание Варлама Шаламова, составленное им самим» и интервью И.П.Сиротинской, данное ею американскому литературоведу Джону Глэду, которые впервые в России опубликованы мною в газете «Русский Север» в 1991 году. На мой взгляд, это самое ценное из всех напечатанных биографических материалов.

Шаламов сам хотел написать свою автобиографию, но почему-то не закончил ее. Она начинается так: «Я родился 18 июня 1907 года в городе Вологде. Отец мой — священник, православный миссионер на Алеутских островах в Северной Америке, вернувшийся в Россию после первой русской революции в 1905 году. Мать — учительница. В 1923 году я окончил школу второй ступени и переехал в Москву». Работал дубильщиком на кожевенном заводе, затем учился в МГУ на юридическом факультете. Примкнул к троцкистской оппозиции, 19 февраля 1929 года был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму.

«Отвезен среди уголовных рецидивистов на Северный Урал в Соловецкие Лагерь Особого Назначения». Освобожден в 1931 году. В 1932 году, вернувшись в Москву, дебютировал в литературе, печатал в тридцатые годы свои первые рассказы и очерки. Вновь арестован 12 января 1937 года в Москве и осужден за КРТа на пять лет с отбыванием срока на Колыме (так в приговоре). Привезен на Колыму 12 августа 1937 года». Ни в чем не признал своей вины, ничего не подписал. Началась его 17-летняя колымская страшная эпопея. «Почти доходил до смерти, воскресал снова... Был готов к тому, что его расстреляют... Весил немного более сорока килограммов» (И.Сиротинская).

И выжил, пройдя сквозь нечеловеческие испытания. И еще на Колыме начал писать стихи. В 1953 году осво-

божден, работал на торфоразработках в Калининской области. В 1956 году был реабилитирован, поселился в Москве, постепенно стали выходить его стихотворные сборники. Но главный его труд — проза, в первую очередь — «Колымские рассказы», которые печатаются сначала лишь отрывочно на Западе. В 1972 году написал «письмо с отречением от своих западных изданий, что тяжело переживал. Процесс распада личности начался после этого письма... У него «включилась» программа выживания... Повязывал полотенце на шею, как шарф, чтобы не украли. Тщательно считал яблоки, вел учет. Лагерник воскрес в нем» (И.Сиротинская). Ослепший, одинокий, умер в больнице для психохроников 17 января 1982 года.

3

Литературный подвиг Варлама Шаламова — его проза, его «Колымские рассказы», слава которых росла из года в год. И, возможно, еще будет расти. Он считал свою прозу «документом души». Так какая же душа отразилась в этой «новой», по его понятиям, прозе?

Есть две точки зрения. Первая в том, что Шаламов, как никто в мире, проклял все: и человека, и Бога, и литературу, и все гуманистические теории. «Человек разоблачен, развенчан как вид. И отправлен прямо в ад, ибо имманентно греховен» (М.Золотоносов). Это можно проиллюстрировать цитатами из самого Шаламова: «Унизительная вещь — жизнь... Я не религиозен. Не дано... Совершенный безбожник... Лагерь — не противопоставление ада раю, а слепок нашей жизни... Лагерь — мироподобен. В нем нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве социальном и духовном... Помнить зло раньше добра...» И яростное обвинение в адрес русской классической литературы, особенно Толстого: все гуманистические теории — ложь. Все проповеди и морали — ложь. И отсюда вина наших классиков за Колыму и за то, что произошло с Россией, с миром, с человеком.

Но есть и другая точка зрения. Сторонники ее находят в нем яростное стремление к справедливости. Сострадание к человеку, как бы он ни был гадок. И при всем внешнем отрицании Бога, как пишет И.Сиротинская: «Ощущение мира у него было человека религиозного».

Все же, анализируя биографию писателя, можно прийти к выводу, что первая точка зрения — о всемирном проклятии человечества Шаламовым — более справедлива.

Ведь, выйдя из лагеря, Шаламов, как это ни парадоксально, постепенно все более и более впадает в безнадежность.

Он разочаровывается в литературе. Буквально влюбленный в Пастернака, его поэзию и прозу, он начинает постепенно отрицать все пастернаковское. Он вступает в конфликт с Солженицыным, называет его «дельцом», объявляет свою прозу выше «Одного для Ивана Денисовича» и всего написанного Солженицыным. В ответ Солженицын называет его «мертвым». И, наконец, Шаламов яростно обрушивается на русскую классику. И на всю мировую гуманистическую мысль.

Он разочаровывается в женщине. Женщина, которая писала ему все годы, пока он был на Колыме, оказывается, по его мнению, не тем человеком. Следует разрыв. И вторая женитьба во многом неудачна. Он все более и более, отрицая уже все и всех, погружается в «абсолютное одиночество».

Но вместе с тем главное свидетельство того, что с ним происходило уже после лагеря, — его литература. А вот она скорее свидетельствует о другом...

Шаламов считал себя создателем «новой прозы», «новатором завтрашнего дня». Он полагал, что после Освенцима и Колымы уже нельзя жить так, как жили, и писать так, как писали. «Новая проза» Шаламова засвидетельствовала падение человека. О человеке следует сказать правду, как бы она ни была страшна, а не читать проповеди и морали. Потому Шаламов ссылается на Пушкина, его призыв отказаться от «пользы» литературы.

Человек в шаламовской преисподней выглядит ужасным и жалким существом. Но тем не менее Шаламов в своем творчестве выступает ходатаем за это ужасное и жалкое существо, в которое превратил человека XX век, его коллизии.

Какой же должна быть новая литература, «новая проза»? По мнению Шаламова, следует брать самые главные темы бытия: добро, зло, любовь, «смерть, гибель, убийство, Голгофа». Отсекать все описания и психологические подробности (психология — в другом), детали, как это писалось в XIX веке. Особенно важна документальность, она — выше вымысла.

Но Шаламов до сих пор стоит как бы в стороне от всех литературных течений. Попытки «другой» литературы, возникшей в России в наши трагические 90-е годы, объявить Шаламова своим провозвестником, на мой взгляд, несостоятельны. «Другая» литература в противовес нашей класси-

ке, объявлявшей, что человек внутренне добр, утверждает, что естественное внутреннее свойство человека — зло. Антология «Русские цветы зла», составленная В.Ерофеевым, открывается именно Шаламовым, его рассказом «Тифозный карантин». Но сам Шаламов сказал: «В «Колымских рассказах» нет ничего, что не было бы преодолением зла».

4

И последняя тема, о которой следует сказать, это — Шаламов и Вологда. Здесь не все просто. Шаламов не нашел контакта с вологодской литературной средой при жизни и гневно об этом писал: «Только не в Вологде». Когда в конце 80-х годов я впервые в Вологде начал писать о Шаламове, то, помнится, в газету «Красный Север», где я тогда работал, поступило недоуменное письмо от читателей: мол, Аринин пишет что-то не то, среди вологжан такого знаменитого писателя нет, никто даже не слышал его фамилии. Но ныне Вологда открыла Шаламова, хотя не все согласны с некоторыми мыслями в его «Четвертой Вологде». В нашем городе проходят традиционные международные шаламовские чтения. Издаются его книги, шаламовские сборники. Создан Дом-музей Шаламова, что является прежде всего большой заслугой Вологодской картинной галереи, ее директора В.В.Воропанова и музееведа М.Н.Вороно — бескорыстного человека, влюбленного в творчество писателя (а Шаламов требует именно бескорыстия и любви). Вот ее рассказ о том, как создавался этот музей.

ДОМ ШАЛАМОВА

Двухэтажный каменный дом за Софийским собором, выходящий торцом на Соборную горку, долгое время был совсем незаметным. Он терялся в тени больших деревьев, кустарников и крапивы, внутреннее разорение слабо напоминало далекое прошлое. Теперь многие вологжане знают, что это дом, где родился автор всемирно известных «Колымских рассказов» Варлам Тихонович Шаламов. Вологда становится местом поклонничества всех почитателей его таланта. И уже существует традиция называть этот дом шаламовским.

А было время, когда казалось, что о нем никто не помнил и не знал. Но так ли это?

В «Четвертой Вологде» Шаламов писал: «На Соборной горе стояли испокон века деревянные скамейки... Там отдыхали горожане летом и осенью. Да и весной тоже».

Вот на такой скамейке напротив дома часто можно было видеть маленького седого старичка с палкой в руках. Это был вологодский историк и краевед Борис Сергеевич Непеин (1904—1982). В последние годы своей жизни он часто приходил к старому дому. Здесь-то и произошла встреча Б.С.Непеина с художником Я.Ю. Крыжевским.

Ян вспоминал потом, что во всем облике Непеина было что-то невероятно доверчивое, притягательное: хотелось остановиться, подойти, заговорить. Разговор неизбежно зашел о Шаламове...

Но обо всем этом я узнала много позже, когда увидели в мастерской художника портрет Шаламова. На обороте картины стояла дата — осень 1987 года. Впоследствии этот портрет художник подарил музею. Так появился первый экспонат.

А ведь Музея Шаламова в тот момент и в планах не было, в доме шел ремонт и реставрация. Но сама идея музея уже носилась в воздухе, ждала воплощения.

Много лет спустя на вечере памяти Шаламова преподаватель литературы Валентина Станиславовна Старкова передала в музей редкую магнитофонную запись 1964 года. То был живой голос писателя. Долгие годы хранилась эта запись у родственников Б.С. Непеина в Санкт-Петербурге. Теперь эта запись по традиции звучит в наших залах на литературных вечерах, в дни рождения и памяти писателя.

Возвращение Варлама Шаламова в свой дом происходит буквально на наших глазах, одновременно с возвращением правды о тяжелых и страшных годах отечественной истории.

В 1990 году на фасаде здания была установлена мемориальная доска. Ее автор — Федот Федотович Сучков (1923—1992) — московский скульптор, поэт, писатель, критик и человек, переживший адские круги сталинских лагерей — как и Шаламов.

Выбор Сучкова как автора тоже был не случайным. В январском номере «Недели» за 1989 год были опубликованы воспоминания Сучкова «Показания Шаламова», позже вошедшие в отдельную книгу. Там же было упоминание о памятнике работы Сучкова на Троекуровском кладбище в Москве, на могиле Шаламова.

Мне выпало счастье побывать в мастерской скульптора, в его знаменитом подвале за Страстным бульваром, где собирались репрессированные писатели, поэты, их друзья. Впечатление от посещения было огромное. В «красном» углу мастерской возвышалась иконой кирпичная стена, в которую буквально был впаян скульптурный портрет Варлама Шала-

мова. Мастерская Сучкова — это как бы первый Музей Шаламова, здесь его читали, ценили, любили. Там же на полках стояли скульптурные портреты Ю. Домбровского, А. Солженицына, Б. Пастернака, памятная доска А. Платонову. Скульптуры были выполнены еще в те годы, когда и речи не могло быть о публикации книг этих замечательных авторов.

Еще при жизни Ф. Ф. Сучков передал эти произведения в Вологодскую картинную галерею, и сейчас они относятся к самым ценным экспонатам Музея Шаламова.

В связи с этим хочется вспомнить записки И. И. Емельяновой, дочери О. В. Ивинской. Записки были опубликованы в «Нашем наследии».

«Помню В. Шаламова, возникшего на пороге дома в брезентовом дождевике с рюкзаком за плечами, и его необыкновенное, опаленное, сожженное навеки колымскими ветрами лицо, его почти обугленные руки, весь он — как живая память человеческого горя. И когда заговорили о проекте памятника замученным в лагерях (якобы предложил Хрущев), я увидела таким памятником Шаламова, каким он возник на пороге нашей квартиры первый раз».

Воплощением этих мыслей стало произведение Ф. Ф. Сучкова — мудрое шаламовское лицо, спокойно возвышающееся над вязью могильных оград в Москве и на фасаде родного дома в Вологде.

В 1991 году в первом этаже дома, где жила семья писателя, была открыта мемориальная комната Шаламова.

Какими средствами можно передать писательский и человеческий подвиг Шаламова? Как отразить судьбу, вобравшую в себя беды и мучения целого поколения? Такие вопросы неминуемо встали перед нами при создании Музея Шаламова. И в художественном решении главным оказалось не вещественное, а эмоциональное воздействие.

С Колымы он принес только ПАМЯТЬ. И сумел высечь МЕМОРИАЛ при помощи самого долговечного материала — СЛОВА. Это мемориал в память погибших, в назидание потомкам. Именно эта мысль легла в основу идеи музея, дала возможность скудными средствами, почти при полном отсутствии мемориальных (памятных и личных) вещей, создать объемный, осязательный образ человеческой судьбы.

Постепенно шаламовский Дом становится центром духовной жизни Вологды, здесь проводятся творческие встречи, ежегодно отмечаются дни рождения и вечера памяти писателя. Сюда приезжают его друзья и близкие, те, кто помогал Варламу Шаламову в трудные годы его жизни, а также отечественные и зарубежные исследователи его творчества.

Среди них хотелось бы особо отметить одно имя. Это Ирина Павловна Сиротинская, исследователь творчества Шаламова, его близкий друг и публикатор его произведений. Являясь наследницей архива писателя, она передала в наш музей редкие фотоматериалы, ксерокопии рукописей, стихи, письма, воспоминания, все книги Шаламова, вышедшие у нас в стране и за рубежом. Из личных вещей — наручные часы, символично завершающие экспозицию музея, своеобразный камертон времени — прошлого, настоящего, будущего.

Во многом мы обязаны Сиротинской и самой идеей создания Музея Шаламова в его родном городе, в городе, который был для него «началом начал», истоком его жизни и творчества. И написание «Четвертой Вологды» связано с ее приездом в Вологду в 1968 году. Она рассказала о впечатлениях, привезла фотографии.

Пути Варлама Тихоновича Шаламова были сложны и трагичны, и он побывал во многих точках страны. Но в Вологде он не только родился. Здесь он впитал в себя ее дух, почву, культуру.

Марина ВОРОНО

5

Но вернусь к истории с полковником КГБ. Как оценить поступок человека, сохранившего и продавшего Вологде подлинные шаламовские рукописи? Видимо, он «позаимствовал» эти рукописи, когда КГБ, воспользовавшись болезнью и отсутствием писателя, нагрянул в жилище Шаламова и изъяс, то есть похитил часть архива писателя. Разумеется, ничего, кроме негодования, это не может вызвать. Но во всем этом есть и другая сторона. Представьте себе, этот человек, под чьим незримым надзором был Шаламов, смог понять, оценить значимость шаламовских рукописей. У него не было цели нажиться; в условиях советского времени он не имел такой возможности, напротив, по понятиям КГБ, он совершил должностное преступление, он даже рисковал, ибо мог за подобное сполна ответить. Может быть, перед нами — шаламовский персонаж, воплощающий неоднозначность зла? И в таком случае перед нами — заключительный сюжет «Колымских рассказов», который не мог знать и написать Шаламов.

ВСПОМИНАЯ АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА

Вспоминая Александра Вампилова, я не пытаюсь выдать себя за того, кто знает о нем что-то особенное. Разумеется, мы с ним не являлись близкими людьми. Но был такой, очень недолгий, период, когда мы часто общались, испытывали друг к другу интерес, провели немало вечеров в разговорах и спорах, главным образом — о литературе. Я не знал Александра Вампилова в качестве драматурга. Я знал его таким, каким он был в молодости, до своей драматургии.

...Саше Вампилову — 24 года. В 1961 году он приехал в Москву, в ЦКШ на факультет журналистики из Иркутска. Он не написал еще ни одной своей пьесы. Но выпустил первую книжку — сборник юмористических рассказов.

— Ты чего не смеешься? — ревниво спрашивает он меня, только что закончив чтение своей новой юморески. Я уже начал было смеяться, но смех как бы оборвался в горле...

Этот маленький рассказик смешон. Вампилов — прирожденный юморист. Когда на одном из литературных вечеров нашего факультета он читал свои рассказы, зал покачивался от смеха. Но все же в его юморе уже тогда было в подтексте нечто серьезное, значимо печальное.

Александр Вампилов, как выяснилось впоследствии, при всей его блестящей комедийности — художник трагической кисти.

Так и в жизни. Вот он шутит, хохмит — по-молодому озорно, беззаботно. И вдруг все это оборвется, и в глазах — тоска.

— Надо выпить, — скажет бывало. — Жизнь больно грустная.

Впрочем, тогда он не пил. Так, выпивал. В компании своих ребят, сибиряков. Они держались вместе, чуть в стороне ото всех.

Собственно, я с ним не должен был подружиться. Казалось, ничего общего у нас нет. Но общее неожиданно обнаружилось — литература. И Вампилов «обнаружил» меня сам и сам подошел ко мне.

Дело было так. На нашем курсе, как уже говорилось, проводились литературные вечера. Первый был посвящен полностью Вампилову. Его все на курсе единодушно признавали за литературного лидера. Кстати, он был единственным из нас, кто уже издал свою первую книжку.

А вот второй литературный вечер был поэтическим. У нас на курсе многие писали стихи, печатались в периодике, готовили к изданию свои первые книжки.

Но, честно говоря, все это была типично советская поэтическая продукция, на «уровне», но ничем не выделявшаяся в бескрайнем море тогдашней поэзии («море, но по колено»).

Конечно, я не считал себя поэтом, но стихи писал с детства. И на этом вечере прочитал свою юношескую поэму «Каравеллы». Она была абсолютно «гумилевской» (Гумилев тогда являлся запретным именем), однако написал я ее вполне самостоятельно, в свои восемнадцать лет не имея ни малейшего представления о Гумилеве.

И Вампилов, прослушав мою поэму, тогда меня сразу выделил. Почему? Чтобы быть понятым, приведу небольшие отрывки из поэмы. Читал я их с пафосом и вызовом:

«Я завидовал капитанам, уводившим свои каравеллы в неразгаданные туманы, за невидимые пределы. Жжет нас солнце и мучают бури. Жадно смотрим в заветную даль мы. И однажды в чистой лазури встает город: храмы и пальмы. Много лодок спешит к нам от берега. Грянут пушки с нашего борта. Кто вы? Индия или Америка? Вы открыты — сдавайтесь к черту!».

Далее герой моей романтической поэмы становился великим завоевателем, получил славу, с триумфом возвращался на родину. «Город тонет в праздничном звоне. Я иду — рука на эфесе. Я сгибаюсь в низком поклоне, говорю комплимент принцессе. И она улыбнется капризно, и к ногам моим бросит левкой. В полночь я проберусь по карнизу, мимо стражи — в ее покои».

Но насытившись любовью принцессы и многих других женщин, мой герой, гонимый внутренним поиском, разочаровавшись во всем, уходил в монастырь.

«От нелепых утех житейских я ищу тайный путь к святыне. Где она — в письменах иудейских? В вещих Ведах? В мудрой латыни?»

Так и не найдя смысла, мой герой, сбежав из монастыря, становился менестрелем, поэтом. Но однажды тайная тропа привела его снова на берег океана, и ему мерещился за океанской далью великий, новый, неоткрытый мир, где нет зла и печали.

«Там цветут сады изумрудные, там поля и леса бесконечны, и шумят города многолюдные, и красавицы в страсти беспечны. Так трубите сбор, капитаны! Мы уводим каравеллы в неразгаданные туманы, за невидимые пределы».

Я так подробно пишу о своей юношеской поэме и цитирую, потому что Вампилов, к моему удивлению, попросил ее переписать для него. И, более того, сказал, что сам бы хотел написать нечто в таком роде. Конечно, из современности — и в реальном плане: о современном авантюристе в советском обществе. «Чем будет заниматься советский авантюрист? — размышлял Вампилов. — Наверняка он будет обманывать женщин, начальство на работе, дурачить приятелей и знакомых. В нем что-то должно быть от Джека Лондона или Хэмингуэя — любовь к природе, охоте. И отрицание обычных норм, искусственной морали. Конечно, в нем много скверного и злого. Но все равно он интересней большинства».

Не берусь ничего утверждать, но, кажется, в тех словах Вампилова уже тогда что-то звучало похожее на Зилова или Шаманова — героев его ныне знаменитых пьес.

* * *

Литературный путь, пройденный Вампиловым, — короткий и удивителен.

Мне кажется, что он в начале 60-х годов еще не был человеком, искушенным в литературе. Он много читал. Но духовный скачок ему еще предстояло совершить.

Мне памятен наш разговор о Достоевском, состоявшийся по весьма печальному поводу.

У нас с курса был отчислен один из слушателей, латыш по национальности (его фамилию я не помню) — за антисоветские взгляды. Кстати, ничего поразительного и невероятного в этом не было. Наш курс представлял собой как бы советское общество в миниатюре. И хотя большинство моих однокурсников, конечно, являлись советскими людьми (многие были с комсомольской работы), имелись на курсе и тайные «диссиденты». Конечно, нас

было немного, мы свои взгляды скрывали, для нас учеба в ЦКШ при ЦК ВЛКСМ означала лишь получение профессии журналиста. Таковым был и Вампилов.

И вот один из наших «диссидентов» попался, был разоблачен. И над ним было устроено публичное судилище. Для острастки другим. Среди обвинений в его адрес было и такое: проповедовал мистические воззрения, почерпнутые из Достоевского.

Мы с Вампиловым были удручены этим судилищем. Но после собрания заговорили как раз о Достоевском. И Вампилов рассуждал примерно так: «А что Достоевский? Какие такие у него мистические воззрения? Какой такой он — мистик? Нет, он — реалист. Величайший к тому же. Он реален, как сама жизнь. А многое, что говорится о нем, — искусственность. Правда, он сам дал к тому несколько поводов... Но фантастические сюжеты — это как раз и нужно в литературе. Ведь натуралистический реализм — бескрыл. А фантастический реализм — это вершина, к которой надо стремиться».

* * *

У него была чистая, светлая, даже нежная душа. Я помню, как он нес подснежники для женщины, пряча их под пальто от холода. Кажется, он готов был замерзнуть сам, лишь бы не замерзли цветы...

* * *

— Вот хочу попробовать написать пьесу, — сказал он как-то, немало удивив меня. — Вдруг получится.

А ведь тогда он даже в театр не ходил. Во всяком случае такого я не помню. И я не советовал ему браться за драматургию. К счастью, он меня не послушался. Но для меня до сих пор это — загадка: как мог человек, не ходивший, будучи в Москве, ни в один театр, стать выдающимся драматургом.

Однажды, правда, он инсценировал кое-что из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова. Эта пьеса под названием «Дети лейтенанта Шмидта» с успехом ставилась у нас на самодеятельной сцене.

— Все же надо попробовать драматургии, — весной 1962 года снова сказал он мне. — Есть у меня тема.

— Какая же?

— Про Байкал. Про озеро.

И он начал говорить о Байкале. Как о любимом, живом существе.

А через несколько лет Байкал убил Вампилова. Волны озера опрокинули его лодку...

* * *

В 1973 году, когда Вампилова не было в живых, в Вологде состоялась премьера его пьесы «Прошлым летом в Чулимске». Это была одна из первых премьер второй по значимости, после «Утиной охоты», вампиловской пьесы. И сыграла ее в Вологде на гастролях труппа Вильнюсского русского драматического театра, главным режиссером которого был Роман Виктюк, поставивший этот спектакль. Премьера была очень интересной, но имелись в ней все же кое-какие «мотивы», и, беря интервью у Виктюка, я спросил об этом у него. И он ответил:

— Это не от Вампилова. Это — от меня. А я, признаться, — фрейдист (он так и сказал: не фрейдист, а «фрейдист», слегка рисуясь).

Впрочем, о Вампилове он говорил очень высоко, предсказывая огромный успех его драматургии в ближайшем будущем. Так оно и произошло.

Семидесятые годы в театре были «вампиловскими». Его пьесы с триумфом шли по всей стране и по всему миру.

Но я уверен, что если бы запрещенную «Утиную охоту» поставили в 60-е годы, это было бы событие, сравнимое с «Чайкой» или «Днями Турбиных». Как жаль, что этого не смог увидеть Вампилов, никто не смог увидеть. Как жаль, что это не состоялось.

Со временем его пьесы все же что-то «потеряли», ныне почти не идут. Но в русской драматургии у Вампилова — свое место.

Видимо, он все же — нераскрывшийся гений, как и его друг — Николай Рубцов.

ДУША ХРАНИТ

И душа содрогнулась от этих разговоров и слухов, которые сразу наполнили Вологду. Говорили, что Николай Рубцов убит изуверски: все горло изодрано, а мочка уха оторвана.

Многое о чем говорили. Большинство слухов не подтвердилось. Но до сих пор разные версии бродят по Вологде. И по всей России.

К моменту своей гибели Николай Рубцов уже был широко известен. Вологда в то время, в 60 — 70-е годы, была крупным центром на литературной карте страны. И имя Рубцова уже вставало рядом с именем вологжанина Василия Белова, автора известных деревенских повестей.

После трагедии стало появляться много воспоминаний о Рубцове. И я тоже предлагаю свои воспоминания о замечательном поэте. И название беру из Рубцова — есть у него такой сборник «Душа хранит».

* * *

Итак, шестидесятые годы. Я работаю ответственным секретарем газеты «Вологодский комсомолец». Ко мне часто приходят авторы, в том числе начинающие поэты. И вот как-то пришел молодой человек, а на висках уже залысинки. Дешевое, старенькое пальто, шарфик. Представился: «Николай Рубцов... Поэт». Он показался мне каким-то обиженным, неуверенным. Вероятно, боясь, что ему не поверят, будто он поэт, показал в журнале «Молодая гвардия» (если мне не изменяет память) свою крохотную стихотворную публикацию, сказал, что уже немного печатался в «Вологодском комсомольце». После протянул стихи. Они, признаюсь, мне не слишком понравились. Но и отказывать не хотелось. Я как-то сразу почувствовал — ему нужно помочь, он очень в этом нуждается.

Тогда в «Вологодском комсомольце» работала литконсультантом поэтесса Ольга Фокина. Зайдя к ней в другую комнату, я сказал примерно так:

— Оля, ко мне пришел начинающий поэт Николай Рубцов. Знаешь ли ты его? (Ольга Фокина ответила, что прекрасно знает по Литинституту). Так вот... он принес мне стихи, просил напечатать. Но мне, признаться, стихи не понравились. Я пошлю его к тебе. Ты с ним поговори и попроси — может, у него есть что-то другое, поудачнее?

Так оно и произошло. А через некоторое время Ольга Фокина позвала меня к себе. Протянула листок, исписанный красивым, аккуратным почерком (Рубцов был, можно сказать, каллиграф), и голос ее дрогнул:

— Володя, прочитай — это же чудо.

Так я впервые прочитал:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.

И казалось, что особенного в этих стихах? И о чем они, собственно? О том, что светит звезда, что матушка в ведре принесет воду, а где-то в садике засохли цветы, и на мели гниет лодка. И о том, что автор будет поливать цветы, мастерить до ночной звезды себе лодку и думать о своей судьбе. Изложение в прозе «Горницы» звучит почти пародийно. Но в рубцовском стихотворении происходит чудо творчества, и все эти незатейливые строки внезапно превращаются в поэзию. И стихи поражают нас как чудо...

Так я понял: это настоящий поэт.

С того дня мы виделись уже довольно часто.

* * *

Беру подшивки «Вологодского комсомольца», листаю их. И словно погружаюсь в прошлое.

Вот первое рубцовское стихотворение, попавшее мне на глаза. Подборка — «Стихи молодые». И в ней — «Вечер на сенокосе». Это — 12 июля 1964 года.

Листаю далее. 2 сентября 1964 года. «Вологодский комсомолец» печатает два рубцовских стихотворения: «Березка» и «Ось». 11 октября напечатана «Родина». Один из рубцовских шедевров. Но тогда это так не воспринималось. Вроде бы самое обычное стихотворение, неплохое, как казалось — на фоне тех стихов, что печатались тогда. Теперь же многие из нас знают рубцовскую «Родину» наизусть.

23 октября в «Вологодском комсомольце» появились «Есть пора» и «Душа моя».

Но когда же произошла моя первая встреча с Рубцовым? Вот подборка — из четырех стихотворений, 10 февраля 1965 года. Значит, это произошло в начале 1965 года. Вероятнее всего — в январе.

Это было трудное время для Николая Рубцова. Он отчислен из Литературного института. Ему негде жить. Он скитается от одной случайной квартиры к другой, кто приютит. Очень нуждался. Чтобы помочь ему, мы подготовили тогда в «Вологодском комсомольце» его первую значительную подборку, куда входили: «Цветы», «Зимняя песня», «Мечты» и другие. Я заказал к подборке рисунок Генриетте Бурмагиной. Она, в будущем — известный мастер, тогда была начинающим художником и работала в штате «Вологодского комсомольца». Ее судьба тоже сложилась трагически. Погиб в автокатастрофе ее муж, известный вологодский график Н. Бурмагин. Она, пережив его на восемь лет, умерла от рака еще молодой. В Вологде ныне есть улица Бурмагиных.

Но вернусь к Рубцову. В «Вологодском комсомольце» было напечатано большинство лучших стихов поэта и, как правило, при моем участии.

* * *

Постепенно у нас сложились своеобразные и довольно близкие отношения с Рубцовым. На то была и своя прозаическая причина, его постоянно мучило безденежье. И он у меня постоянно занимал деньги. Но Николай был деликатным человеком и сразу, «напрямик», попросить в долг стеснялся. И, смущаясь, обычно заводил какой-либо другой разговор. А о чем мы с ним могли говорить? Ведь житейски никак не были связаны друг с другом. Об одном — о литературе, о поэзии. Рубцов обнаружил во мне любителя поэзии, и если сначала все это было лишь предлогом, чтобы в конце разговора попросить очередные три рубля, то постепенно мы привыкли друг к другу, и нам стало интересно друг с другом. И это стало уже привычным: прийдя в редакцию, он заходил ко мне и уже не просто просил взаймы, а уже искренне говорил о самом главном, самом волнующем для себя — о поэзии и своих стихах.

Я мог бы многое написать об этих беседах. Но память коварна, невольно что-то подзабыв, можешь быть неточен, а иногда исказишь истину. Поэтому не считаю, что имею моральное право писать обо всем этом подробно. Скажу лишь кратко: Рубцов иногда сомневался в себе (жи-

тейские неудачи заставляли его сомневаться), но большей частью он верил в свое высокое призвание, в то, что он — выдающийся поэт.

— Я не гений, нет, — рассуждал он примерно так. — И пишу мало. И ничего, кроме стихов, писать не могу. А вот Пушкин все мог и писал так много. Потому что — гений. Но ведь и Тютчев был гений, а писал мало. Почему так? Потому что Пушкин — как Вселенная, и ему надо было написать обо всем. А вот Тютчев писал о человеческой душе. И это тоже великий путь в литературе. Но писать об этом постоянно и много нельзя. Писать можно, когда чувствуешь особое состояние души. А ведь это — редкие моменты.

Он помолчал, потом продолжил — как бы сам с собой:

— Да, я учусь у Тютчева. Он писал так глубоко, но и так просто. Вот вслушайся:

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло.

Вроде бы просто едет человек, описывает, что видит, а получается поэзия. Через некоторое время он принес мне свое новое стихотворение:

Въезжаем в рощу золотую, в грибную бабушкину глушь,
Лошадка встряхивает сбрую и пьет порой из теплых луж.
Вот показались вдоль дороги поля, деревня, монастырь.
А там — с кустарником убогим унылый тянется пустырь.

— Тютчевское? — спросил я его.

— Мое, — улыбнулся он. — Но есть что-то от Тютчева, немного. В самом начале.

* * *

Конечно, как большинство советских людей, он был неверующим. Но в его стихах нередко прорывается интуитивно религиозное чувство.

А туча шла гора горой!
Кричал пастух, металось стадо.
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.

Прочитав это впервые, я восхитился и сказал ему:

— Коля, твоя молчащая под грозой церковь — это ведь символ, религиозный образ.

— Верно, — ответил он.

Рубцов подарил мне небольшую иконку — медный складень. И пояснил:

— В земле нашел, в деревне.

— Не могу взять.

— Бери, ты же мне помогал.

К сожалению, складень я не сохранил — передарил его умиравшему от рака больному человеку.

...Но, безусловно, Рубцов верил в свое литературное бессмертие. «Я не гений, не Пушкин, — так он, примерно, рассуждал о себе. — Но в русской поэзии останусь на все времена». Пушкин был в его сознании недосягаем.

Ныне рядом с блестящей плеядой вологодских поэтов, вышедших на мировую арену — Батюшковым, Клюевым, Северяниным, Шаламовым по праву стоит и имя Рубцова.

Он, как «неведомый отрок», промчался по нашей жизни и «скрылся во тьме», освятив ее своими стихами. Его короткая жизнь была житейски трудна. Он хватил лиха...

* * *

Я стремился, на сколько мог, житейски помочь Рубцову. При моем содействии его приняли на работу в «Вологодский комсомолец», на полставки, в качестве литконсультанта. Работник он был, прямо скажем, никакой. Работать не только не хотел, но и не мог.

Большинство его заметок в «Вологодском комсомольце» написано при моем участии. Статья «Подснежники» — об Ольге Фокиной, вошедшая во многие издания, написана по моему настоянию. Сначала он это писать не хотел. «Чего о ней писать? Ее власти лелеют, и любят. А меня...»

Но потом все-таки написал, увлекся. Ведь писать или говорить о поэзии и поэте — это было для него хлебом духовным. Он жил поэзией. Мы в газете все это понимали и старались закрывать глаза на многое.

«Я — Николай Михайлович Рубцов, возможность трезвой жизни отрицаю». Конечно, он пил. Каждый день. Единственное различие было в степени: либо пьян, либо сильно пьян, либо «выпимши». Чаше всего он бывал в этой степени — «выпимши». И нередко становился агрессивен, способен был на любую выходку. И вот однажды...

Редакция «Вологодского комсомольца» тогда располагалась в одном здании с горкомом партии. И естественно, столовая была одна, общая, и мы питались вместе с горкомовцами.

И вот сижу я в столовой, обедаю, за столом — один. За соседними столиками — горкомовцы, среди них секретарь горкома Болонин (кстати, человек он был неплохой, ныне уже покойный).

Вижу, заходит, покачиваясь, Рубцов. В состоянии — «выпимши». Направляется ко мне. Садится рядом. Спрашивает, что нового.

Я говорю, что получил комнату (это была первая «собственная» комната в моей жизни).

— У тебя до сих пор не было жилья? — удивляется Рубцов.

— Не было, — отвечаю, забыв, что жилье — это большая тема.

И вот тогда Рубцов встает из-за столика, выходит на середину столовой и громко, с вызовом кричит:

— Вы!

В столовой устанавливается полная тишина. Рубцова не знают. Но все понимают, что происходит нечто необычное, вызывающее.

— Вы! — продолжает Рубцов. — Вы все имеете жилье и хорошую еду. А вот он (показывает на меня, я готов сквозь пол провалиться), он — труженик газеты, до сих пор не имел жилья. А вот я, поэт Николай Рубцов, до сих пор не имею жилья!

Первым посчитал своим долгом прервать все это секретарь Болонин. Он подскочил к Рубцову и закричал:

— Вы кто такой? Прекратите это безобразие! Немедленно прекратите!

Но Рубцов уже не помнил себя, он прервал Болонина:

— А ты кто такой? Я знаю, кто ты! Ты — клоп. Ты сидишь на теле народа и сосешь его кровь. И все вы клопы! А я — знаменитый поэт Николай Рубцов. И ты, клоп, еще будешь гордиться, что говорил со мной!

Скандал получился невиданный. Вызвали милицию, забрали Рубцова (впрочем, сразу выпустили).

А в редакцию вскоре поступил негласный приказ из обкома партии — уволить из редакции. Так Рубцов был уволен.

Он позвонил мне, просил о защите. Но я ничем не мог помочь ему. Он, видимо, обиделся на меня. И наши отношения с ним прервались. И, как выяснилось, уже навсегда.

* * *

Когда я узнал о гибели Рубцова, то был потрясен. Но — увы! — не удивился. Хотя его материальное положение к этому времени улучшилось, он получил квартиру и, самое главное, — уже много печатался, и к нему приходила слава, все равно образ жизни, который он вел, добром кончиться не мог. Что-то должно было случиться. Это чувствовали многие... И он сам предчувствовал свою смерть и даже точно предсказал ее время: «Я умру в крещенские морозы».

Но обстоятельства его гибели поразили всех. 19 января 1971 года он был задушен женщиной, своей любовницей, поэтессой Людмилой Дербиной.

Что же произошло? Здесь надо посмотреть в его прошлое. Конечно, будучи одиноким человеком, Рубцов был рад, когда к нему приехала и поселилась в его квартире молодая женщина, поэтесса, поклонница его поэзии. Рекомендовал к изданию ее стихи. Но вскоре по Вологде пошли разговоры: у Рубцова ничего к лучшему не изменилось, живут плохо, все время скандалы. Да и женщина оказалась отнюдь не с нежным сердцем: жесткая, сильная, крайне тщеславная. Своего рода «Сальери в юбке». Она сама себя называла ведьмой, волчицей, медведицей (характерные признания). Она сама признавалась, что способна в «пылу азарта» взвиться, «отколоть номер», «перепутать все карты», была способна на все ради самоутверждения. А Рубцов в быту был трудным человеком, способным вызвать раздражение. Так и произошло это убийство.

Вот как описывает сама Людмила Дербина то, что произошло в ту роковую ночь в своих воспоминаниях о Рубцове — «Все вешало нам грозную драму» (Вольск, 2001):

«— Я раскрою тебе череп!

Он был страшен. Стремительно пробежав к окну, оттуда он ринулся в ванную. Я слышала, как он шарит под ванной рукой, ища молоток. Меня всю трясло, как в лихорадке. Надо бежать! Но я не одета! Однако животный страх кинул меня к двери. Он увидел меня, мгновенно выпрямился. В одной руке он держал ком белья (он взял его из-под ванны, когда искал молоток). Простыня вдруг развилась и покрыла Рубцова от подбородка до ступней ног. «Господи, мертвец!» — мелькнуло у меня в сознании. Одно мгновенье — и Рубцов кинулся на меня, с силой толкнул меня обратно в комнату, роняя на пол белье.

Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали на пол. Та страшная сила, которая долго копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал. Набато бухало сердце. «Нужно усмирить! Нужно усмирить!!» — билось у меня в мозгу. Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила его руку, тыльную сторону ладони. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала тереть его за горло. Под палец попадала тоненькая жилка, которую я и приму за дыхательное горло в силу своего дремучего невежества в медицине. Он крикнул мне: «Люда прости! Люда, я люблю тебя! Люда, я тебя люблю!»

Если он смог прокричать три фразы подряд, значит, его настоящее, твердое, ребристое дыхательное горло было свободным. Я только оцарапала над ним кожу. Сейчас я думаю, что в потасовке ему стало плохо с сердцем и он испугался, что может умереть. Потому и закричал, чтобы остановить меня. И тут я увидела его лицо с синюшным оттенком. Вдруг неизвестно отчего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас».

Так ли все было — тому свидетелей нет: но очевидна попытка Дербиной обелить себя, доказать, что она не убивала Рубцова, у него стало плохо с сердцем. Эта версия подхвачена некоторыми газетчиками. Но большинство вологжан уверены в ее виновности. И вспомним суд.

Суд признал Дербину виновной и приговорил ее к восьми годам тюрьмы.

Выйдя из тюрьмы и уехав из Вологды, Дербина напечатала много стихов о Рубцове и воспоминания о нем. Эти воспоминания были прочитаны известными литераторами: Виктором Боковым, Евгением Евтушенко, Федором Абрамовым. И они в известной мере отнеслись к ней сочувственно, но ведь они исходили из слов самой Дербиной.

В последние годы Л. Дербина усиленно создавала миф о высокой, «исступленной, трагической любви» (боковские слова) между нею и Рубцовым. Так ли это? Была ли такая любовь?

Даже время вряд ли разрешит тайну этой трагедии. Моя личная точка зрения такова. Женщина, даже совершившая преступление, заслуживает если не прощения, то во всяком случае жалости и снисхождения. И, несомненно, за эти годы она много настрадалась.

Но я не верю в создаваемый Дербиной миф о роковой любви-страсти. И на то есть, на мой взгляд, доказательство. Когда к поэту приходит любовь, он не может не писать об этом. Даже если это и «поединок роковой». Вспомним знаменитый «денисьевский» цикл Тютчева с его «опасными» строками: «О, как убийственно мы любим...» Но никакого «дербиновского цикла» у Рубцова нет.

Его муза о том молчит. И вряд ли это случайно.

Любовь вологжан к поэзии Рубцова огромна. Он свой поэт. Истинно народный. И мне приятно, что когда-то он подарил мне свою первую тонюсенькую книжечку стихов — «Лирика» — с такой надписью: «Володе Арину — с любовью на память. *Н. Рубцов*».

ЖЕСТОКИЙ ДАР

Виктор Петрович Астафьев жил в Вологде с 1969 по 1980 год. Здесь написаны «Царь-рыба», «Пастух и пастушка», «Затеси» и другие его известные произведения. Его первые книги — «Черемуха» и «Прости меня» — навсегда вошли в вологодскую театральную историю. Вернувшись на родину, в Красноярск, писатель неоднократно обращался к вологодским темам.

Обстоятельства позволили мне услышать от него такую откровенность, на которую я не мог даже рассчитывать. Возможно, я был в числе первых, кто услышал от него подобное.

Было это, вероятно, в 1979 году (или на год позже). До этого я неоднократно встречался с Виктором Петровичем, брал у него интервью, публиковал в газетах свои материалы о нем. Все было нормально. Но вот в 1978 году у меня из-за нашей с В.А. Кошелевым пьесы о Батюшкове произошло резкое столкновение с руководством Вологодской писательской организации. Некоторые наши ведущие писатели выступили тогда против постановки пьесы в Вологодском драмтеатре. Астафьев первоначально вроде бы был нейтрален. Но однажды на худсовете театра публично разнес пьесу в пух и прах. Мол, это — не драматургия, не пьеса, это ставить нельзя. Я был морально убит. Выступление известного писателя казалось для пьесы смертным приговором.

Но каково было мое удивление, когда на следующий день Виктор Петрович позвонил мне и пригласил к себе в гости. Я ничего не понимал. Как же так — вчера он мне нанес удар, а сегодня приглашает к себе. Зачем?

Прихожу в его квартиру на Ленинградской улице. Он дома один. На столе — коньяк, закуска. И он — сама любезность. Встречает меня радушно и приветливо. Я ре-

шительно ничего понять не в силах. Но садимся за стол, пригубили коньячку. И начинается разговор. Говорит преимущественно Астафьев. Я жду: он сейчас объяснит, чем и почему ему не понравилась наша пьеса. Но, к моему полному недоумению, он не произносит о пьесе ни слова. Взамен я слышу образный, страстный, почти исповедальный, с крепкими словечками, монолог Астафьева о том, что он хотел бы написать, что его волнует сегодня.

Говорил он примерно так: цель моей жизни — написать ужасающую правду о войне. О том, что наша победа добыта морем крови и горами трупов. Немцы воевали лучше нас. Мы просто завалили их миллионами трупов. Наши полководцы были бездарны.

Астафьев говорил почти неистово. О подобном я не слышал ни от одного фронтовика. О таком не писал ни один советский писатель.

Впоследствии он действительно будет так писать и так говорить публично. Но я-то слышал такое впервые. Вполне понимаю ныне негативную реакцию на подобное наших уважаемых фронтовиков-ветеранов. Такие протестующие голоса раздавались по всей стране. Но Астафьев стоял на своем.

А в тот памятный для меня вечер Виктор Петрович продолжал потрясать меня: «Если я напишу свою ужасную правду, меня могут посчитать предателем. Но я — не предатель. Я — солдат, заплативший за эту правду своей искалеченной молодостью, своей кровью, своими ранами. И Солженицын — не предатель, никакой ни «литературный власовец». Он тоже говорит правду». И это было смело сказано для того времени, когда обличать Солженицына считалось за правило. И все-таки (во всяком случае мне так почувствовалось) в самом неистовстве, с каким все это говорилось, была какая-то тенденциозность.

В этой тенденциозности были, конечно, и обида, и боль за пережитое на войне. И еще, как мне показалось, яростное желание, писательская жажда — сказать о войне то, чего никто до того не говорил. А жажда писательского самоутверждения — мало с чем сравнима. И она, на мой взгляд, завела писателя слишком далеко. Талант жесток и двойствен. Он не всегда ведет вперед, он может завести и в тупик.

О многом сказал мне в тот далекий вечер Виктор Петрович Астафьев. Но почему? Конечно, что-то мне стало еще тогда понятно. Но более точное и полное объяснение пришло впоследствии.

Спустя примерно три года нашу с В.А. Кошелевым пьесу взялся поставить известный театральный деятель, народный артист СССР Игорь Горбачев, и премьера состоялась, но Астафьева уже давно не было в Вологде. Потом, по воле случая, я узнал, что Астафьев нашу пьесу не читал, а говорил о ней столь резко с чужих слов. Собственно, подобное было в духе советских писателей.

Но Виктор Петрович был совестливым человеком. Пригласив меня к себе, он как бы извинялся передо мной и потому одарил меня своей откровенностью. Таким он и был — и грешным, и способным к покаянию. Таким он остался в моей памяти. И сам сказал мне приблизительно так: «Все люди грешны. И я грешен. Но не согрешишь, не покаешься. Литературный талант — жестокий дар».

В.П. Астафьев обладал большим и жестоким даром.

ЗВЕЗДА ВАСИЛИЯ КАНДИНСКОГО

В 1994 году в Вологде была издана моя книга «Женщинам читать запрещено», эротический детектив, о чем уже говорилось. Книга наделала в Вологде много шума. Вот как писал об этом в своей книжке «Послесловия» (1999 г.) член Союза российских писателей Владимир Бабенко: «Если другие книги в Вологде выходили малыми тиражами, то тираж этой, в сегодняшней обстановке, оказался гигантским — двадцать тысяч экземпляров! ...Книгу расхватывали... Писатель — это особый мир. Владимир Аринин — это особый мир даже среди писателей... В Вологде Аринина многие любят, многие не любят. Нейтрального отношения к нему нет... По книге «Женщинам читать запрещено» его знают на Вологодчине почти все».

О чем же моя книга? О сексуальной революции в провинции, которая обрушилась на патриархальную Вологодчину с объяснимым опозданием, имела, так сказать, свои особенности, но во многом перевернула провинциальные нравы.

Мне неизвестно, насколько я был понят. Я исходил в своих утверждениях прежде всего из понятий наших классиков, но что-то безусловно оспаривал. К примеру, я никак не мог согласиться со словами Льва Толстого, что якобы «в наш развратный век» женщины стали хуже мужчин и на них — главная вина за упадок нравов. Нет, в наш развратный век — во времена СПИДа, кризиса семьи главная надежда — на женщину. Женщина — это нормальная жизнь, она не ведет войн, не вызывает кризисов и революций, она рождает жизнь и защищает ее от разрушения. Женщине морально запрещено убивать, разрушать, читать всякую порнолимоншину, прикасаться к всякой скверне, и этот моральный запрет исходит из самой души каждой настоящей женщины. И чаще всего женщина в этом выше мужчины.

Мои критики и недоброжелатели упрекали меня чуть ли не в аморальности. Мне трудно с этим согласиться. На мой взгляд, им следовало бы более внимательно присмотреться к тому, как в книге расставлены нравственные акценты. Для примера приведу фрагмент из книги — о художнике, «отце» абстракционизма Василии Кандинском. Из этого фрагмента очевидно, как автор относится к таким важнейшим явлениям, как любовь и творчество.

* * *

Он был тогда уже пожилым человеком. И одиноким. Его слава была еще впереди.

И вот однажды в его квартире раздался телефонный звонок. Звонила неизвестная ему девушка. Она просто-напросто передала ему привет от общих знакомых — по их просьбе. И все.

Но ее голос его поразил, показался ему необыкновенным и глубоко взволновал его.

На самом ли деле ее голос был необыкновенным? Во всяком случае она так не считала. И, разумеется, большинство людей вокруг нее тоже так не считало. Но миниатюрная молоденькая студентка Нина Андреевская действительно являлась необычной девушкой. И не только потому, что страстно увлекалась искусством, поэзией, языками, историей, не только... Было в ее душе нечто такое, что он, чуткий художник, почувствовал даже по телефону. И это стало для него личным событием. Он написал тогда картину — «Посвящение незнакомому голосу». И забыть ее голос не смог. Но они так и оставались незнакомы... Он шел своей неизведанной дорогой в искусстве совсем один. И как это ни парадоксально, переломным моментом для его творчества стала поездка в Вологодскую губернию. Когда он, рафинированный горожанин и интеллигент, вошел в крестьянскую вологодскую избу, почти сразу почувствовал: свою новую картину, которую замыслил, он напишет уже по-новому. И впоследствии писал об этом так: «Ярко помню, как я остановился на пороге перед неопишуемым зрелищем. Стол, лавка, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — все было расписано пестрыми, размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражения, красками переданная песня. Красный угол, весь завешанный писаными и печатными иконами, а перед ним красно-теплящаяся лампада, будто что-то знающая, про себя знающая, таинственно шепчущая, скромная и

гордая звезда». Он написал свои «Вологодские мотивы» — и нашел себя. И создал новое направление в искусстве — абстракционизм.

А с Ниной они встретились на одной из выставок в Москве. И он узнал ее по голосу. Шведская исследовательница Г. Рейнерс пишет: «1916 году, когда они встретились, ему был пятьдесят один год, Нине же всего восемнадцать. В их встрече было что-то мистическое, какой-то знак судьбы, оба это почувствовали. С тех пор они всегда были рядом».

В 1921 году его изгнали из красной России, в тридцатые годы предали шельмованию в Германии. Неизвестно, как бы сложилась судьба, если бы не она. Она дала ему силы перенести все испытания и стать знаменитостью на Западе. Правда, он оставался запрещенным у себя на родине в России вплоть до перестроечного времени.

Василий Кандинский умер в 1944 году. Она самоотверженно посвятила себя собиранию и хранению его работ, «спасла наследие Кандинского».

При жизни они не расставались ни на один день. Но она пережила его на много.

Но конец ее был трагичен. В 1983 году, когда она была в преклонном возрасте, ее в Париже убил какой-то маньяк, она стала его случайной жертвой.

Как все переплелось в этой истории: чудо, творчество, любовь, слава и убийство. Но все равно звезда Василия Кандинского горит для меня высоко.

«ВЗРЫВ» ЗОЛОТОГО «СЛОВА»

Что мне шумит?
Что мне звенит издалека?¹
«Слово о полку Игореве»

НЕУЖЕЛИ ПОДДЕЛКА?

Все это десятки лет таилось и жило в глубине души. Такое мне дано от природы. Я способен долгие годы мучиться той или иной тайной, размышлять о ней, уставать и забывать ее, снова возвращаться, опять забывать и уже не верить, что подобное возможно разгадать. Но однажды — как вспышка, как озарение — что-то зашумит, что-то зазвенит издалека, и душа встрепенется — вот оно: открылось, найдено, разгадано. И это — такой счастливый, редкостный, звездный миг. Сомнения придут потом. Пока это счастье — ты веришь, что разгадал тайну. Поиск многих лет был не напрасен.

Конечно, можно обмануться, пойти ложным путем. И, разумеется, вы можете со мной не согласиться, на то — ваше право. В таком случае отнеситесь к написанному мной как к версии, одной из бесчисленных версий вокруг великого памятника русской культуры — «Слова о полку Игореве». Но я верю в свое открытие, в свой «взрыв», иначе не стоило бы браться за перо.

По моему глубокому убеждению, «Слово о полку Игореве» содержит в себе особую тайну. Отрешившись от стереотипов, взгляните на это как бы со стороны. В «Слове» всего-навсего 2800 слов. А об этих немногих словах написана и напечатана целая библиотека. Никто из выдающихся русских людей не прошел мимо «Слова», всех оно коснулось. И мы с детства знаем наизусть многие строфы из

¹ Здесь и далее перевод Д.С. Лихачева.

«Слова». Оно обладает каким-то магическим, сродни библейскому, воздействием на нас. Отсюда — буквально тысячи исследований, иллюстраций, прозаических сочинений, стихов, музыкальных произведений. Это — целый пласт нашей культуры.

Но, на мой взгляд, это не означает, что в этом пласте все устойчиво, понятно, определено. «Слово», как я считаю, таит в себе до сих пор интеллектуальный «взрыв». И такой «взрыв» был недавно, в 1963—1964 годах. Именно тогда появилась концепция известного историка Александра Зимина о том, что «Слово о полку Игореве» следует датировать не XII, а XVIII веком. Фактически это означало, что «золотое слово русской литературы», как называл его Д. С. Лихачев, — подделка, литературная имитация.

Правда, подобные версии, особенно на Западе, появлялись и раньше. Но впервые А. А. Зиминим был представлен обстоятельный, научный труд, основные доводы которого столь очевидны и неопровержимы. Сам Зимин избегал термина «подделка», он говорил об изменении датировки создания памятника. Но совершенно логично в то время академик Д. С. Лихачев, с трудом сдерживая негодование, писал: «Вопрос о датировке «Слова» — это вопрос, быть или не быть «Слову». Это вопрос жизни или смерти этого памятника».

Интеллектуальный «взрыв», произведенный концепцией А. А. Зимина, хотя и носил как бы специальный, научный характер, потряс всех, все просвещенное общество. Но мнение большинства было очевидно — «Слово о полку Игореве» не могло быть подделкой. Подобное не могло быть даже дискуссионно. Это исходило изначально, с момента появления «Слова». Так сложилось исторически.

* * *

Ведь это был подарок, предназначенный великой императрице Екатерине II. И это был великолепный, удивительный подарок, который сразу выделился из всех подарков, преподносимых императрице, — никому не известная до того гениальная древняя поэма. Но императрице не мог быть подарен поддельный бриллиант. Такое даже подумать было опасно. И «Слово» сразу официально стало подлинником, не подвергающимся в том ни малейшему сомнению.

Но Зимин обратил внимание на весьма подозрительное поведение графа А. Мусина-Пушкина, сделавшего императрице такой невероятный подарок. Совершив это, граф как бы отошел от всего, что связано со «Словом», не при-

нимал никакого участия в его издании, перепоручив все своему помощнику А. Малиновскому. Зимин писал: «Самоустранение графа от издания «Слова» наводит исследователя на мысль о том, что А. Мусин-Пушкин в случае разоблачения мистификации хотел представить дело как результат заблуждения А. Малиновского». И в автобиографии, написанной графом незадолго до смерти, в которой названы его главные заслуги, ничего о «Слове» не говорится. Такое не могло быть случайно.

И примечателен такой косвенный, но показательный факт: хотя в те времена проблемы литературных подделок еще просто не существовало, но сами подделки уже существовали. Не покладая рук плодотворно трудился некий Афанасий Иванович Бардин, торговец старинными рукописями и книгами, многие из которых втихомолку, обмывая доверчивых покупателей, изготовлял... он сам. Работал он — прости его Господи — на старом пергаменте, использовал рыжие и черные чернила. Сам писал, сам рисовал миниатюры. Фальшивокнижник, русский умелец, своего рода оригинальный талант. Так вот он, этот Бардин, после публикации «Слова» изготовил четыре (!) «подлинника» поэмы. Притом так искусно, что один продал (анекдот!) тому же А. Малиновскому. Правда, авантюра не удалась, Бардин был разоблачен одним из специалистов-палеографов. Но полное разоблачение этого гения подделки произошло лишь в XX веке, когда обнаружилось, что множество «старинных» рукописей создано в XIX веке незабвенным А. И. Бардиным собственноручно. Так что подделки, в том числе и «Слова о полку Игореве», были.

* * *

Но подлинность «Слова», начиная с Екатерины II, была как бы освящена самой верховной властью. Это прошло сквозь века и было спустя столетия унаследовано ЦК КПСС. Безусловно, идеологам партии были абсолютно не нужны общественные потрясения и сомнения вокруг памятника литературы, который входил как важное средство патриотического воспитания в школьные программы.

Зимин это понимал. Но он пытался убедить в своей правоте всех: и академика Лихачева, главного своего оппонента, и Академию наук, и, конечно, ЦК КПСС. Адресуясь к идеологам партии, он все время твердил, что является историком-марксистом, ничего общего с буржуазной наукой не имеет, и его концепция прямо вытекает из... исторических решений XX и XXIII съездов партии, кото-

рые «привели к коренному перелому в изучении важнейших проблем истории и литературы. Снова был поставлен на повестку дня вопрос о времени создания «Слова о полку Игореве».

Ах, какая наивность, Александр Александрович, а еще умный человек! ЦК КПСС такими «штучками» было не обмануть. Запрет труда Зимина фактически был неизбежен.

Когда я узнал о концепции Зимина, во мне произошло как бы раздвоение. Умом я понимал, что Зимин прав. Но душой, как русский человек, идею о подделке «Слова» я принять не мог. И мне самому для себя предстояло найти ответ, в чем же правда. Так начался мой поиск, внутренний путь к своей версии. Всей душой я не хотел, чтобы «Слово о полку Игореве» было подделкой, но верил в честность Зимина, его научную оригинальность и питал к нему глубокое сочувствие. Иного и быть не могло.

СОБЛАЗН

Лично я хорошо знал А. А. Зимина. Будучи студентом Московского историко-архивного института, я занимался в его спецсеминаре «Ереси на Руси в XIV-XV веках». Вероятно, это было в 1960 году.

К тому времени Зимин, занимавший весьма скромное положение в нашем маленьком, но весьма своеобразном институте, защитил докторскую диссертацию по Ивану Пересветову и идейной борьбе на Руси в XVI веке. До этого он вел так называемые вспомогательные исторические дисциплины. И к нему чувствовалось даже снисходительное отношение коллег: заумен, странен, непонятен, неумелый педагог. Однако его докторская, а также многочисленные научные публикации заставили посмотреть на него по-другому. К Зимину потянулись самые способные и мыслящие студенты. И в нашем спецсеминаре его авторитет был непререкаем.

Правда, обстановка была своеобразной. Зимин оставался педагогом-неумехой. Войдя на кафедру, он начинал невнятно, себе под нос «бубнить» очередную тему, как бы не обращая никакого внимания на аудиторию. Можно было делать что угодно. Например, просто встать и уйти, заниматься чем-то посторонним. Но у Зимина такого не было. Стояла полнейшая тишина. Он был для нас Учителем.

Помню, мы с ним говорили о Ниле Сорском, выдающемся церковном деятеле средневековья, и Александр Александрович, пронзительно взглянув на меня (пойму ли

я его?), срывающимся голосом сказал: «Нил завещал выбросить свое тело после смерти собакам. Вот как!» А я подумал: «Какой ты фанатик! Ты, видимо, хочешь сказать, что вот так надо служить идее, презрев все остальное, с такой страстью».

Я тоже знал, что такое страсть. И был великий соблазн — пойти за ним, наследовать, продолжить его. Мы с ним были одного поля ягода: шли против течения.

Но что-то внутри остановило меня. И ведь я не хотел быть ученым, хотел быть писателем.

Конечно, я не мог знать тогда, что мне придется его и наследовать, и доказывать его правоту, и вместе с тем опровергать его и бороться с ним. Но как с ним поборешься, если он по существу прав. Даже такой гигант, как Д.С. Лихачев, на мой взгляд, в научном поединке вокруг «Слова» фактически проиграл А. А. Зимину. Тут был нужен совершенно новый взгляд, новая, неожиданная, выходящая за рамки традиционных представлений версия.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

Для меня моя версия начиналась с осознания, что «Слово о полку Игореве» — очень странное произведение с весьма странной историей. Совершенно неизмеримы масштаб и значимость его в нашей истории и литературе с реальным событием, которому оно посвящено. О чем оно? Об отдельном, можно сказать, частном походе против половцев, который возглавлял некрупный, из второстепенного княжества на Десне князь Игорь, и полной неудаче этого похода. Д. С. Лихачев пишет: «Летописи рассказывают, что четыре русских князя весной 1185 года отправились в поход за Дон, самонадеянно намереваясь победить исконных врагов Русской земли — половцев и дойти до самого Лукоморья — до берегов Азовского моря, где были зимовья этого воинственного и многочисленного степного народа.

Эти четыре князя были — Игорь, князь маленького Новгород-Северского княжества на Десне, его брат Всеволод, князь Трубчевский, племянник Святослав и юный сын Игоря — Владимир».

Собственно, это была не оборона, не защита Руси, а нападение, причем неподготовленное, авантюрное, закончившееся полным поражением. Что же и зачем это воспевать? Князь Игорь не был заметной фигурой в русской истории. Своей искусственной славе он обязан только

«Слову». Он затеял свой недалёковидный поход прежде всего из-за тщеславия и проиграл его.

Меж тем этому катастрофическому походу после публикации «Слова» посвящена столь обширная, огромнейшая литература, не считая изоискусства, музыки и т. д., что несравнимо с тем, что посвящено великим русским походам и великим русским победам. Притом все это возникает, начиная с XIX века. Ранее о походе Игоря знали лишь специалисты-историки, а о «Слове о полку Игореве» не знал никто.

Главный и убийственный довод против подлинности «Слова», на чем основана концепция Зимина, очевиден:

«Слово» неизвестно Древней Руси. С XII по XVIII век о нем, а также его авторе никто ничего не знает. Между тем на Руси везде и всегда были свои знатоки, интеллектуалы, книжники, летописцы. Им известны все выдающиеся сочинения своего и раннего времени, которые переписывались или, по крайней мере, цитировались. Но самого выдающегося, гениального произведения не ведаёт никто. Древняя Русь не знает из «Слова» ни слова. Такого быть не могло. И это незнание — подлинный приговор подлинности «Слова». Как было возможно «не замечать» это?

Некоторые странности возникли вокруг «Слова» уже с момента его появления.

Поэма была найдена в 90-е годы XVIII века известным собирателем древних рукописей А. И. Мусиным-Пушкиным. Она якобы находилась в сборнике светского содержания, который был куплен миссионером Мусина-Пушкина в Спасо-Ярославском монастыре у архимандрита Иоилia. Далее со «Слова» были сняты копии, но лишь одна из них, предназначавшаяся лично для Екатерины II, уцелела. В 1800 году «Слово» было издано тремя лучшими знаатоками древних рукописей: А.Ф. Малиновским, Н.Н. Бантыш-Каменским и знаменитым историком Н.М. Карамзиным. Но в 1812 году, во время московского пожара, большая часть тиража издания сгорела. И самое главное — сгорела рукопись «Слова», первоисточник. И проверить на подлинность эту рукопись уже было нельзя.

И впоследствии сомнения в подлинности памятника подспудно, в разных вариантах у разных лиц, стали возникать и шириться. Концепция А. А. Зимина появилась отнюдь не на пустом месте. Он наследовал, обобщил и развил скептическую традицию, постепенно сложившуюся в русском обществе. Об этой традиции знали немногие, но она уже сложилась.

Но вплотную заняться «Словом» Александра Александровича побудила огульная, как он считал, критика советскими учеными концепции французского слависта А. Мазона. Не согласившись с этим, Александр Александрович (он отличался огромной эрудицией и почти фантастической работоспособностью) полностью погрузился в изучение «Слова» и всего того, что связано с ним. Так родилась сенсация. 27 февраля 1963 года Зимин сделал доклад в Пушкинском доме на заседании Сектора древнерусской литературы. Слух о том, что предстоит нечто невероятное, мгновенно облетел научные круги Ленинграда. На заседании присутствовало около 150 научных работников. И Зимин произвел шок, объявив «Слово о полку Игореве» произведением XVIII века, то есть фактически подделкой. Произведя подлинный фурор, Зимин вернулся в Москву и продолжил свою работу. Он начал писать книгу, первый вариант которой был написан к июлю 1963 года. В книге его концепция была развернута широко и обобщенно. Вскоре книга была выпущена тиражом в 100 экземпляров (ротапринт). И Зимин полагал, что она убедит всех сомневавшихся в его правоте и будет издана. Он был идеалистом — Зимин.

Благодаря московским знакомствам мне удалось прочитать книгу, я попал под обаяние логики Зимина, но сразу посчитал, что и здани е ее невозможно.

ЕГО КОНЦЕПЦИЯ

Он считал, что служит исторической правде, и готов был защищать эту правду любой ценой. Даже если это грозило ему серьезнейшими неприятностями. Он не верил, что лишает нацию его литературного шедевра. Просто, по его словам, он переносил этот шедевр в другое время, из XII в XVIII век. Его книга начиналась подлинным гимном «Слову». Он писал:

«Слово о полку Игореве»... Целый мир образов и красок, высоких помыслов и глубоких чувств, находящихся отзвук в сердцах всех тех благодарных читателей, кому дороги героические и поэтические страницы истории нашей отчизны... «Слову о полку Игореве» посвятили многие страницы своих творений Пушкин и Гоголь, Шевченко и Франке, Жуковский и Радищев, Белинский и Бородин. «Слово о полку Игореве» — одно из замечательных произведений мировой литературы. Его библиография насчитывает более 1000 названий исследований и переводов». Но, воздав должное прошлым и современным исследователям «Слова», Зимин обращал особое

внимание на тех, кто в той или иной форме выражал скепсис по отношению к памятнику. Скептики отмечали в «Слове» противоречия и ошибки. И как указывает Зимин: «Странным казался и язык древней поэмы, в котором находили слова и выражения из современных украинского и польского языков». Свои сомнения по отношению «Слова» высказывали такие крупные знатоки русской истории: Евгений Болховитинов, М.Т. Каченовский, О.И. Сенковский, К.С. Аксаков. Кстати, митрополит Евгений (Болховитинов), энциклопедист по своим знаниям того времени, живя одно время в Вологде, писал в частном письме: «Об Игоровой песне я не сомневался, что она давняя и могла сочинена быть в XV веке... Но что она была древняя, до XII века, на то потребны доказательства». Пушкин верил в подлинность «Слова», но недоумевал, как мог возникнуть такой поэтический шедевр в голой степи отсутствия самой поэзии, и с удивлением указывал, что «Слово» «возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности». Зимин брал все это на свое вооружение. Обобщая все «скептическое» по отношению к «Слову», он доказывал, что оно ни малейшим образом не связано с древней русской литературой, стоит в ней абсолютно особняком.

Но сторонники подлинности «Слова» ссылались на приписку в «Апостоле» (1307 года), представляющую «парафраз» из «Слова», и как на главный аргумент — своего рода «цитаты» в «Задонщине», произведении о Куликовской битве, на многие совпадения в текстах.

Но Зимин говорит на это убедительное «нет». По его мнению, все обстоит как раз наоборот. Именно «Задонщина» послужила образцом, и «цитаты» в «Слове» как раз оттуда. При подделке использовались и «Апостол», и «Слово Даниила Заточника», и «Слово о гибели Русской земли». Отсюда — небольшие совпадения. Притом в этих сочинениях «Слово» опять же не называется, оно неизвестно для их авторов.

И еще один убедительный довод в пользу Зимина. Он тщательно проанализировал, по его мнению, самый ранний список «Задонщины», написанный вологжанином Евфросином в Кирилло-Белозерском монастыре, и более поздние списки и убедился, что «Слово» текстологически ближе к поздним (XVII в.) спискам «Задонщины», чем к более ранним (XV в.). Значит, первоисточник «Слова» — «Задонщина».

Далее в своей книге Зимин переходил к разбору многих противоречий и ошибок, имеющих в «Слове». В частности, он писал:

«Так, по «Слову», брат Игоря Всеволод предстает перед нами курским князем. Однако исторический князь Всеволод Святославич княжил в Трубчевске. Сдвиг в представлениях автора «Слова» произошел из неверного осмысления рассказа летописи о том, что Всеволод шел навстречу Игорю через Курск».

Между тем в «Слове» есть целый фрагмент, воспевающий воинов-курян. («А мои-то куряне — опытные воины, под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены» и т.д.)

Еще одно противоречие, подмеченное Зиминим. Он указывал: «Автор «Слова» очень плохо разбирался в древнерусском оружии. Так, он заставляет «копья» петь, но они в XII веке были еще не метательным оружием (метательные копья тогда назывались «сулицами»). В двух общих с «Задонщиной» местах в «Слове» — «сабли» у русских, а в «Задонщине» — «мечи». Но в XII веке именно мечи были русским оружием, а сабли, встречающиеся у половцев, сделались обычным оружием русских воинов позднее».

Таких противоречий Зимин выявил много, сделав вывод: автор XII века не мог допустить их. Значит, автор жил в другом времени. И общий вывод: «Слово о полку Игореве» резко противостоит всем памятникам древнерусской литературы и по своим жанровым особенностям, и по идейному содержанию. Отсутствие в русской литературной традиции самого жанра героической поэзии не может считаться случайностью, порожденной плохой сохранностью письменных памятников. Могут исчезнуть отдельные произведения, но весь жанр исчезнуть и потом воскреснуть не может».

Что это значило? Только одно, что великое произведение — подделка. Все наши ученые, все наши корифеи, включая Д. С. Лихачева, изучая «Слово», занимались лженаукой. Бесчисленные произведения литературы, искусства, музыки, посвященные «Слову», вытекают из мифа. И нация полтора века воспитывалась и воспитывала молодое поколение на подделке.

КТО ПОДДЕЛАЛ «СЛОВО»?

Зимин доказывал, что это сделал архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль Быковский (1726—1798). Лицо духовное, владевший в совершенстве церковнославянским языком, знаток древностей, но в то же время — поэт, вольнодумец, вольтерьянец. До приезда в Ярославль жил в Чернигове. Именно близ Чернигова происходят

некоторые события, описанные в «Слове». Кстати, князь Игорь уже после половецкого плена стал князем в Чернигове. Были и другие совпадения. «Из числа лиц, живших в конце XVIII века... — писал Зимин, — кроме Быковского, никто не может претендовать на то, можно было связать с его именем создание Игоровой поэмы».

Собственно, по логике Зимина, Иоиль и не занимался никакой подделкой. Просто, будучи поэтом, написавшим немало стихов, он ради творческого эксперимента написал поэму на древнеславянском языке, используя при этом «Задонщину» и некоторые другие древние источники. А Мусин-Пушкин ловко выдал после смерти Иоиля это сочинение за памятник XII века.

И уже соглашаясь с Зиминим в главном, я испытал сомнение. Конечно, думал я, Зимин прав: «Слово» написано в XVIII веке, но вот по поводу автора у него выходило не очень доказательно. Получалось, что Иоиль, будучи посредственным поэтом, непризнанным и не печатавшимся, написал гениальное произведение. Как же это могло быть? Или в таком случае «Слово» — совсем не гениальное произведение? Просто мы привыкли, в силу традиции, считать его таковым. Так исторически сложилось. Но «Слово» можно оценивать как гениальное произведение при одном условии: если оно написано в XII веке. Только в таком случае автор «Слова» — подлинный гений, он опередил развитие литературы на несколько столетий, он создал выдающуюся поэму, когда собственно поэзии не существовало. Если «перенести» «Слово» в XVIII век, когда жанр поэмы был распространен, то сразу уникальность его теряется. И художественная оценка становится другой.

Но сам Зимин оценивал «Слово» чрезвычайно высоко, его оценка такова:

«По силе своего эмоционального воздействия и поэтического мастерства оно может быть сравнимо только с горными вершинами русской литературы всех времен». И более того — с вершинами мировой литературы.

Как ярославский архимандрит, оставшийся неизвестным в истории, мог написать шедевр русской и мировой литературы? Нет, на мой взгляд, вот тут у Зимина что-то не сходилось. За всем этим стояло что-то другое, какое-то другое лицо. Я тогда не мог представить, что столкнусь в реальной жизни с версией о таком лице. И это произойдет как в остросюжетном детективе. Я услышу рассказ о том, что якобы был человек, знавший тайну подделки «Слова». Он был арестован и расстрелян ЧК. Но об этом позже.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ

Судьба книги Зимина была predetermined, но официально она решалась весной 1964 года. Книга была представлена в ЦК КПСС и разослана в количестве ста экземпляров виднейшим деятелям науки и культуры (с условием возвращения автору после ознакомления).

Разумеется, все решалось на самом «верху» — в ЦК КПСС. И идеолог ЦК Л. Ф. Ильичев известил Зимина: «Книга в СССР издаваться не будет, но обсуждение ее состоится». И оно состоялось 4—6 мая 1964 года в отделе истории Академии наук СССР. В нем участвовало около 50 виднейших историков, специалистов различных наук. Журнал «Вопросы истории» (1964. № 1) поместил впоследствии отчет о происходившем под названием: «Об обсуждении одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве». Из него узнаешь, что на совещании присутствовали и выступали почти все корифеи нашей истории, археологии, литературоведения, текстологии, лингвистики. Среди них — академики Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, Д. С. Лихачев, Ф. П. Филин, Н. К. Гудзий и другие.

Отчет о совещании написан в «Вопросах истории» сухо, официально, перечисление фамилий, краткое изложение о том, кто что говорил. Притом изложение сугубо специальное, наукообразное. За этими сухими фразами невозможно представить то кипение страстей, ту резкость столкновений, которые бушевали на обсуждении. Здесь присутствовало немало и сторонников Зимина; Я. С. Лурье, А. И. Клибанов, А. Л. Мойгайт, В. Б. Кобрин и другие. «Энциклопедия «Слова о полку Игореве» даже считает, что «половину приглашенных составляли сторонники З(имина) или сочувствующие его взглядам». Видимо, в этом есть преувеличение. Но сторонников было немало. Им зажали рот, не давали слова. Большинство выступило против концепции Зимина, доказывая подлинность «Слова» и отвергая полностью его концепцию. Зимина «разоблачали» и «клеймили».

Как пишет историк А. Формозов (журнал «Вопросы истории». 1992. № 6-7), дискуссия свелась к «дискредитации автора». В газете «Известия» появилась статья, утверждавшая, что любой сомневающийся в древности «Слова о полку Игореве» — «враг нашей культуры». А «Правда» назвала подобное — «идеологической диверсией». Впрочем, фамилия Зимина не называлась.

На Западе вокруг имени Зимина и его книги была поднята шумиха. Последовали приглашения из известных западных университетов — для чтения лекций. Зимин отказался. Впрочем, он уже стал невыездным.

Далее цитирую слова А. Формозова:

«...Александр Александрович получил письмо от А. Мазона, желавшего познакомиться с работой и предлагавшего издать ее на Западе. Позиция автора и тогда, и позже была однозначна: «Работа о «Слове» принадлежит моей стране. Она первая услышала мой доклад. Она первая ее и напечатает».

Но на родине на этот счет было иного рода мнение. Тем более, что в данной ситуации прибегли к другому испытанному способу борьбы — умолчанию.

Конечно, Зимин все это тяжело переживал. Он продолжал работу над книгой о «Слове» до конца своей жизни. Рукопись достигла 1250 страниц — гигантский труд. Умер Александр Александрович в феврале 1900 года в возрасте 60 лет. Наверное, то что случилось с ним, укоротило его жизнь.

На его кончину появились две публикации: В. Б. Кобрин и Сергея Каштанова, бывшего выпускника нашего института, известного историка, в которой он, в частности, писал; «Жизнь А. А. Зимина — это непрерывное творческое горение. Он автор более 500 изданных работ, среди которых 7 монографий, около 20 фундаментальных публикаций источников и значительное количество статей монографического типа. За 40 лет своей непрерывной, самозабвенной творческой деятельности А. А. Зимин создал практически в два раза больше научной продукции, чем та, которая увидела свет» («История СССР». 1980. № 6).

Но из главного его труда — книги о «Слове» было напечатано лишь небольшие фрагменты. И характерно, что журнал «Вопросы литературы» (1967. № 3), публикуя такой фрагмент, предпослал ему свое предисловие, в котором предупреждалось, что редакция не согласна с концепцией Зимина, считает ее непонятной и неверной. А в качестве «послесловия», после текста Зимина, журнал поместил обширнейший материал Б.А. Рыбакова и В.Д. Кузьминой «Старые мысли, устаревшие манеры», в котором зиминский подход объявлялся отголоском опровергнутых реакционных и буржуазных теорий.

Итак, точка зрения большинства, что «Слово» подлинно, как бы утвердилось и победило. Она была поддержана властью. Иного и быть не могло. Иное было не только не патриотично, оно являлось вредной для советского человека, идейно враждебной. Фактически концепция Зимина попала под запрет.

В перестроечные и последующие годы, разумеется, Зимина уже не запрещали. Про его концепцию имеется ныне и кое-что в вузовских программах. Но все это подается чаще всего как ошибочная точка зрения, для того чтобы опровергнуть Зимина. Студентов знакомят не с подлинным, а искаженным Зиминим.

Но его концепция осталась отнюдь не опровергнута. Об этом прямо пишет «Энциклопедия «Слова о полку Игореве» — издание Академии наук и Пушкинского дома (СПб., 1995. Т. 2) указывая: «Оппоненты З(имина) не смогли убедительно опровергнуть мн(огих) положения докладчика».

Даже только одна эта фраза из академической энциклопедии показывает, что ситуация ныне резко изменилась. Зимина не только не третируют, не опровергают, к его концепции относятся с уважением и признанием. Притом указанная энциклопедия стремится стать над схваткой, быть объективной, учитывать взгляды обеих сторон.

Но ситуация изменилась не только в пользу Зимина. У сторонников подлинности «Слова» нашлись в последние годы важнейшие аргументы: страстное желание опровергнуть Зимина стимулировало их работу, был проведен ряд новых исследований. Так и появились эти, можно сказать, решающие доказательства и аргументы.

Первый из них таков: как пишет в той же «Энциклопедии «Слова о полку Игореве» известный исследователь памятника О. В. Творогов: «Никто в конце XVIII века не мог обладать всей суммой источников» XII века, которые стали известны лишь в последующее время. Этот аргумент приводился и во время обсуждения книги Зимина в 1964 году, но в последующие годы он получил новое развитие и новые доказательства.

Автор «Слова» — сын XII века, он уникален в знаниях своего времени.

И второй важнейший аргумент — языковые исследования последних лет «со всей очевидностью показали безусловную древность языка «Слова» (та же «Энциклопедия «Слова о полку Игореве»). Зимин прав — в тексте

обнаруживаются слова и стилистические обороты из того же XVIII века. Но языковая основа «Слова» — подлинная, из XII века.

Как совместить все это? Обе резко отрицающие друг друга стороны не могут быть правы одновременно. Кажется, из такого тупика выйти нереально. Но, на мой взгляд, выход есть, объяснение вполне возможно, противоположности совместимы. Для этого, как выход, я предлагаю свою версию.

МИСТИКА ПОИСКА

Но прежде все же хочу сказать «немножко о себе», о кое-чем личном, субъективном. По своим ощущениям, по собственному опыту я знаю: когда занимаешься какой-то крупной, глобальной темой, то, как правило, с тобой может случиться нечто странное, необъяснимое, почти мистическое. И это сильно и странно влияет на работу. Потому хочу вспомнить два случая, связанных у меня со «Словом».

Первый случай таков; когда я уже перебрался из архивного дела в журналистику (60-е годы) и работал ответственным секретарем в газете «Вологодский комсомолец», ко мне однажды в редакцию пришел необычный в некотором роде посетитель, принесший с собой толстенную рукопись — собственной исследование «Слова о полку Игореве». Я сначала решил — передо мной графоман, тем паче что он сказал мне: является простым рабочим, без образования. Но уже много лет, находя любым способом свободное время, занимается своим исследованием «Слова». И достиг, по его словам, собственной оригинальной его трактовки. «Моя концепция, — самонадеянно заявил он, — как бульдозер, снесет все ложные исследования «Слова», пусть они исходят от академиков и знаменитостей. Дайте только время. Талант все равно пробьет себе дорогу». Услышав такое, я испугался, в голове мелькнуло: «Не только графоман, но и сумасшедший». Но он протянул мне рецензию, написанную на его труд самим Зиминым (посылал свое исследование для оценки в Институт истории Академии наук и получил ответ от Зимина). Это на меня подействовало мгновенно. Оценка Зимина все меняла.

И меня поразило, что Александр Александрович оценивал эту работу, написанную простым рабочим, с уважением, подробно, заинтересованно. Хотя сразу указывал, что расходится с автором полностью (автор работы верил в

подлинность поэмы). И тем не менее Зимин обнаружил в работе много ценного, оригинального. И желал автору завершения его труда, указав и на ряд недостатков, которые следовало бы исправить.

Я был очень удивлен. Я проявил к этому человеку интерес и внимание. Более того — выбрал из его рукописи отрывок для публикации в газете. Он был рад этому, мы собирались общаться и далее.

Потом он взял свою рукопись, ушел, и вот странность — более в редакцию и ко мне не явился. Он исчез так же внезапно и необъяснимо, как и появился. В газете прошла публикация из его рукописи, но с тех пор я так его и не видел. И ничего не знаю о нем. Загадочная история.

Но этот посетитель и его труд произвели на меня довольно сильное впечатление. Прочитав совсем немного в его работе, я все же вдруг ощутил, как по-новому, свежо и оригинально может трактовать «Слово» любитель-дилетант, не связанный никакими традициями и шаблонами (если он, конечно, одарен), что «Слово» может быть источником неожиданных ощущений и открытий. Так я внутренне вернулся к «Слову».

А через несколько лет произошел еще один удивительный случай, который послужил своего рода внутренним толчком для моих новых поисков. Случилось это во время моей театральной поездки в Грузию (в конце, видимо, семидесятых годов). Я входил тогда в так называемую «театральную лабораторию», возглавляемую главным редактором столичного журнала «Театральная жизнь» Юрием Александровичем Зубковым. Яркий соцреалист, динозавр партийности в театре (театр уже был почти поголовно охвачен нигилизмом и диссидентством) человек, для которого «Любовь Яровая» была лучшей отечественной пьесой, а «Дни Турбиных» — реакционным белогвардейским опусом, он тем не менее был очень живым человеком, увлеченным, страстным в свои 70 с лишним лет, полным сил. У него была «двойная мораль»: обличая разложение буржуазного общества, он сам крепко выпивал, жил в свои лета со многими женщинами (наша лаборатория была во многом его гаремом).

И оказалось неожиданно, странно, что вот такой человек мог владеть тайной подделки «Слова о полку Игореве».

У нас с ним (он меня совершенно не представлял) были прекрасные отношения. Я был ему благодарен — он со своей лабораторией возил меня по театрам всего СССР. На этот раз была Грузия — солнце, горы, древние крепости и монастыри, живописный Тбилиси, великий театр Ру-

ставели с великим режиссером Стурúa, потрясающее грузинское гостеприимство, море вина. Ах, где ты сегодня щедрая, изобильная Грузия, моя театральная сказка?

Так вот как-то вечером у нас с Зубковым зашла речь о половцах, так как остатки этого великого степного народа смешались с грузинами, дав замечательную расовую смесь (это говорил Зубков). Кстати, вспомнили и «Слово о полку Игореве». И я сказал, что был студентом Зимина и увлекался его идеями. Зубков искренне огорчился:

— Владимир Иванович, вы же — русский человек. И порядочный человек. А Зимин просто выполнял сионистский заказ. За него в Академии наук голосовали одни евреи.

Я начал возражать. Но Зубков был непреклонен и в сердцах заявил:

— Таких, как Зимин, надо просто расстреливать. И расстреливали. Один старый чекист мне рассказывал, как в ЧК шлепнули дворянчика, который что-то знал о подделке «Слова о полку Игореве». За ним были кое-какие антисоветские дела. И к тому же он признался, что его прадед подделал «Слово о полку Игореве». Вот его и шлепнули, в том числе и за подделки прадеда.

Я ахнул. Начал его расспрашивать. Но он более ничего не знал. И что это была за подделка, не имел никакого понятия. Он ничем этим не интересовался совсем. Просто слышал, что прадед какого-то дворянчика-антисоветчика, арестованного ЧК, сделал что-то плохое по отношению великого произведения русского народа «Слова о полку Игореве». За что его правнука справедливо покарали чистейшие руки чекистов. Может, своим признанием он хотел заинтересовать ЧК и так спастись. Не помогло, наоборот — пропал, больше Зубков ничего сказать не мог.

Но для меня это имело исключительное значение. Возможно, речь шла о важнейшем факте, а именно: о тайне подделки «Слова».

Конечно, услышанное мной ни в коей мере не могло быть доказательством, не являлось и не является историческим фактом. Все это ничего не доказывает, не является научным. Возможно, это просто легенда. Но нет дыма без огня. И первая мысль у меня была: это Бардин. Как уже говорилось, Бардиным было изготовлено четыре «подлинных» списка «Слова», четыре фальшивки. Но Бардин не был дворянином. А вдруг это Мусин-Пушкин, «крестный отец» «Слова».

И именно его правнук был арестован чекистами и рассказал о подделке прадеда. Разумеется, доказать подсоб-

ное совершенно нереально. Но все это эмоционально толкнуло меня на то, чтобы вполне серьезно заподозрить: вот он — «поддельщик». У него был великий стимул (повторюсь) для того: отличиться в глазах императрицы. И он пошел на такой риск, правда, как указывал сам Зимин, принял соответствующие меры, отойдя впоследствии от издания «Слова», все переложив на Малиновского, чтобы в случае разоблачения вину свалить на него. Получив рукопись от Иоила, как пишет А. Формозов: «Ловкий царедворец А. И. Мусин-Пушкин, стремившийся угодить занявшейся историческими штудиями Екатерине II, выдал «Слово» за подлинное произведение литературы Древней Руси, внося в текст некоторые изменения». И расчет оправдался — Мусин-Пушкин сразу попал в фавор.

Кстати, Мазон ведь тоже видел автора подделки прежде всего в Мусине-Пушкине. Конечно, это незаурядная личность в нашей истории. Знаток старины, умелый коллекционер древних рукописей А. И. Мусин-Пушкин имеет большие заслуги перед отечественной наукой: он собрал и опубликовал целый ряд ценнейших исторических документов. Но сложен человек, подвержен соблазнам... Случайный рассказ, услышанный от Зубкова, сосредоточил мое внимание именно на Мусине-Пушкине, позволил отойти от логики Зимина с его Иоилем и сделать первый шаг к своей версии к пра«Слову».

ПРА«СЛОВО»

Я пришел к выводу: было пра«Слово». Только так можно совместить несовместимое: и правду и Зимина и сторонников подлинности «Слова». Они тоже, несомненно, правы.

Крупный исследователь «Слова» В. П. Адрианова-Перетц, опровергая Зимина, писала: «Словесный материал, из которого построено «Слово», при всем его художественном своеобразии, вполне соответствует тому способу выражения, который зафиксирован в разных типах книжного и народного письменного языка домонгольского периода». Работы Адриановой-Перетц и других исследователей в последние годы убедительно доказали, что язык «Слова» архаичнее языка «Задонщины», что языковая основа «Слова», при всех наносных позднейших явлениях, подлинная, из XII века. Теперь сторонники подлинности могли считать свою точку зрения полностью победившей. Однако, на мой взгляд, это доказывает, что мог существовать какой-то

неизвестный, не дошедший до нас памятник XII века — пра«Слово» (так назовем его). И все аргументы защитников подлинности «Слова» относятся именно к нему.

Такова моя версия: существовало пра«Слово», произведение XII века. Оно было уникально, как любое выдающееся произведение.

Что собой представляло пра«Слово», к какому жанру оно относилось — сказать подобное не представляется возможным. Не исключено, что оно являлось, так сказать, «заказным» произведением. Князь Игорь хотел реабилитировать в глазах потомков (да и современников) свое имя и заказал какому-то приближенному себе лицу подобное сочинение. Можно предположить, что это был — талантливый, может быть — гениальный человек, далеко опередивший свое время, создавший выдающееся сочинение. Как лицо зависимое, он вынужден был восхвалять неудачника-князя. Но страстный призыв к единству русских людей, огромная любовь к родине, выраженные с огромной художественной силой, сделали его сочинение вневременным, созвучным и XVIII веку и нашему времени.

Но почему же оно оставалось неизвестным в Древней Руси? На мой взгляд, на это были свои причины. Словесное мастерство тогда могли и не оценить. А описание похода некрупного князя из маленького Новгород-Северского княжества, к тому же закончившееся поражением, не могло быть популярно на Руси. Потому его и не переписывали, не цитировали и более того — не знали. В нем не было, с точки зрения русского средневекового человека, ничего выдающегося. Другое дело «Задонщина». Сочинение о великой победе, важной не для какого-то отдельного княжества, а для всей Русской земли. Это было просто необходимо и переписывать и цитировать. Масштаб неизмеримо другой — великий.

Возможно так, непопулярное, можно сказать, малоизвестное (почти неизвестное) сочинение XII века о походе Игоря, по воле судьбы, в единственном экземпляре, дошло до XVIII века и попало в руки людей умных, способных, прекрасно знавших древнеславянский язык. Им хотелось отличиться в газетах Екатерины II, найденное сочинение не давало такой возможности, могло быть непонято, не оценено. И возник соблазн обработать его, превратить в поэму, равной которой на Руси не было и не могло быть. Возможно, именно так была совершена подделка. Зимин прав: известный нам текст «Слова» написан (вернее, переписан) в XVIII веке. Но первоисточник его — не

«Задонщина» (хотя и «Задонщина» и другие древние источники могли использоваться), а древний, подлинный текст — пра«Слово». Оно могло входить в сборник древних памятников, попавших в руки архимандриту Иоилю, который потом продал сборник А. Мусину-Пушкину. И Мусин-Пушкин мог совершить подделку (скорее всего он).

Древнее творение, непонятное людям XVIII века, под пером умелого автора превратилось в понятную и привычную по жанру лирико-патриотическую поэму. Сам первоисточник, видимо, при этом был уничтожен (концы в воду). Тот, кто подверг этот древний памятник своей литературной обработке, мог и не обладать выдающимися способностями, но у него под рукой было талантливое сочинение, что и привело к выдающемуся результату.

Первобытный алмаз при обработке превратился в дивный бриллиант. И присмотритесь к «Слову». Оно, на мой взгляд, написано как бы двумя разными людьми. Первый из них — почти язычник, он обращается к языческим богам — Велесу, Стрибогу, Дажьбогу, называет русского человека внуком Дажьбога, пишет о каком-то неведомом Диве, для него природа — единое целое с душой человека, он знаток своего времени, в котором многое непонятно нам, отсюда — «темные» места в «Слове», он пишет изначальным, древним языком, который подвергается ритмизации, но не поддается полной обработке. Вот оно, на мой взгляд, пра«Слово».

Свист звериный поднялся,
Встрепенулся Див —
Кличет на вершине дерева,
Велит послушать земле незнаемой...

* * *

Встала обида в войсках
Дажьбожьего внука,
Вступила девою на землю Троянову,
Всплескала лебедиными крылами
На синем море у Дона,
Плеская, растревожила времена обилия...

* * *

...Уже бросился Див на землю.
Вот уже готские красные девы
Запели на берегу синего моря.

И нет этим словам ни объяснения, ни подлинного толкования. Это — изначальное.

Но рядом — другой автор, из XVIII века. Он вносит в текст современные ему слова, он делает исторические ошибки. Для него природа — фон для событий, он — христианин. И он использует уже достижения поэтики державинского времени, и, сочетая это с древней первобытностью, создает удивительную поэму.

«...Кони ржут за Сулой —
Звенит слава в Киеве.
Трубы трубят в Нове-городе,
Стоят стяги в Путивле...»

* * *

О Русская земля! Уже ты за холмом!

* * *

Русичи великие поля
Червленными щитами перегородили,
Ища себе чести, а князю — славы.

* * *

«Ни хитрому,
Ни умелому,
Ни птице умелой
Суда Божьего не миновать».

Все это — подлинная, настоящая поэзия. И мы можем не употреблять оскорбительное наш слух понятие — «подделка». Подделка не может быть великим произведением. Это — сделанное в XVIII веке — литературное переложение выдающегося творения, «золотого слова русской литературы» — «Слова о полку Игореве». Основа переложения, без сомнения, подлинная. Потому «Слово о полку Игореве» навсегда останется великим произведением.

* * *

Все сказанное мной — только первый шаг для меня к «Слову о полку Игореве». Моя версия возникла в Вологде. В нашем городе тоже есть исторические моменты, связанные со «Словом». И я посвящаю свою работу, как и всю мою книгу, 855-летию Вологды.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Вологодские тайны	3
Женщине запрещено, или Тайны русского святого	13
Величайший российский плут	33
Тайная любовь Пушкина	55
Масонский знак Пушкина. <i>Повесть из разных сюжетов</i>	70
Особняк Пиковой дамы	103

ОЧЕРКИ СМУТНЫХ ВРЕМЕН

Что за выстрелом в Милорадовича... ..	111
Спор	119
Послы в Вологде	128

В НЕКОТОРОМ РОДЕ ДЕТЕКТИВ

Увезти «Королеву Вологды»	149
«Бесследно исчез»	154
Дело Сухово-Кобылина и Гроссмана	169

ПОРТРЕТЫ ПЕРСОН

Вологодская свадьба Сергея Есенина	181
Последний сюжет для «Колымских рассказов»	190
Вспоминая Александра Вампилова	199
Душа хранит	204
Жестокий дар	212
Звезда Кандинского	215
«Взрыв» золотого «Слова»	218

Аринин В. И.

А81 Женщине запрещено: Тайны необычных личностей. — М.: Современник, 2002. — 239 с.; ил.

ISBN 5-270-01337-1

Вологодский писатель Владимир Аринин покориł книжный Олимп в 1998 г. «Неразгаданными тайнами Пушкина», получившими большой общественный резонанс и вошедшими в список «интеллектуальных бестселлеров» года. Это его третья книга о тайнах и таинственном. В ней на суд читателей выносятся сенсационные версии об авторстве и времени написания «Слова о полку Игореве», о «заговоре трех послов», а также о вологодской любви ссыльного Иосифа Сталина, об искушении святого Кирилла Белозерского, об утраченной любви Пушкина и масонах Остолопове и Поздееве, о неизвестных моментах бытия известных писателей и поэтов: Есенина, Северянина, Вампилова, Рубцова, Шаламова, Астафьева. Они столь непохожи — и в своих лучших делах и в своих падениях, зачастую связанных с женщиной... И к тому же все эти люди и события так или иначе невероятным образом связаны с Вологодской землей.

«Современником» издана своеобразная трилогия Аринина (вторая книга — «Только в любви... Тайны русских гениев» — в 2002 г.), хотя каждая из книг вполне самостоятельна.

УДК 882-3Аринин
ББК 84(2Рос=Рус)6

Литературно-художественное издание

Владимир Иванович Аринин

ЖЕНЩИНЕ ЗАПРЕЩЕНО

Тайны необычных личностей

Редактор *В. А. Серганова*

Художественный редактор *Н. Б. Егоров*

Технический редактор *В. И. Тушева*

Корректор *В. А. Серганова*

Издание подготовлено к печати по автоматизированной
редакционно-издательской технологии на персональных ЭВМ
Операторы: *Г. П. Аблизина, Е. В. Аристархова, Н. И. Меламед*

ЛР № 010006

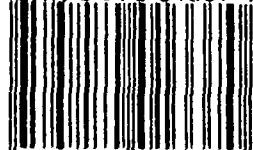
28.10.1996 г.

Сдано в набор 18.06.2002. Подписано к печати. 29.10.02.
Формат 84х108/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. № 1. Усл. печ. л. 12,6+0,84 вкл. Уч.-изд. л. 15,4.
Тираж 3000 экз. Заказ № 3758

Издательство «Современник»
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62
Факс/тел.: 941-35-44 (приобретение тиража)
941-38-36 (киоск)

ООО ПФ «Полиграфист»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

ISBN 5-270-01337-1

9 785270 013370 >

